

ОЛЬГА
ЛАРИОНОВА

СОНАТА
МОРЯ

Д

Ленинград
«Детская литература»
1985

РИСУНКИ И ОФОРМЛЕНИЕ Ю. СМОЛЬНИКОВА

ОЛЬГА
ЛАРИОНОВА

СОНАТА МОРЯ

НАУЧНО-ФАНТАСТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ

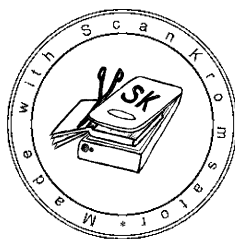
Научные рецензенты:

доктор философских наук, профессор И. Л. Андреев,
доктор биологических наук Б. Ф. Сергеев

Рецензент —

член совета по научно-фантастической и приключенской
литературе

Союза писателей РСФСР О. П. Соколов

Scan AAW

«Люди забыли эту истину, — сказал Лис, — но ты не забывай: ты навсегда в ответе за всех, кого приручил».

Антуан де Сент-Экзюпери

— **А**ппаратура в котором контейнере? — кричал мулат в кожаных штанах, скаля на солнце тридцать два золотых зуба и запрокидывая голову, чтобы голос его долетел до носовой части гигантского корабля, такого одинокого и чужеродного на этой нецивилизованной планете.

— В шес-то-о-ом! — донеслось из поднебесной вышины. — Скажи кибам, чтоб платформу подавали!

— Я са-а-ам!

Обладатель кожаных штанов обернулся и только тогда увидел Варвару, еще не вышедшую из кабины пассажирского лифта. Несколько секунд он оторопело взирал на нее, потом почесал за ухом и достаточно нелюбезным тоном изрек:

— Так. А дед где?

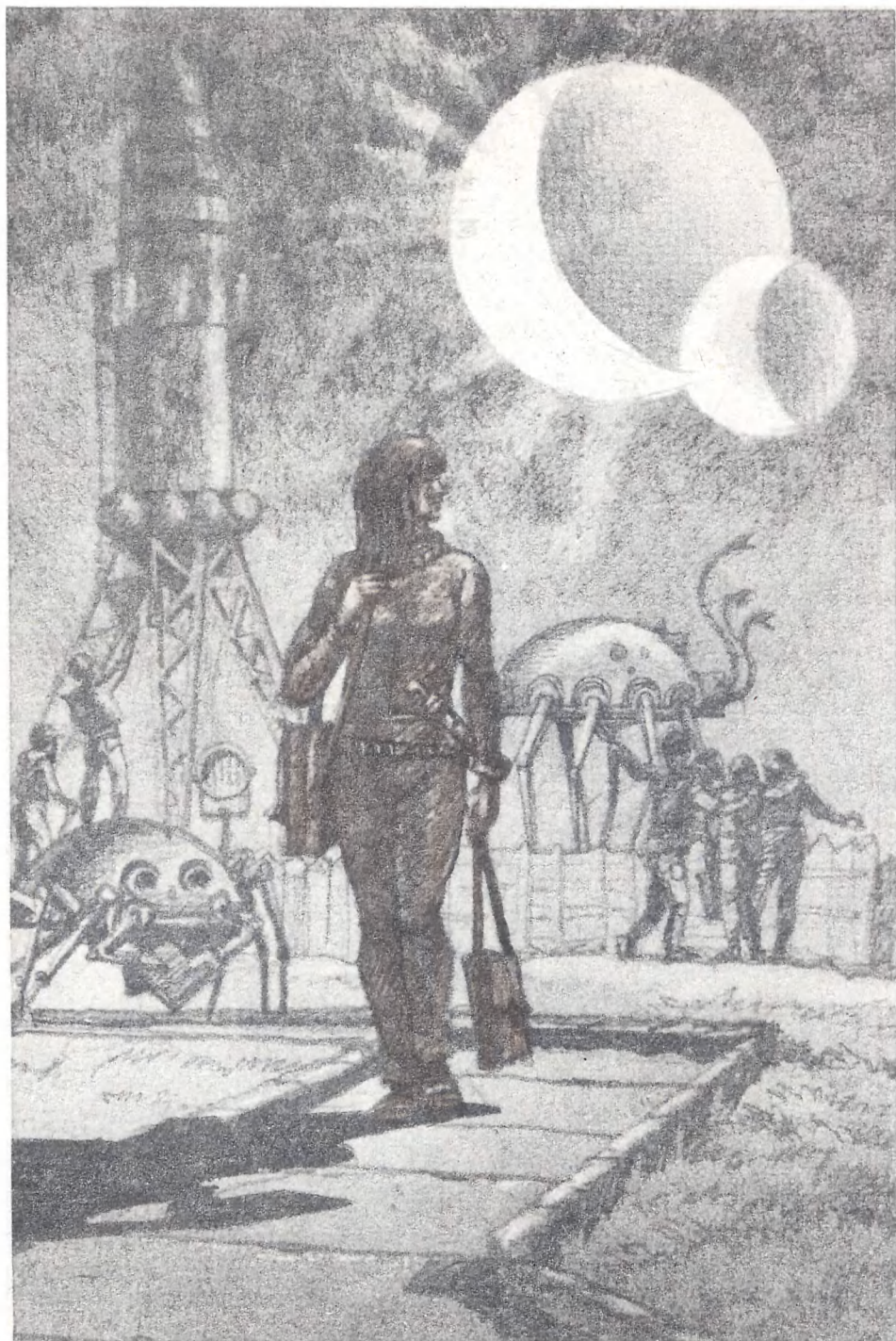
Варвара поймала себя на том, что ей тоже хочется почесать за ухом. Хм, дед. Пилот-механик был по-старчески брюзглив, штурман-пилот — бородат, механик-штурман — лыс, но седина подразумевалась. Значит, дедом могли назвать любого.

— Дед наверху, — коротко ответила она.

— Превосходно!!! — возопил мулат, словно в одном факте существования «деда» уже заключалось нечто феерическое.

На сем диалог прервался, потому что он метнулся в кабину громадного контейнеровоза — такого Варвара ни разу на Большой Земле не видела, — прогнал оттуда золотого членистоногого кибана (да что у них тут, золотые россыпи, что ли?) и начал осаживать грузовик прямо к швартовочным опорам корабля с такой демонстративной лихостью, которая довела бы земного инспектора по технике безопасности до невменяемого состояния. «Вот сейчас либо машину покалечит, либо груз примет мимо платформы, — с непонятно откуда взявшимся раздражением подумала Варвара. — Ну, а мне-то что? Мне вот давно пора совершить исторический шаг и ступить, наконец, на девственную почву этой первой в моей жизни далекой планеты, занесенной в звездные каталоги под именем Земли Тамерлана Степанищева. А то я торчу тут на

пороге лифта, как вечерняя фиалка, повергая космодромный персонал в изумление своей нерешительностью...»

И она совершила исторический шаг.

Правда, девственная почва оказалась рукотворным шершавым бетоном, а космодромного персонала вообще не было видно, но что могли значить такие мелочи перед счастьем стоять на твердой земле? Несмотря на усиленные тренировки, Варвара, не без основания считавшая себя человеком крепким и закаленным, перенесла полет без восторга, а процедура посадки оказалась и вовсе тошнотворной маятой. И вот теперь ее тело, совсем недавно сжатое перегрузкой в нервный ошестившийся комок, только-только начало обретать былую чуткость и восприимчивость. Глаза широко и удивленно раскрывались. Ветер доносил непредставимые доселе запахи. Кожа теплела под тугим напором лучей. Вот она, чужая земля. Враждебная? Дикая? Нет, скорее наоборот — дружелюбная, доверчивая, как ластящееся животное...

Она еще немного постояла, проверяя, прошло ли головокружение. Прошло. Тогда она шумно вдохнула пряный прохладный воздух и пошла к веренице ожидающих погрузки контейнеровозов.

— Э-э, осторожнее! — крикнули сзади.

Она обернулась, и прямо в глаза ей ударил ослепительно желтый луч света. Не медовый, не лимонный — золотой до осязаемости. «Прямо не космодром, а танцплощадка какая-то», — подумала Варвара. Ни танцев, ни цветной иллюминации она отродясь не терпела. Пришлось заслониться ладонью и попятиться так, чтобы навязчивый маскарадный прожектор оказался за массивным корпусом еще испускавшего тепло звездолета.

И тогда она вдруг поняла, что это вовсе не прожектор, а знаменитое тамерланское солнце, прижатое к самому горизонту многослойным шоколадным облаком. Из средней части корабля, загибаясь книзу, выползли два уса — разгрузочные направляющие; перечеркнув облако, они коснулись земли и растворились в быстро густеющих сумерках. Черной почкой выпятился первый контейнер, отделился от борта и заскользил вниз, навстречу фыркающему в полутьме грузовику. В какой-то момент контейнер попал в конус закатного света, и по всему космодрому разметнулся веер причудливых бликов, словно на бетон вытряхнули целый невод золотых разнокалиберных рыбок.

Бронзовый киб, напоминающий членистоногого кальмара, наблюдал за всей этой процедурой целым ожерельем видеодатчиков, опоясывающим его вычислительный бурдюк. Контейнер лег на платформу, и грузовик, натужно рыча, пополз прямо на Варвару. Она посторонилась; из кабины вывалился шофер, гаркнул:

— Повторять мое движение! — и звонко поддал киб по бурдюку, словно тот нуждался в начальном импульсе.

Киб, до сих пор не шелохнувшийся, внезапно ожил, догнал плавно идущую машину, запрыгнул в кабину на освободившееся место и повел контейнеровоз в голову колонны. Поставив машину (у Варвары появилось подозрение, что он водворил ее на прежнее место с точностью до миллиметра), он выключил мотор, пересел на следующий грузовик и покотил «повторять».

— Какой исполнительный рыжий! — невольно вырвалось у девушки, когда она слышала шаги приближающегося шофера.

— А почему — рыжий?

Действительно, почему? Теперь, когда солнце село и включились настоящие прожекторы, стало ясно, что и киб этот был не бронзового цвета, а обычного серебристого, и мулат — не мулат, и зубы у него самые обыкновенные... Фокусы неземного солнца, вот и все, а она попала, как первокурсница, еще не проходившая космической практики. Впредь надо держать язык за зубами, а то еще не раз вот так сядешь в галлоу...

— Извините, — проговорила она, кляня себя за оплошность, — действительно, кибы — это не по моей части.

— А что — по вашей? Кто вы, собственно говоря, такая?

— Что вас конкретно интересует? — взъерошилась Варвара.

— Ваша профессия, если вы позволите, затем степень причастности к данному рейсу — может, вы тут только транзитом? У нас ведь из пассажиров ожидался только один дед, мы его, знаете ли, жаждем видеть в качестве свадебного генерала...

Почему искомого деда он упорно называет пассажиром? Ведь кроме нее на борту были только члены экипажа. А, не ее дело.

— Я радиооптик, — скупобронировала она. — Зовут Варварой. Сюда по распределению, то есть на два года. Земных.

После каждой пары слов она делала маленькую паузу — проверяла: не сказала ли чего лишнего? Вроде бы нет, не сказала.

Шофер, уперши руки в бока, разглядывал ее крепкую, мускулистую фигурку.

— Огнестрельным оружием владеете? — спросил он быстро и как будто без малейшей связи с предыдущим.

Да что он пристал, как банный лист?

Ведь все, готовящиеся к работе на дальних планетах, сдают зачет по стрельбе. Вероятно, его интересовал не сам факт, а степень совершенства.

Но что здесь, на Тамерлане, считается совершенством?..

— Стреляю. Сносно.

Он вдруг развеселился, хлопнул себя по кожаным штанам:

— Знаете что, познакомлю-ка я вас прежде всего с нашим собственным дедом! У вас примерно одинаковая степень контактности. Мы-то сначала думали вашего деда с нашим объединить, а то наш что-то совсем в грусть впал. А сейчас думаю, лучше вас ему пары и не надобно!

Варвара в очередной раз сдержалась, позволила себе только сухую реплику:

— Я бы не сказала, что испытываю желание быть с кем-то объединенной.

— А что нам тогда с Лероем делать? — взорвался вдруг шофер, переходя на тот естественный тон, каким обсуждают наболевшую проблему с хорошо знакомым человеком. — Связать его по рукам и ногам и сантранспортом на Большую Землю? Да? Или подстеречь его с гипноизлучателем где-нибудь в кустах? Так он исключительно по пляжу вышагивает, кусты далеко, а со скал излучатель не возьмет. И варианта

тут два: если так будет продолжаться, он либо помрет от неизвестной тоски, либо свихнется. Вас это устраивает?

Собственно говоря, в словах его присутствовала железная логика: если уж ты, голубушка, здесь не транзитом, а по распределению, то с первой же минуты твоего пребывания на Тамерлане тебя все должно касаться — от неведомого деда Лероя до последнего сигнального фонаря на грузовом прицепе. Так положено у нас, на дальних планетах.

Свойственный ее характеру жесткий самоконтроль поставил еще одну галочку в невидимой графе «промахи». Хотя — что ей было отвечать? Что-де всегда готова? И на всё? Не умеет она так, даже если это здесь и принято. И вероятно, не научится.

Так что будет трудновато.

— Последняя платформа, — проговорил шофер уже совсем другим тоном, словно несколько минут вовсе и не он кричал на девушку, размахивая кулаками и скаля сияющие обманным золотом зубы. Экспансивен не в меру, определенно — дитя субтропиков. Кто там в группе Сусанина, куда ее распределили? Из мужчин — Параскив и Кёлликер, как говорили на Большой Земле. Но этот определенно не подходит ни под одну из этих фамилий.

Она утвердительно кивнула, радуясь тому, что хоть на этот раз ей ничего не надо отвечать. В это время кабина пассажирского лифта, незаметно ускользнувшая вверх, задрезбжала в коричневой вышине, сверху обрушились сразу три зычных голоса, и определенной смысловой нагрузки эти крики явно не несли, а служили только увертюрой к предстоящей встрече. В кабинку что-то со скрежетом затаскивали, всем не терпелось, и хозяин кожаных штанов, так и не потрудившийся представиться Варваре, тоже издал восторженный вопль, запрокинув голову и щуря свои и без того узенькие глазки. Словно в порыве естественного восторга он поднял над головой свои внушительных размеров ладони, соединив их в приветственном жесте, и так же непринужденно уронил тяжкую левую ладонь на плечо Варваре.

Вот этого она терпеть не могла. Плечико у нее было крутое и для ее невеликого роста весьма сильное, так что одного движения было достаточно, чтобы прекратить подобное панибратство и притом заработать предубеждение к повторению опыта.

Но шофер и ухом не повел, словно под его ладонью мышь трепыхнулась; наоборот, рука его на Варваринном плече стала еще тяжеловеснее: стой, где стоишь. Варвара замерла, но вовсе не потому, что подчинилась. Просто бывают такие моменты, когда перед глазами происходит что-то невероятное, алогичное и нужно все силы бросить на то, чтобы не упустить ни одну деталь, оценить происшедшее и понять, что же нужно делать именно тебе. В такие секунды замираешь, и со стороны может показаться, что это — страх; но это другое, потому что такое приходит раньше страха. И Варвара замерла, потому что правая рука ее собеседника нетерпеливо выдирала из незастегнутой кобуры тяжелый пистолет с граненой насадкой на дуле. «Вы, значит, стреляете, — процедил он сквозь зубы, и лицо его было совсем не прежним, смеющимся, — стреляете сносно...»

Если бы не эта неожиданная смесь отчаянья и усталости, она попросту подумала бы, что он хочет пальнуть вверх от избытка чувств.

Может, у них так принято. Но она по-настоящему перепугалась, когда в какой-то миг ей показалось, что этот ненормальный сунет пистолет ей и заставит стрелять в кого-то...

Ничего подобного. Он вскинул руку, и она, невольно следуя за его движением, глянула влево, вдоль корпуса исполинского корабля, и на фоне золотисто-коричневого закатного облака увидала силуэт великолепного оленя, который небезуспешно разносил довольно шаткую ограду космодрома. Белоснежные рога подымались над изящной головой так легко, что казалось — над черной развевающейся гривой бьет живой фонтан. Гривистый олень, значит. Чудо-то какое! В каталогах Сусанина, успевших дойти до Большой Земли, его не значилось, да и много ли могло поместиться в двух компактных катушках феррографа! Да еще к тому же сколько места отнимал постоянный рефрен: специалистов, специалистов, и именно по дальним планетам!

Впрочем, этого требовали со всех осваиваемых планет...

Выстрел хлопнул совсем негромко, и тотчас же впереди, там, где сильные ноги оленя крушили бревенчатый заборчик, полыхнул столб веселого, брызжущего искрами огня. Огромная бенгальская свеча вымахала чуть ли в ползвездолета, и в ответ из кабинки опускающегося лифта тоже принялись радостно и беспорядочно палить, отчего в небе послушно расцвели многоцветные укропные зонтики. Вольно или невольно они были направлены в одну и ту же сторону, если только Варвара не ошибалась, то на здешний юг, и вскоре оказалось, что всё правильно, потому что там, за кромочкой бурых гор, тоже затеплилось ответное радужное сияние. Значит, увидели и тоже палили от избытка чувств. Конечно, этому зареву могло быть и другое объяснение, но оно как-то не приходило в голову.

Всё правильно, говорила она себе, здесь такие порядки, такие законы. Надо оглядеться, прикинуть все на собственных ладонях (она даже приподняла свои широкие суховатые ладошки, словно взвешивая на них невидимое добро и зло). И стрельба под ноги этому сказочному оленю, несколько веков назад приснившемуся великому причуднику Карло Гоцци, тоже в порядке вещей. Ладошки непроизвольно потерялись друг о друга — не то стряхивали что-то постороннее, не то зудели... Нет, не принимало Варварино нутро некоторых здешних традиций. Категорически.

Бенгальский столб медленно опадал, на посадочной площадке становилось совсем темно. Там, где несколько секунд назад пронзительное желтое солнце выметывало лучи прямо из-под брюха исполинского оленя, уже никого не было. Только далекие косые жердочки поломанного забора перечеркивали тусклую лунообразную краюшку светила, затуманенного надгорным облаком. Горы, со всех сторон горы. Под снижающимся кораблем она тоже видела одни скальные массивы. И почему, отправляя ее, Полубояринов как-то задумчиво проговорил: «Это ведь еще та степь...».

Кабинка лифта со скрежетом плюхнулась на амортизатор, и только тогда Варвара почувствовала, что на ее плече больше нет властной чужой руки.

— Осьмуха, забор чинить! — рывкнул шофер кибу-осьминогу и ринулся навстречу прибывшим.

В темноте возле лифта что-то восторженно кипело, фыркало, хлопало. Одним словом, бурлила радость. Выражалось это в том, что трое мужчин обнимали четвертого. Неужели каждые два месяца, когда прибывает звездолет, возникают такие необузданные эмоции? Ведь ничего особенного, почта прибыла, и только.

Хотя, может, и не всем удастся в следующий раз выйти в космос — возраст, здоровье...

Мимо Варвары на полной скорости пронесся механический осьминог с жердиной в щупальцах — вероятно, забор чинить. Забор у космодрома! Помереть можно было бы со смеху, если б космодром был земной. А здесь привывать нужно ко всему, в том числе и к этому. Потому как — дальняя планета.

Четверка, басовито и нечленораздельно выражавшая непреходящую радость встречи, возникла из темноты буквально в двух шагах от девушки, и тут только шофер, отделившись от общей массы, гулко хлопнул себя по лбу и горестно возопил:

— Лентяи! Деда-то забыли!..

«Лентяи» недоуменно переглянулись.

— Какого еще деда? — недоуменно осведомился кто-то из экипажа, кажется, механик-штурман.

— Да деда же, этого самого... чучельника!

— Дедов не возим.

Варвара с удовлетворением почувствовала, что наконец-то и этот шофер-весельчак прилюдно сел в галошу.

— Как же так? Меня Солигетти стопроцентно заверил, что он этого деда — впрочем, скорее, дед его — в сорок восьмом году на Белой Пустоши из анабиоза вытаскивал! И фамилия-то еще запоминающаяся, такая рыбная... А, Навага!

— Норega, — сказал пилот-механик. — Так это она.

Наступившая пауза страдала излишком мелодраматизма.

— Та-ак, — констатировал шофер с теми неподражаемыми модуляциями в голосе, с которыми невоспитанный директор инопланетной базы комментирует прибытие манекенщицы Дома Галактических Мод, присланной (даже без злого умысла) вместо заказанного противометеоритного кибер-снайпера. — И в котором же контейнере ваш багаж, картины-корзины-картонки?

Варвара позволила себе еще одну томительную паузу.

— Мои контейнеры ВСЕ. Кроме разве что пятого и шестого.

— Ну, спасибо, лентяи, — сокрушенно проговорил шофер, кланяясь в пояс. — Привезли мне подарочек. Просил специалистов, прислали барышню. С приданым. Пошли спать по этому поводу, завтра повезу вас ни свет ни заря.

Четверка снова обнялась и двинулась куда-то в темноту, дружно брякая содержимым карманов. Варвара пожалала плечами и направилась следом, сосредоточенно глядя под ноги, чтоб не споткнуться. По мере того как они отходили к краю площадки, дальние прожектора медленно отключались. Впрочем, толку от них было немного. Гостиничного типа домик вырос навстречу, слева и справа в его стены упирались толстые жерди деревенского забора. Все правильно, бетон ведь, наверное, возят с Земли.

Мужчины посторонились, пропуская девушку, массивная цельнометаллическая дверь откатилась с визгом, свидетельствующим о нерадивости хозяев. За дверью следовал неожиданно уютный холл, выстланный синтетическим ковром. Ковер тоже не холили, от входа, расходясь латинской «пятеркой», вели две грязноватые тропочки: к левой внутренней двери — едва заметная, деликатная, к правой — протоптанная широко и добротнo.

Владелец кожаных штанов, все еще хмурый и разочарованный, сделал широкий жест, приглашая Варвару проследовать в левые апартаменты. Вероятно, там было все, что нужно для отдыха, потому что он только неприветливо буркнул:

— Разбужу.

— Спокойной ночи, — корректно ответила она и притворила дверь.

В маленькой комнатке действительно было все, что нужно: узкая, как и на звездолете, кровать, откидной столик и холодильник, рассчитанный отнюдь не на аскета, — сквозь его прозрачные стенки проглядывали аппетитные колбасы явно неземного происхождения, химический стакан с молоком и целая тарелка чего-то пузырчатого, отливающего свекольным цветом. Далее в задней зеркальной стенке отражалось смуглое насуспенное личико со скифскими скулами и решительно очерченным ртом. Над верхней губой едва обозначался нежный темный пушок, как это бывает у очень смуглых девушек, придавая им редкостное своеобразие; но Варвара, как это случается в пору излишней к себе придирчивости, возвела едва уловимую поросль в ранг усов, свалила на них все свои реальные и мнимые несчастья и раз и навсегда возомнила себя окончательным уродом.

Это усугубило ее природную замкнутость и отвратило от девического пристрастия к верчению перед зеркалами.

Вот почему она несколько помедлила перед холодильником, выбирая между сомнительным удовольствием еще ближе очутиться к собственному ненавистному отражению и несомненной радостью вкусить не запретных, но абсолютно неизвестных плодов.

Второе пересилило.

Дверца распахнулась со старомодным звоном, и по внутренним стенкам заплясали малиновые блики. Варвара, как зачарованная, извлекла ледяную тарелку, на которой алели четыре ягоды, по форме и цвету напоминавшие шелковицу, но вот по габаритам сравнимые разве что с вернинским апортом. Если бы не сказочный аромат и упругое подрагивание живой кожицы, их можно было бы принять за елочные игрушки.

Варвара выпрямилась, коленом захлопнула дверцу. Вот тебе и «та степь»! Да если бы перед комиссией по распределению стояла бы такая вот тарелка, то весь курс запросился бы на Землю Тамерлана Степанищева. И не пришлось бы некоторым здешним плакаться по поводу отсутствия специалистов.

Стоя посреди комнаты, она взяла верхнюю ягоду за короткий хвостик, намереваясь разом отъесть добрую треть, и...

Кажется, раздался небольшой взрыв. В следующее мгновение девушка поняла, что звука, конечно, не было, а просто нормальный землянин не в состоянии даже представить себе такой обонятельный и вкусо-

вой удар, который обрушился на нее. Все ароматы садов Шахрезады одним залпом!

Она попыталась утереться ладошкой — сок побежал по запястью и дальше, под обшлаг комбинезона. И конечно, в дверь тут же постучались. Вовремя, ничего не скажешь.

— Не заперто! — крикнула она.

— И напрасно, — проговорил штурман-пилот, просовывая в дверь клочковатую бороду. — Разве вы не обратили внимание на то, что все здешние двери как раз и созданы для того, чтобы запираяться, и понадежнее. Но раз вы этого еще не сделали, то не присоединитесь ли к нашему ужину?

Он смотрел на ее рожицу, заляпанную алым соком, как на что-то совершенно естественное. Пожалуй, из всего экипажа он был если не самым приятным, то наиболее воспитанным человеком.

— Спасибо, я уже, — сказала она, переводя взгляд на стену и обнаруживая там созвездие свежих пламенеющих клякс.

— Жаль, — искренне огорчился штурман. — Кстати, здешние ягоды не едят, а пьют. Соковыжималка на полочке. Ну, запритесь на ночь, и земных вам снов.

Он бесшумно притворил за собой дверь. Варвара поглядела ему вслед и, вспомнив массивную титановую плиту и амбарные засовы на входной двери, несколько удивилась. Пошла к окну — так и есть, тяжеленные ставни. В комнате было прохладно и отнюдь не душно, но у нее уже автоматически включился врожденный комплекс противоречия, руки сами собой нащупали примитивные запоры, и ставни распахнулись.

Малиновый запах почти осязаемым потоком ринулся вон из комнаты. «Не слетелись бы птички-бабочки», — подумала Варвара, усаживаясь на подоконник.

Полноцветные крупные звезды нависали прямо над самым домом, образуя незнакомые созвездья; к горизонту плотность их заметно увеличивалась — видимо, так уж проходил здешний Млечный Путь. И кромка бархатных гор была чуть-чуть иной, чем на Большой Земле, — то ли пики острее, то ли злее и причудливее срезы обрывов... И звон — мелодичный, сладкоголосый, словно здешние цикады весь день обедались сказочным медом.

Впрочем, если судить по произрастающим тут ягодам, цветы, им предшествовавшие, должны быть фантастическими.

Внезапно где-то под окном, внизу и правее, захрустело и заскреблось. И было в этих звуках такое настойчивое отчаянье — а может, и не только в звуках, — это Варвара, перекинув ноги через подоконник, бесстрашно спрыгнула в темноту. Впрочем, если бы там ее подстерегала опасность, она почувствовала бы.

Гладкие, будто обглоданные жерди упирались торцами в стену домика, а дальше, сразу же за этим импровизированным забором, уходил вниз, в непроглядную темень, неопределимой глубины обрыв. Девушка оперлась на теплое еще и такое земное дерево, нагнулась — внизу снова по-лошадиному зафыркали. И что-то белое, раскидистое, тонкопереплетенное, словно ветви только что расцветшей яблони, шевелилось там, силясь подняться. Варвара присела на корточки — снизу

пахнуло теплым хлевным духом, и купа белоснежных рогов всплыла вверх, вознесясь до первой жердины забора. Олень стоял на задних ногах, а передние скребли камень, и тот повизгивал, словно копыта были железными. Лиловый фосфорический блеск широко раскрытого в темноте глаза мерцал жалобно и влажно, и Варвара, не удержавшись, просунула руку сквозь жерди и положила ее на шелковую подрагивающую шею.

При этом движении рассеянный свет из окошка достиг, наконец, ночного прищельца, и девушка увидела клыкастую кабанью морду, увенчанную неподобающими ей королевскими рогами.

Должен был возникнуть страх — и не возник. Рука, доверчиво и естественно лежащая на гриве, не отдернулась.

— Бедненький ты мой, — проговорила Варвара нараспев и почесала безобразную морду между светящихся глаз.

Девушка уже немного привыкла к темноте и теперь разглядывала первого повстречавшегося ей тамерланского зверя с каким-то бабьим состраданием, как смотрят на уродов. А ведь это никакой не урод. По тутошним меркам, наверное, даже красавец. Король-олень. А если хорошенько приглядеться, то и на земной вкус он не так уж безобразен. Грива, как у яка, рога... не классической формы рога и пупырышками, точно приготовившаяся цвести верба, и такие теплые на вид. И глаза колдовские...

За спиной, в домике, что-то хлопнуло — то ли пробка, то ли дверь. Варвара быстро поднялась с колен.

— Давай-ка ты отсюда, — торопливо зашептала она, — а то этот чудак опять палить начнет...

Она перелезла обратно. Нет, в комнате никого не было. Ложная тревога. Но спать хотелось просто смертельно — видимо, сказалось предфинальное напряжение. Она подвинула койку к окну, отстегнула пояс с неразлучным охотничьим ножом, стянула с плеч комбинезон. Руки цепенели — так и заснула бы полураздетая. Нет, не одно только волнение было причиной этого изнеможения: тело, привыкшее ежедневно к нескольким часам активного плавания, над водой или под нею, просто изнывало без воды. Она согласилась лететь на Тамерлану только потому, что база, как ей пообещали, располагалась на самом берегу теплого и совершенно безопасного моря. Она жадно оглядывала его контуры сверху, при посадке — теперь оно было далеко, разве что завтра к полудню удастся добраться.

Что ж, потерпим до завтра.

В последний миг она нащупала на стене распределительный щиток и, блюдя правила безопасности, включила в оконном проеме поле силовой защиты.

Желтые звезды затуманились, значит, поле было мощнейшим. И что они тут так страхуются — ведь в инструкциях, которые она изучала перед полетом, говорилось абсолютно уверенно, что на Земле Тамерлана Степанищева — точнее, в обозримых окрестностях береговой базы — опасных для человека животных форм не имеется. И тем не менее...

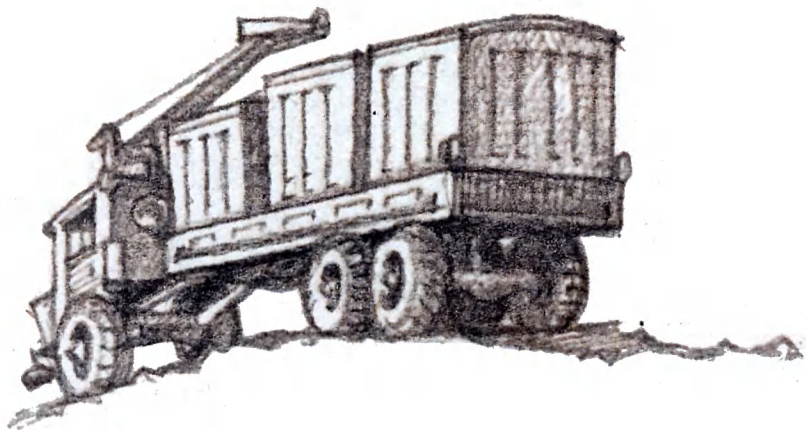
Да, вот тебе и «та степь».

Она потыркала кулачком слежавшуюся подушку, вытянулась

на прохладных простынях, пробормотала невесть откуда взявшееся: «На новом месте приснишь жених невесте» — и заснула.

Приснился птеродактиль.

Брезентовая крыша над кабиной первого контейнеровоза была свернута, и когда туда кроме меднолицего шофера набились еще и все космолетчики, там стало тесновато — во всяком случае, две головы торчали

наружу. Впрочем, Варваре приходилось на ее коротком веку путешествовать еще и не в таких условиях, но шофер, ни свет ни заря поднявший ее с постели и почему-то не заикнувшийся о завтраке, сухо кивнул ей на вторую, свободную, машину: «Поедете на этой». Девушка досадливо раздула ноздри — первое ее утро на Тамерлане начиналось не совсем так, как ей хотелось бы, — и вспрыгнула на высокую подножку. За рулем омертвело застыл флегматичный осьминог, не то вчерашний, которого гоняли по посадочному полю в хвост и в гриву, не то точная копия первого. Этих кибов ведь не отличишь друг от друга, особенно в сидячем положении, когда не видно крупно выведенного ниже пояса инвентарного номера.

Впрочем, нет худа без добра: можно без стеснения зевать и вообще заниматься чем вздумается. Вздумалось, естественно, позавтракать — Варвара достала из кармана предусмотрительно прихваченный из холодильника кусок колбасы, вынула неразлучный охотничий нож и точным движением отсекла ломтик. Колбаса резалась как масло и благоухала тмином и сказочными травками маленького Мука. Киб, снабженный зачем-то блоком обоняния, неожиданно зашевелился, словно закачал головой, но Варвара сделала вид, что не поняла, и продолжала завтракать.

На пульте кабины что-то щелкнуло, голос шофера, усиленный динамиком, рявкнул: «Осьмухи, трогаем!» — разом взревели моторы, но с места никто не тронулся. Прошло секунд тридцать, потом впереди кто-то грохнул дверцей. Варвара опустила стекло, выглянула — в космо-

дромных воротах прямо на пути колонны стоял ее ночной красавец, просительно выгнув шею и скосив лиловый глаз. Пришел проводить, умница. И не так уж он и сквернообразен, если внимательно приглядеться при дневном свете... Впрочем, нет, чудовищен. И клыков несколько, как у бабирусы, и уши свинячьи. Так и обхватила бы его голову страшную, щетинистую, и заплакала, точно аксаковская молодая

дочь купецкая, и вымолила бы не облика человеческого, а лишь земной красоты лесной...

Король-олень нетерпеливо топнул изящным копытом и тронулся в обход первой машины, но из ее кабины вылез совсем не почтительный к королевскому его достоинству шофер со здоровой жердиной в руках, и первый удар пришелся прямо по черногривой спине, так что Варвара с ужасом зажмурилась и отпрянула в глубину кабины, а потом слышались смачные шлепки — видно, били по бокам; затем пороссячий визг, удаляющийся вместе с топотом, и машины наконец-то тронулись, но Варвара все еще сидела зажмурившись — так потрясли ее все эти художества.

А может, надо было оставаться на Большой Земле?

Когда она, наконец, нехотя открыла глаза, колонна неторопливо сползала по серпантину, проложенному в багровых чешуйчатых зарослях. Временами они редели, и тогда были видны железистые осыпи крупнозернистого песка да многослойные свежесрезанные обрывы, красноречиво свидетельствующие о недавних землетрясениях. Один раз девушке показалось, что на рыжую прогалину, метрах так в десяти над дорогой, выметнулась угольная тень с белоснежными рогами, но киб качнул коромыслом руля, и машина с удивительным для такой громадины послушанием вильнула вправо. Тени больше не было — наверное, показалось...

Первые пять километровых столбиков Варвара пропустила мимо себя с нарастающим разочарованием: законный ландшафт страдал однообразным отсутствием каких-то явно неземных примет. Обнаде-

женная ночной встречей, она всматривалась в пронсящие мимо заросли, надеясь угледеть там хоть кого-нибудь из легендарного каталога Сусанина. Справа с багряного откоса на дорогу посыпался ручеек песка и щебня — кто-то там продирался через пламенеющий кустарник, но к пролетающему на изрядной скорости каравану он явно опаздывал, и правильно делал, потому что между машинами почти не было интервала, а инерция у таких махин — не затормозишь. Варвара вытягивала шею, уж очень хотелось узреть воочию хотя бы одного из тех, кто фигурировал на довольно-таки дилетантски выполненных снимках (ну, уж она-то составит первоклассный атлас на уровне последних достижений цветной голографии, затем и прилетела!), но дорога сделала очередную петлю, и преследователь отстал. Но не успела она почувствовать себя разочарованной, как снова раздался треск, различимый даже сквозь натужное рычание моторов. Нет, она не ошиблась — это был он, черногривый олень, упрямо рвущийся наперерез каравану. На этот раз ему почти удалось выйти на уровень первых машин, потому что дорога спустилась в долину, но деревья, сменившие кустарник, стояли так вплотную друг к другу, что протиснуть рогатую голову между частоклом лишайчатых стволов не было никакой возможности. Широколиственные ветви нависали над самой дорогой, и один раз Варвара даже крепко стукнулась лбом о ветровое стекло, когда головная машина, а за ней и все остальные, неожиданно притормозила.

Оказалось, с разлапистой ветки свисал некто бесподобно зеленый, как огурец, и лохматый, точно щетинистый дикобраз. Кто-то из летчиков привстал и попытался отодрать это живое украшение от сука, но, по-видимому, с него легче было спустить шкуру, поэтому вскинулась еще одна рука — с портативным десинатором, ветку осторожноенько срезали, и шофер вынес это зеленое чучело вместе с веткой, в которую оно вцепилось мертвой хваткой, на обочину дороги. Изумрудный ленивец — если только это был он — никак не реагировал на то, что его оскорбительно тащат за шиворот, как нашкодившего кота; но очутившись в придорожной пыли, он словно проснулся и развил бешеную для себя деятельность: разжал лапки и начал поворачиваться на бок со скоростью и изяществом амебы.

Машина резво рванула вперед, так что Варвара еще раз стукнулась головой — теперь уже о заднюю стенку кабины, — и колонна вылетела на берег разлившейся речушки, торопясь набрать запас скорости для следующего подъема.

Река была неглубокой, как и все горные речки, а здесь, на разливе, и вовсе едва плескалась. Машины шли по самой кромке, так что вода была прямо под колесами, и так хотелось побегать по ней босиком, чтобы зубы заломило от холода и брызги летели выше головы и падали сверху на макушку...

Брызги тотчас же влетели в окно кабины, и Варвара уже не с восторгом, а с какой-то досадой узнала своего кабаноподобного красавца, который с упорством, достойным совсем другого рода копытных, лез прямо под колеса грузовика.

Заметили его, по-видимому, и с первой машины, потому что колонна стала резво наращивать и без того немалую скорость. Оленю бежать по

острым камням, устилавшим дно реки, было явно и неудобно, и страшновато.

— Отстал бы ты, осленок упрямый! — прошептала девушка. — Ноги ведь поломаешь!..

Киб скосил на нее фасеточный глаз — не к нему ли относится реплика? — и еще набавил скорость. Олень, запрокидывая голову, равнелся из последних сил, и не то все-таки споткнулся, не то разом обесилел, но передние ноги у него подогнулись, и он рухнул на колени в неглубокую воду. Варвара вылезла из окошка чуть не по пояс, опасаясь, не нужно ли остановить колонну и превратиться в ветеринара-травматолога, но в этот миг холодное щупальце захлестнуло ее жестким арканом, рывком вернуло на место, и Варвара увидела цепочку некрупных шаровых молний, которые сомкнутым кильватерным строем шли в каком-нибудь полуметре над поверхностью воды, тоже набирая скорость и обгоняя колонну, до которой им, по-видимому, не было никакого дела.

Тем не менее в следующую секунду окошко стремительно затянулось защитной пленкой, в кабине стало совсем темно — видно, киб переключился на инфракрасные рецепторы; впереди над первой машиной раздался резкий, булькающий звук, совсем не похожий на разряд молнии, затем точно то же возникло прямо над головой, потом сзади — бульканье прокатилось над всей колонной, и запахло чем-то кислым, от чего не мог избавить даже захлебывающийся от усердия кондиционер, и машины неистово рвались вперед, оглушая себя собственным ревом.

Продолжалось это изнурительно долго, наверное минут десять, потом окно прояснилось, словно с него краска стекла, но все равно ничего разглядеть было уже нельзя: справа и слева подымались метра на три прекрасно отполированные полосатые стены, отчего стало казаться, что едешь по земному метро, но вот для встречной машины в этом каньоне прохода уже не было.

Становилось все темнее, дорога глубже и глубже зарывалась в гору, так что уже не различить было нежной и глубокой слоистости камня; внезапно правая стена ощерилась трещиной, и в этот неожиданный просвет хлынуло ослепительно желтое солнце, и ветер, и горный запах. На несколько секунд открылся вид на невероятно изрезанный голый массив, ближайший хребет которого удивительно напоминал окаменевшего ящера, залегшего параллельно дороге. Головы «ящера» видно не было, но по общему направлению можно было судить, что она непременно должна была загораживать дорогу, — значит, в ней должен был проходить тоннель.

И еще одно — в последний миг Варваре почудилось, что кто-то черный мчится нелепыми, бессмысленными прыжками вверх по склону, стараясь опередить захлебывающиеся от жары и тяжести до отказа набитых контейнеров машины.

Коридор снова сомкнулся, и Варвара почуяла впереди прохладу тоннеля. Грузовик медленно втянулся в его мерцающее ониксовое нутро, продолжая карабкаться все выше и выше, к неведомому перевалу; и только Варвара подумала, что в таком длинном тоннеле по инструкции положено прикрывать шторками окна, как темнота внезапно оборвалась и стены расступились, образуя довольно широкую пло-

щадку, — ну, ясно: ведь тут не двухпутка и время от времени должны были встречаться такие отстойники для встречных машин. По тому, как облегченно заурчал мотор, нетрудно было догадаться, что они наконец-то достигли перевала, и Варвара не удержалась и снова высунулась в окно, торопясь увидеть впереди и внизу долгожданное море, и оно приветливо высветилось утренней голубизной далеко под радиатором первой машины, внезапно притормозившей и осевшей на задние баллоны.

Что-то было не так, потому что головы летчиков, торчащие над открытой кабиной, были обращены назад. Выражение лиц было скорее растерянное, нежели злое, но короткие резкие фразы, которыми они обменивались, проносились так тихо, что было ясно — энергетика их явно превышает порог допустимости. Варвара закрутила головой, стараясь отыскать предмет их внимания, и конечно увидала своего зверя, который с неослабевающим упорством шел по правой кромке скал, ограждающих перевалочную площадку, и высота этой кромки равнялась поменьшей мере трехэтажному дому. Сзади визжали тормоза, колонна скупивалась, как стадо мастодонтов, но из всей этой свалки, затененной облаком пыли и гари, настырному животному было нужно что-то одно, и он метался по самому краю, пригибая голову и кося глазом на людей.

Космолетчики высыпали на дорогу, шофер тоже, но из-за пузатого контейнера Варваре не было видно, что у них такое в руках. Только бы они не начали снова палить, как вечером, а то этот дурень совсем обезумеет и сорвется с такой высоты, потеряв голову, — вон как мечется, словно в клетке...

И точно в ответ на ее мысли олень замер. Он стоял как раз над кабиной второго грузовика, медленно закидывая назад голову, словно ее оттягивал белоснежный куст тяжелых рогов. Этот нескончаемый, глубокий вдох длился целую вечность, и еще секунду, не больше, олень

смотрел прямо на солнце, потом, как пловец на трамплине, он спружинил на задних ногах и великолепным толчком выбросил свое угольно-черное тело прямо в утреннюю голубизну.

Половину своего воздушного пути он пролетел плавно, неторопливо распрямляя передние ноги, как будто собираясь едва коснуться земли и помчаться дальше такими же исполинскими, замедленными прыжками. Но на середине полета он вдруг утратил какой-то внутренний стержень, и, весь изломавшись, судорожно раскидывая ноги и конвульсивно мотая головой, пролетел в каких-нибудь двух метрах над Варварой и с жутким грохотом рухнул у правого борта головной машины.

Варвара спрыгнула с подножки и остановилась: подойти к ЭТОМУ у нее не хватило духа. Подбежали летчики; шофер суетился, наклоняясь, отскакивая и отчаянно жестикулируя. Потом все выпрямились и замерли, наклонив головы. Сзади к Варваре подошел еще кто-то, из последних машин, тоже замер, так что и дыхания не было слышно. Шофер первым встряхнулся, безнадежно махнул рукой и полез к себе в кабину. Летчики отошли поодаль, головной грузовик внезапно взревел и начал пятиться, заноса задние колеса влево. Теперь перед Варварой целиком открылось то, чего она так и не хотела увидеть: бесформенная угольная туша и фарфоровые брызги рогов... Грузовик фыркнул, притормаживая, бампер со скрежетом развернулся и превратился в сверкающий бульдозерный щит. Девушка закусил губы и резко повернулась к тому, кто подошел сзади, и, задохнувшись, замерла, забыв в этот миг даже про своего оленя.

В шаге от нее высилась двухметровая асфальтовая горилла.

Она была точно такая же, как в каталоге Сусанина: зеленовато-серая, бесшерстная, тупо уставившаяся в одну точку. Варвара осторожно повернула голову, глянула через плечо на летчиков; те стояли в тени, у самой стены, и удрученно, но без малейшей тревоги наблюдали за происходящим. Видимо, отталкивающая образина была для них не в диковинку.

Бульдозерный блок грохнул о дорожные плиты, и каменная масса, спеченная плазменным путеукладчиком, ответила глухим скрежетом. Словно разбуженная этим звуком, обезьяна качнулась, мерно зашагала вперед, и девушку едва не задела ее массивная лапа. Варвара профессионально насторожилась: привыкшая чутко улавливать специфику движения каждой лесной твари, она почувствовала что-то противоестественное, и эта неестественность была не сопоставима ни с кем из зверей.

Ей показалось, что мимо проплыла тугая, серая... пустота.

Варвара встряхнулась, отгоняя наваждение и призывая на помощь все, чему ее учили в лаборатории экспериментальной таксидермии, и в первую очередь — здравый смысл. Объяснение аномалии тут же нашлось: у этой зверюги абсолютно отсутствовали дифференцированные мускулы. Вероятно, их попросту скрадывала невероятной толщины жировая прокладка, недаром в приложении к каталогу Сусанин писал, что, в отличие от своих земных собратьев, эти гориллы не реагировали на усыпляющие ампулы.

Между тем обезьяна, почти не нагибаясь, обхватила оленье тело за шею и без малейшего усилия поволокла вперед свою многопудовую

ношу. Одной лапой, между прочим. Дойдя до широкой трещины, она принялась так же деловито и без видимого напряжения заталкивать оленью тушу туда. За трещиной начинался обрыв, откуда слышался треск ломающихся сучьев, скрежет кости по камню, — и все бесследно исчезло; только бурая, мгновенно запекающаяся на солнце полоса перечеркивала дорожные плиты. Обезьяна наполовину влезла в щель — не то меланхолично следила за падением оленьего тела, не то раздумывала, не исчезнуть ли и ей в том же направлении. Она стояла бы так еще долго, но откуда-то из-под машин слышался визг, посвистывание и топоток.

— Не двигайтесь! — встревоженно крикнул штурман Варваре.

Предупреждение, собственно говоря, было излишним: инстинкт охотника, явно не исчезнувший в ее генетической памяти под давлением цивилизации, подсказывал, что следует затаиться, хотя и сейчас она не чувала никакой опасности для себя.

Визг и топотанье принадлежали целой стае крупных, почти земных сурков, которые выныривали из-под грузовиков и энергичной иноходью устремились к обезьяне. Они облепили ее задние ноги, повисли на передних лапах, и было в их суете что-то забавно-трогательное, что-то от взаимоотношений птенцов и птичницы-кормилицы. Обезьяна попятилась, стараясь не раздавить ненароком нахальных пристававших, кого-то погладила, потрепала по шерстке, потом развернулась, точно линейный корабль среди лодчонок, и флегматично зашагала обратно, к хвосту колонны, а сурки торжествующе свистели и старались куснуть ее за пятки.

Временами им это удавалось.

Странная компания достигла последней машины, провожаемая настороженными взглядами людей, просочилась между контейнером и стеной и исчезла в глубине тоннеля. Если бы не чудовищная, нелепая трагедия, разыгравшаяся на этом самом месте десять минут назад, можно было бы помереть со смеху. Но никто даже не улыбнулся — летчики облегченно вздохнули и разом кивнули Варваре, словно они все это время опасались, не сделает ли она чего-то недопустимого. И снова все невольно взглянули в сторону расщелины, к которой вел бурый, шелушащийся на солнце след.

— Ну, долго вы там?.. — крикнул шофер из своей кабины.

Летчики медленно пошли к нему. Приглушенные было моторы ожили, и колонна покатилась с перевала, виляя по серпантину и нацеливаясь прямо в циклопические ворота Пресептории.

На первом этаже что-то гроыхнуло, и Варвара торопливо сбегала вниз по винтовой лесенке. Так и есть — посреди прихожей высились два контейнера, напоминающие здоровенные пластиковые чемоданы. Кобы, значит, постарались.

Произошла небольшая ошибка, и нужно было ее побыстрее исправить. Девушка выскочила на крыльцо и услышала голос своего шофера. Ей и всего-то надо было спросить, в какой стороне Амбарная площадь, но желания объясняться с этим нахалом, с одинаковым мастерством владеющим как баранкой, так и жердью, у нее не возникло. Она хотела

повернуть назад, но тут прозвучало имя загадочного деда Лероя, да еще и в связи с непонятной гибелью оленя. Она невольно задержалась на пороге.

— ...это в чистейшем виде синдром Лероя, ошибиться я не мог. Но вот вопрос: откуда? До сих пор этот синдром возникал только тогда, когда животное успевало привязаться к человеку. А этого ведь никто даже не погладил...

На душе у Варвары стало мутно, заскреблись невидимые коготки подозрения в собственной вине.

— Видно, уродился таким привязчивым... И что, хорош был? — спросил удивительно полновзвучный женский голос.

Варвара вытянула шею, пытается заглянуть за угол, но увидела только легкий край сиреневого платья.

— С ума сойти, до чего хорош!

Вот тебе и на!

В словах этого парня была такая искренняя боль, что Варвара чуть было не простила ему все его грехи.

— Метра два в холке, рога — еще полтора и чуть ли не светятся; одним словом, иллюстрация к легенде о Губерте, покровителе охотников. Я сам чуть не заплакал...

— Вот уж в это трудно поверить. Ты — и слезы! А к зверюге надо было вовремя применить строгие меры, вплоть до...

— Да применил я, еще на космодроме. Видно, мало. Только рядом мой новый молодой специалист стоял, смущал меня.

— Ну, и как сей молодой специалист?

— Да крепенький. Впрочем, сама увидишь. Смугленькая, усатенькая, в штанах и ножик на поясе.

— Какой еще ножик? — изумилась сиреневая.

— Столовый, надо полагать.

Этого Варвара стерпеть уже не могла.

— Извините, — сказала она, прыгивая с крыльца, — где я смогу найти свой багаж?

— Личный багаж я велела отнести на вашу половину, — проговорила обладательница миланского контральто. — Разве вы не видели? Но прежде всего давайте познакомимся: Кони.

Рука у нее была полной, но удивительно легкой. И все ее большое тело напоминало три легких шара, подымающихся друг над другом. Идеально круглое лицо, обрамленное черными волосами. Круглые брови, круглые глаза. Совершенно непонятно, каким образом вся эта геометрия создавала впечатление редкостной и яркой красоты. Шемаханская царица средних лет, да и только.

— Варвара, — намеренно скупно представилась девушка.

— Вот и прекрасно, Варюша...

— Варвара. Не терплю нежностей.

— Тогда мне будет с вами трудно: я — человек нежный.

— Не обращай на нее внимания, Кони, — вмешался наблюдавший за этой сценой шофер. — Это просто маленькая мохнатенькая кобра. Подарок судьбы мне персонально.

— Ну, с судьбой мы как-нибудь договоримся, — не без высокомерия обронила Варвара, — тем более что она определила меня в биоэкспериментальный сектор, а не в автохозяйство. Так что постараюсь, чтобы наши судьбы впредь не пересекались.

— Ну, я ж сказал тебе, Кони, — сколопендра...

— Кстати, сами вы мне до сих пор не представились. Если при этом вы проявите столь же глубокие познания в энтомологии...

— Деточка, я — Сусанин, ваше непосредственное начальство. Хватит с вас энтомологии на первый случай?

«Нет, надо было мне оставаться на Большой Земле, — с отчаянием подумала Варвара. — Там бы я сейчас попросту удрала. А куда, спрашивается, я денусь тут?»

Но луноликая Кони спасла положение:

— Чего-то я недопонимаю, — развела она кисейными рукавами. — Эта юная строптивая дама — радиооптик. Зачем она тебе?

— Потому что она, по совместительству, и долгожданный чучельник, и специалист в практической голографии. То, что я и просил. Но к сожалению, она не дед, как я надеялся.

— Так вы действительно таксидермист? — былая нежность во взгляде Кони сменилась настороженным любопытством.

— Действительно. — Варвара уже привыкла к тому, какие эмоции вызывает ее достаточно экстравагантная профессия. — Мне предстоит создавать зоологический музей Земли Тамерлана Степанищева — голографические экспозиции, чучела, муляжи...

— Варюша, все это завтра! А сегодня вы прибыли удивительно кстати — прямо на праздник, а они у нас так редки! Переодевайтесь, и в шесть вечера прошу быть за общим столом. Да, забыла предупредить: мы накрываем под Майским Дубом.

Варвара мысленно представила себе атлас растительности Тамерланы — ничего похожего на дуб там не наблюдалось.

— Хорошо, — сказала она, — но все-таки называйте меня Варварой. А переодеваться мне не во что, в тех контейнерах, которые доставлены ко мне в домик, мои роботы. Поэтому меня и интересовала Амбарная площадь, куда сгрузили остальное.

— Ой, бедная вы моя, боюсь, что в эдакой свалке вы так быстро ничего не отыщете! Впрочем, новичкам везет.

— Кони, — проговорил Сусанин обычным своим деловым тоном, в котором не было места шутливым интонациям. — Проводи молодого специалиста, а то ей и так хватило местной экзотики: мандрила асфальтовая, молнии шаровые... Сполохов не хватает.

— Вчера, когда вы сели, над перевалом такое воссияло!

Девушка невольно припомнила переливчатое зарево, выросшее за горами в ответ на ракетную пальбу, но промолчала.

— В янтарную лужу мы еще влезли, перед самыми воротами Пресептории, — продолжал Сусанин. — Так далеко эта живность еще

ни разу не заползала. Я, как мы только въехали, осмотрел колеса — ни малейших следов...

— Осмотрел или провел анализ? — встрепелась Кони.

— Ну ты и вопросы задаешь! Проанализировал. И снова подумал: уж не мираж ли? Ведь ни единого следа, ни клеточки! Подозреваю, что даже ни единой молекулы... Знаешь, есть идея: если в качестве ловушки приспособить...

— Постой, Жень, — Кони глянула на Варвару, с тревожной пытливостью старавшуюся понять, о чем идет речь, и мгновенно вернулась к прежней пленительной беззаботности. — Ну, не будем же мы решать эту проблему прямо тут, на улице! Тем более что перед нами сейчас более актуальная задача: добыть для Вареньки вечерний туалет. Тут уж, прости, Сусанин, не до тебя, встретимся под Дубом. Итак, бежим на Амбарную — если контейнеры уже разобраны, то это здорово усложнит поиски, если же нет...

И она потащила девушку за собой со скоростью, которую трудно было ожидать при ее комплекции вкупе с высоченными трехгранными, как стилет, каблуками. Прямая улица, образованная двумя рядами одинаковых двухэтажных коттеджей, наводила на мысль о том, что база была рассчитана на гораздо большее число людей, чем работало здесь сейчас, и Варваре еще раз припомнился вопль сусанинской души: «Специалистов, специалистов, и именно по дальним планетам!» Почувствовав внутренний импульс пробудившейся совести, Варвара чуть было не остановила свою спутницу и не попросила ее указать на биоэкспериментальный корпус, но на сияющем лице очаровательной Кони (и как ее зовут на самом деле?) отражалась такая детская предпраздничная радость, что у нее не хватило духа снова заговорить о работе. По правде сказать, было и еще одно: море. Оно угадывалось где-то совсем близко, и за прыжок с трехметровой вышки она сейчас, не задумываясь, отдала бы все праздники мира.

Между тем улица, монотонно отсчитав десятка три домов, закончилась стойбищем уже знакомых контейнеровозов. Собственно говоря, никакой Амбарной площади, а тем более амбаров, здесь не было и в помине, а просто довольно значительная территория вдоль древней стены была занята гаражами, складскими бастионами, аккумуляторными колодцами и стойлами кибов. И между всем этим громоздились небрежно набросанные монолиты, вытесанные из цельных скал много тысячелетий тому назад. Время строительства гигантского комплекса, кем-то случайно названного Пресепторией, никто точно не определял, и эти монолиты можно было принять и за блоки для контрфорсов, и за развалины циклопических амбаров — в скудной литературе по истории Тамерланы их осторожно именовали «руинами». Пока до них никто не дотрагивался — руки не доходили; глубинное зондирование уныло констатировало, что внизу под ними тоже нет ничего интригующего.

Несколько человек суеилось возле контейнера с алой четверкой на дверце, все остальные потрошили кибы, и было очевидно, что дело у них находится в самой безнадежной фазе, то есть максимум выгружен, но минимум разложен строго по местам.

— Опоздали маленько, — сокрушенно заметила Кони. — Так как же быть? Я предложила бы вам любое из своих платьев, но боюсь, что

вместе с собой вам пришлось бы засовывать в него и своих роботов, и еще осталось бы место.

— А у вас роботов приглашают к столу?

— Думаю, что при нашем демократизме к ним относились бы по-человечески... если бы они вообще существовали на Степаниде. Беда в том, что они дороговаты в обращении — тут им и роботехники, и психотехники, и вариопрограммисты требуются... Одним словом, семь няnek на каждую единицу. Кибы проще — валяются где попало, и никаких обид. И чиним сами, своими руками.

Варвара не удержалась, вскинула уголки пушистых бровей. Кони засмеялась, помахивая пухлыми ладошками:

— Нет, нет, не этими. Я ведь тут состою в телятницах, так что мы с вами будем работать рядышком, под начальством уважаемого Евгения Илановича Сусанина, которого я вас обязуюсь по мере сил защищать, тем более что вы мне очень нравитесь...

Варвара насупилась и изо всех сил прикусила язык.

— ...уже хотя бы тем, с каким мужеством вы воздерживаетесь от лишних вопросов. Это вы молодец. Наша Степушка — только на первый взгляд планета как планета, разве что моря коричневые да по вечерам все в золоте червонном. А если копнуть поглубже, то будет это сплошная сказка, без конца и без начала, так что каждый открывает ее на своем месте и читает по собственным способностям. Вот так. Но что же нам все-таки делать с вашим вечерним облачением? Спросить у кого-нибудь из лаборанток-маринисточек, там найдутся примерно таких же габаритов...

Варвара категорически замотала головой. Уж лучше чехол от робота, чем чужое платье.

Другое дело — рубаша...

Это была светлая мысль.

— А белой рубашки у вас не найдется? Обычной, мужской?

— Что может быть проще! — Кони стремительно повернулась на каблуках — и как только они, сердечные, выдерживали! — Киб! Найти коттедж шесть «С», взять в стенном шкафу белую рубашку, доставить мне. Да выбери ту, что новая и получше накрахмаленная! — крикнула она уже вслед посыльному кибу, который метнулся по улице со скоростью, приближающейся к звуковой. — Рубашку мы, считайте, уже достали. А сейчас знаете что? Идите-ка да выкупайтесь с дороги. Вот так, прямоком мимо трапезной, а там ступеньки. В море безопасно. Купальник есть?

— На мне.

— Впрочем, сейчас там никого нет, одни аполины, заодно и познакомитесь — это ведь почти наши сотрудники. Ну, счастливо!

Варвара посмотрела на нее с благодарностью, граничащей с восторгом, а это по ее-то характеру ой как дорого стоило. Но продвинуться к морю ей удалось едва ли на десять шагов. От шумливой кучи людей и кибов, потрошивших четвертый контейнер в поисках шампанского (одни кибы сделали бы это впятеро быстрее), отделился некто долговязый, как аистенок. Варвара со вздохом отметила, что у него прямо-таки на лице написано, какой он фантастический болтун. И он не замедлил это подтвердить:

— Степуха миа, кого я вижу! Новенькая, и прехорошенькая притом! Позвольте представиться: Солигетти, застенчивый гений.

— Норега.

— Что вы делаете сегодня вечером?

— По-моему, я приглашена на свадьбу. А вы?

— Четыреста чертей и спаржа в майонезе, совершенно забыл! В таком случае, куда вы направляетесь сейчас?

— Купаться.

— Разрешите...

— У меня нет купальника.

— О пульсары небесные, мигалки запредельные! Миллион килопарсеков извинений! Но уж вечером...

Она бесцеремонно повернулась к нему спиной, удивляясь тому, насколько может утомить трехминутный разговор с невоспитанным человеком. На сей раз ей удалось пройти шагов двадцать. За пустым контейнеровозом ей открылось весьма причудливое строение с широкими воротами в стиле пряничного терема, стены которого были расписаны под примитивную каменную кладку. На каждом условном камне виднелся рисунок или надпись, и какой-то убогий киб-инвалид всего с пятью конечностями торопливо закрашивал эти художества, орудуя четырьмя кистями сразу. Сбоку от резной арки недвусмысленно просматривался не злой, но довольно точный шарж на Кони вкупе с двумя истинно академическими личностями; на арке значилось: «ХАРЧЕВНЯ ТРИ СКЕЛЕТА», и даже мусорный бачок был украшен затейливой вязью, провозглашавшей, что «Наши отходы — самые отхожие во Вселенной». Во всем этом чувствовался стиль и дух скромного гения, и Варвара мысленно пожелала колченогому кибу завершить работу к началу застолья.

Из-за покачивающейся створки ворот виднелась стойка, с которой свешивалась пара безжизненных щупальцев.

— Новенькая, — произнесли за ее спиной негромко и в высшей степени удовлетворенно. — Только что прибыла со всеми этими невежами. Последние, естественно, не накормили.

Оборачиваться все равно пришлось бы, и Варвара решила, как советовал Эгмонт, мужественно идти навстречу неминуемой беде, в очередной раз вставшей на ее пути к морю.

— Имею честь представиться: Артур Кёлликер, ксеноэколог.

— Варвара Норега... радиооптик.

— Из нашей трапезной изъяты все столы и стулья, но мы можем расстелить на полу циновку. Какую кухню вы предпочитаете?

— Я — эврифаг, сэр Артур. Поскольку я иду купаться, а обеда не предвидится, то съем сырую рыбку.

— Вы меня безмерно огорчили, юная леди. А я-то надеялся найти в вашем лице достойного сотрапезника. В нашей так называемой Пресептории проживает сто шестьдесят два едока, исключая юного наследника четы Пидопличко, который не в счет, ибо ему исполнилось едва три месяца. Так вот, ни в одном я не нашел единомышленника, ибо я придерживаюсь системы средневековой южноевропейской кухни, которая...

В бессильной тщете отыскать эпитет к упомянутой кухне он развел руками, и Варвара подумала, что его горбоносый хищный профиль, бесцветные кудри в едином ансамбле с отвислыми усами и холодный блеск чуть выкаченных зеленоватых глаз больше подходили бы изголодавшемуся кормчему северного драккара, нежели пресыщенному и утонченному потомку Гаргантюа.

— И все-таки я оставляю за собой право пригласить вас на печенку молодого оленя, когда высокочтимое начальство передаст мне лицензию на кухонные поставки, не вполне объяснимо присвоенные уважаемым Лероем. Я сочту за честь напомнить о своем приглашении. А что вы делаете сегодня вечером?..

Но Варвара уже не слушала его. Утренний ужас, отступивший перед пестрыми впечатлениями нового места — и не просто места, а первой в ее жизни незнакомой планеты — обдал ее липким густым жаром. Олень. Король-олень, выметнувший свое угольно-черное тело в бирюзовую прозрачность горного утра...

Как могло забыться такое?

И совсем по-иному зазвучали в памяти восторженные слова Кони: «Наша Степушка — это сплошная сказка, без конца и без начала, так что каждый открывает ее на своем месте и читает по собственным способностям». Да, вот тебе и сказка. Вернее, вот тебе и твое место в ней...

Она круто повернулась и, рискуя показаться крайне невежливой, нырнула в тень зеленой галереи, причудливыми уступами бегущей вниз навстречу шуму и запаху тамерланского моря.

Она с разбегу выскочила на узенький пляж и остановилась.

Пляж воображения не поражал. Перед нею лежала бухта, ограниченная двумя далеко выдвинутыми в море горами; левая, благодаря причудам выветривания, казалась средневековым замком, правая, порядком обезображенная метеостанцией с грузовым фуникулером, не вызывала никаких романтических ассоциаций. Узкая дуга галечника пестрела под ногами. Слева над нею, на монолитной и подозрительно ровной плите, расположились три ангароподобных сочлененных корпуса биолaborатории. Виадуки стрельчатых пирсов уходили от каждого корпуса прямо в море. Похоже, что ни прибоя, ни штормов здесь не боялись. Впрочем, глядя темно-рыжих голых островов, с различной четкостью просматривающихся вдали, должна была ограждать бухту от шалостей здешнего Нептуна.

И снова Варвара подивилась тому, что ни сама бухта, ни внутреннее чутье, которому девушка привыкла доверять как слуху или зрению, не подавали сигналов тревоги — а она ждала этого сигнала с особенным страхом именно сейчас, когда до воды остался всего один шаг. Море, небо, скалы — не прозвучит ли предостерегающее: «Стой, ты ведь не на Земле!» Нет. Тихо кругом.

Бесшумно погружая ступни в тепловатую воду, она вошла в море. По колено. По пояс. Вода была какая-то нейтральная, не враг и не друг. Из глубины тянуло и осторожной медлительностью придонных ползунов, и плескучей резвостью кого-то сильного и сытого. Сонные золотистые искорки — не то кусочки янтаря, не то плавучие икринки — мерцали неподалеку, метрах в трех; Варвара потянулась к ним — не

то растворились, не то ушли в глубину. А поодаль опять заискрились. Ну, не всё сразу...

Больше озираться она просто не могла. Море тянуло, словно и оно соскучилось по ней. Тело привычно вошло в экономный, естественный ритм. Метров пятьсот — и обратно. Ну, шестьсот...

В бок легонечко поддали. Варвара изумилась и на всякий случай пошла в глубину — надо же хорошенько разглядеть того, кто к тебе пристаёт. У себя дома она настолько привыкла, что из любой массы купающихся дельфины выбирают именно ее, что нисколько не удивилась и тут, тем более что и прикосновение было знакомым, точно в бок тебя ткнули галашей. Она узнала его сразу по многочисленным рисункам и снимкам, чуть ли не в первую очередь переданным на Большую Землю, — это был аполин, и не очень крупный — значительно меньше касатки, с удивительной длинной шеей, делающей его похожим на плезиозавра. Поглядывая на нее небольшим поросычьим глазком, он ходил кругами над купой сиреневых водорослей и как-то по-собачьи дружелюбно вилял хвостом. От его движений из зарослей выметывались разнокалиберные рыбки, и он внимательно выбирал ту, что попитаннее.

Наконец выпорхнуло нечто радужное — Варвара не сразу признала морского фазана, редкой красоте которого в атласе Сусанина было отведено предостаточно места. Аполин цапнул красавца поперек живота, впрочем не повредив шести кружевных плавников; подлетел к девушке, галантно переместил добычу из пасти в правую клешню и неловко преподнес свой дар.

— Спасибо, — сказала она. Пузырьки воздуха вырвались у нее при этих звуках, и аполин испуганно шарахнулся в глубину. Трусишка...

Варвара вынырнула на поверхность, легла на спину и резким движением подбросила фазана вверх. Плавники затрепетали, слились в единое радужное сияние, словно на воду медленно опускалась причудливая японская игрушка, а потом рыбка сложила свои плавники и крошечной торпедой без всплеска ушла в глубину. Да, зрелище было редкостное, жаль, камеры с собой не захватила.

Аполин, вероятно, обиженный, что его подарком пренебрегли, больше не показывался, и девушка без помех проплыла метров четыреста. Оглянувшись: белые полукружья лабораторных корпусов выглядели изящно и совершенно безлюдно; остальной поселок утопал в пятнистой растительности — оливковое вперемешку с пурпурным. Ей хотелось, конечно, размяться по-настоящему, но вдруг на берегу беспокоятся... Варвара повернула назад.

Но через несколько взмахов совсем еще не уставших рук она скорее даже не услышала, как почувствовала, что ее догоняют. Изрядная стая аполин шла весьма странным образом: в середине группировалось несколько животных, двигающихся плавно и неторопливо, зато все остальные являли собой самый беспорядочный эскорт, который носился и взад, и вперед, и по кругу, нередко совершая трехметровые ориентировочные прыжки. Как только они завидели Варвару, к ней устремилось сразу пять или шесть крупных самцов, отличающихся ярко-лиловой полосой вдоль хребта. Все они были гораздо больше, чем

ее давешний знакомец, и тем не менее, явно не соизмеряя свои габариты с достаточно изящным телом девушки, они повели себя по крайней мере как старинные и довольно развязные друзья — один даже пристроился рядышком, задрал хвост и легонечко хлопнул им девушку по спине.

— Но-но, полегче, — сердито крикнула Варвара, — а то еще утопите по простоте душевной...

Топить они ее, естественно, не собирались, но явно направляли ее внимание на центральную группу, которая осторожно несла нечто зеленовато-бурое и бесформенное. Не иначе, как решили преподнести еще один дар из морских глубин!

Аполины приподняли этот зеленый тючок над поверхностью воды, на Варвару пахнуло мерзким запахом прелых водорослей, и вдруг она увидела перед собой растерянную щенячью мордочку с подрагивающими вибриссами. Это был детеныш ламантина... нет, пожалуй, кого-то покрупнее, но неважно, кто именно, а главное, он совершенно очевидно был новорожденным, и по мутноватой пленочке на глазенках нетрудно было догадаться, как ему плохо.

— Да держите же его, держите! — Варвара протиснулась между скользкими тушами аполин и приподняла мордочку звереныша как можно выше, и аполины по мере сил и понимания подставляли свои диковинные плавники-клешни, помогая ей.

Звереныш забился, хлебнул воды и заперхал.

— Э-эй, на берегу! — отчаянно закричала Варвара. — Да кто-нибудь-у-удь! Сусанин!

Из крайнего павильона вылетела незнакомая фигура, скатилась по пирсу вниз, шлепнулась в крошечную лодчонку и издала неопределенный клич. Тотчас же три аполина ринулись к нему, подхватили какую-то сбрую, свешивающуюся с борта, и потащили навстречу Варваре со скоростью, которой позавидовал бы и неплохой катер. По мере того как сей своевременный спасатель приближался, Варвара рассмотрела, что одет он в стандартный халат, наброшенный прямо на алые кардинальские плавки, бос, бородат и прекрасен в степени, для мужчины прямо-таки недопустимой. «Ну, вот и погибель моя», — сказала себе Варвара.

— Зелененький, — с тихим восторгом пробормотал бородатый Антиной. — Ну, давайте, давайте...

Он свесился с кормы, запустил руки в воду; звереныш отчаянно трепыхнулся и принялся тыркаться в намокший белый рукав.

— Ах ты, дурашка, думаешь, если белое, то обязательно мамино брюхо? — Он засопел и принялся втаскивать увесистого малыша в лодку. — Тяжеленький, килограммов на сорок...

Он снова издал переливчатый птичий звук, только уже другой тональности, и аполины повлекли лодку к берегу. То, что Варвара оставалась в окружении целой стаи похожих на плезиозавров морских чудищ, его нисколько не волновало. Лодка ловко прилепилась к пирсу, он вылез и засеменил к распахнутым дверям биолaborатории, неловко прижимая «зелененького» к животу.

— Похоже, что за меня тут переживать не будут, — сказала Варвара аполинам. — И правильно сделают. Так что поплыли!

Она выбрала направление на ближайший остров — это было километра четыре с половиной, так что если пройти всю дистанцию в хорошем темпе, то можно и поразмяться после нудного сидения в каюте, а потом еще и в грузовике. Она пошла классическим кролем, который у нее был доведен до предела элегантности, но у аполин, видимо, отсутствовало эстетическое восприятие, потому что они без особого восторга проводили ее туда и обратно, не приближаясь к ней на длину прыжка, но и не теряя из виду. Варвара пожалала плечами — легонько, дабы не выйти из ритма. Обогнула рыжий столпообразный островок, шелушащийся лишайником и окольцованный исчезающим при ее приближении плавучим точечным янтарем. Повернула назад. Хватит на сегодня впечатлений. И разбираться с медовыми пузырьками, и налаживать дружественные взаимоотношения с вольным братством аполин будем завтра. Сегодня — еще встречи с сотрудниками.

Аполины, по всей видимости, рассуждали аналогично, потому что, проводив девушку до берега, они равнодушно вильнули хвостами и отправились по своим делам, не прощаясь.

На Большой Земле ее дельфины такого себе бы не позволили...

Когда она выползла, наконец, на пляж, тело изнывало от блаженной усталости. Теперь с полчасика поваляться бы... Только сначала выжать купальник, а то время к вечеру и отнюдь не жарко.

Варвара огляделась, примериваясь, под какой обрывчик или пирс сподручнее забраться, и в каких-нибудь ста метрах от себя увидела то загадочное существо, которое в пресловутом атласе Сусанина именовалось «асфальтовой обезьяной».

Девушка удивилась.

Во-первых, секунд тридцать назад на этой прибрежной полосе абсолютно никого не было, а обрыв, подымающийся от галечника к пятнистому кустарнику, составлял метров пять.

Правда, можно было допустить, что обезьяна приплыла морем.

Во-вторых, на территории, ограниченной Древней стеной, никаких диких животных не должно было находиться. Во всяком случае, по собственной инициативе они сюда не забирались. Никогда.

В-третьих, эта особь не была голой: тело покрывала великолепная бурая шерсть, вот только на груди сиял удивительно правильный серебряный круг величиной с тарелку.

Обезьяна стояла на самой черте прибоя, свесив тяжелые лапы и с какой-то безнадежностью глядя в морскую даль.

Несомненно, Варвара углядела бы и другие особенности этого двухметрового меланхолика — хотя бы то, что бронзово-бурое тело гиганта опоясывают такие же коричневатые шерстяные плавки, но она невольно проследила за взглядом этого удивительного существа —

и оцепенела: между скалистыми островами, сверкая на солнце золотой чешуей, точно резвящийся уж, вольно и плавно бороздил морские воды настоящий водяной змей.

— Ну, это уж слишком для одного дня! — сказала она и принялась натягивать комбинезон прямо на мокрый купальник.

«Майское дерево», к дубу, как она и подозревала, отношения не имеющее, было щедро украшено бумажными цветами, пестрыми полосками шелка, надутыми и раскрашенными лаборатор-

ными перчатками и одним зеленым ленивцем средней упитанности. Неопытный глаз мог бы принять его за игрушку или чучело, но Варвара, бывалый таксидермист, сразу определила, что он жив-здоров.

Между тем ее окружили все жаждущие получить последние новости с Большой Земли. Сусанин, неожиданно элегантный в черном не летнем костюме, представил ее собравшимся как «нашего нового радиооптика — очаровательного, но крайне немногословного». И Варвара тут же подтвердила правильность его слов. Обстановка праздничного стола не располагала к разговорам о работе, но всем хотелось услышать о своих друзьях и близких, оставшихся на далекой родине; к досаде окружающих, девушка не припомнила ни одного общего знакомого. Поэтому толпа любопытных тут же отхлынула от нее, и центром внимания и шума сразу же сделалась блистательная Кони, рядом с которой можно было углядеть и Сусанина, и бородатого красавца, повелителя аполин, и всех троих космолетчиков. Все они располагались на противоположной стороне кольцеобразного стола, замкнувшегося вокруг Майского Дуба. Стол был застелен разномастными скатертями и заставлен самой разнообразной посудой, включая и лабораторную.

Между тем по тому как все принялись торопливо рассаживаться, стало ясно, что прибыло начальство. Возле Варвары остался один юноша, почти мальчик, потому что аскетическая худоба отнимала у него добрый пяток лет, которыми обычно так дорожат в его возрасте. Он все допытывался, не передавали ли для него годовой комплект «Галактического следопыта», — Варвара о таком не помнила, но обещала порыться в багаже. Она еще раз оглядела стройную фигурку в оливковой рубашке — покрой и размер на удивление совпадал с той, которую ей доставил киб. Да, похоже было, что хозяин ее вечернего туалета определился; но вот запонки, тоже найденные ею на диване рядом со снежнокрахмальным заказом, были явно не мужские — тонкие срезы великолепнейшего лабрадорита, отливавшего глубокой лазурью, были скреплены причудливым захватом из серебряных птичьих лапок. Подарок Кони?

Тогда надо не забыть ее поблагодарить.

— Кстати, — не слишком громко обратилась она к юноше, — а как полное имя Кони? А то мне как-то неудобно...

— Консуэло, но она этого не любит. Идемте-ка к столу. А мое имя — Теймураз, и я очень не люблю, когда меня зовут Темрик.

Варвара молча кивнула, усаживаясь от него справа. Место по другую сторону от нее осталось пустым.

Все еще немножечко подождали, затихая, и тут появились сразу две пары: одна — в традиционном свадебном наряде, другая — более чем за просто и с орущим младенцем, вероятно, первым малышом, появившимся под золотыми небесами Тамерланы.

Чету с отпрыском приветствовали даже более восторженно, чем новобрачных. На столе появились пузатые бутылки, покрытые пылью и какой-то бутафорской плесенью. Поплыл сказочный, но уже знакомый по космодрому спалиновый запах.

Ленивец на дереве проснулся и принюхался.

Варвара наклонилась к уху своего соседа:

— А разве на Тамерлане не действует сухой закон?

— На нашей Степuxe действуют все законы дальних планет, и перед вами — сок ежевики. Но главное, не называйте этот шарик Тамерланой. У нас это считается дурным тоном.

Бокалы зазвенели, и Варвара, естественно, пригостилась услышать первый тост, обращенный к виновникам торжества, но за полтора года существования колонии здесь уже установились четкие и незыблемые традиции.

— За нашу Степаниду! — проговорил кто-то на той стороне стола, и хотя его негромкие слова едва были слышны, все встали и наклонили бокалы, проливая несколько капель на землю.

Что поразило Варвару более всего, так это серьезность, с которой был совершен сей языческий обряд.

Она искоса глянула на Теймураза — он тоже прошептал несколько слов на незнакомом и, вероятно, древнем языке и капнул соком себе на брюки.

Девушка поймала себя на том, что ей совершенно не хочется следовать общему примеру.

— Ваша очередь! — шепнул ей Теймураз.

— Я пока воздержусь, — так же шепотом отвечала она. — Для меня это как-то неорганично...

Юноша посмотрел на нее примерно так же, как полчаса назад она сама глядела на морского змея.

Но кругом закричали, зазвенели, двинулись в обход стола к новобрачным с протянутыми бокалами; перекрывая общий гвалт, возопил отпрыск Пидопличко и, вероятно, произвел еще какое-то решительное

действие, потому что раздался звон разбитой посуды и единодушное «к счастью, к счастью!..».

Варвара, насупившись, жевала какую-то душистую травку с майонезом, в которую были зарыты крошечные крутые яички, вероятно черепашьи. Кому к счастью, а кому и не очень. Сейчас бы сидеть где-нибудь на стене, свесив босые ноги, и прилечь к прелому вечернему духу прибрежных зарослей, и только теперь, когда солнце стало по-вчерашнему желтым, а ближние горы словно окатило кофейной гущей, потихонечку вживаться в то, что ты все-таки не на Земле и это надолго. Дневное знойное марево сгустилось, обернувшись хорошо взбитыми предзакатными облаками, и небо сразу стало много ниже, словно все происходило уже в торжественном зале, где до изжелта-зеленоватого свода рукой подать, и от него время от времени отделялись блестящие-шелушинки, падающие вниз так неспешно, как будто они делали это не из уважения к силе тутощного тяготения, а исключительно по собственному капризу...

Но в геофизических описаниях Земли Тамерлана Степанищева ничего о подобном явлении не говорилось.

Варвара облизала вилку, тихонечко постучала ею по рукаву Теймураза и скромно указала вверх.

— Внимание, небо!!! — крикнул он, срывая голос, и в тот же миг завывла сирена.

За долю секунды все были на ногах.

В стороне Амбарной площади что-то крякнуло, как распахивающийся сундук, засвистело, и по крутой параболе пошел, расправляя куцые крылышки, автоматический зонд. За кустами что-то недружелюбно лязгало; осьминоги, подобрав бурдюки, проскакивали по касательной мимо Майской поляны и ныряли в парковую зелень. Безмятежное спокойствие хранил один полусонный ленивец, на котором не дрогнул ни один зеленый волосок.

Что же касается первенца планеты, то он, воспользовавшись тем, что родители переключили внимание с него на вечерние небеса, вцепился в скатерть и сдернул ее на землю со всем содержимым, сопровождая сей агрессивный акт победным воплем.

А с близкого небосвода, мерно покачиваясь, падали на землю гигантские медузы. Сейчас они не казались уже золотыми, а призрачно отдавали изжелта-розовым, как лепестки чайной розы. Пока об их размерах было трудно судить, к тому же создавалась иллюзия, будто они растут по мере приближения к земле. Правда, не совсем к земле — упасть они намеревались в море, и Сусанин рывкнул: «Биосектор, за мной!» — и первый помчался к пляжу. В первую секунду Варвара даже обрадовалась: вот ведь удача, сразу можно будет познакомиться со всем своим сектором, но не тут-то было — с места сорвались абсолютно все сто шестьдесят человек, населяющих Пресепторию, плюс три космонавтика, и впереди мчалась, подобрав кисейный подол, новобрачная, а где-то в арьергарде довольно похрюкивал на отцовском плече юный Пидопличко.

Все разом высыпали на пляж и остановились молча, даже галька не скрипела под ногами. Потому что в море, к неумной радости аполин, падали никакие не медузы, а невиданной величины снежинки —

двух, трех, пяти метров в поперечнике. Они шлепались в воду с хрустом, разламываясь на бесформенные ноздреватые куски, которые стремительно таяли, не давая аполинам наиграться вволю. Были они редки и бутафорски неправдоподобны, и только одна промазала и тяжело шлепнулась о гальку на самой черте прибоя, так что кибы, выхватывая и выдвигая всевозможные датчики из своих бурдюков, плотной цепью двинулись на нее, хищно подрагивая вибриссами хеморецепторов.

И это было все.

Небеса, если не считать кучевых облаков, опустели, море слизнуло последние капли талой воды, кибы безмолвствовали, не обнаружив никакой опасности, а аполины, наглотавшись снежной массы, недовольно пошли в глубину.

И только тогда кто-то прочувствованно произнес:

— Во наша Степуха дает!..

И все восторженно зашумели; жених скинул ботинки и полез в воду за последним кусочком льда и, выудив его, понес на протянутых руках невесте, а к мокрым до колен брюкам налипли водоросли и какая-то чешуя; и Степка Пидопличко, почувствовав себя обойденным вниманием, обиженно взревел и уже больше не успокаивался, пока его не понесли спать; и все потрусили обратно, весело перекидываясь репликами, так что стало ясно — вечер вступал в фазу дружеской неприужденности, шуток и экспромтов; и Варвара тоже повернулась, раздумывая, не пойти ли домой по примеру первенца планеты, и в этот миг на прежнем месте и в прежней позе увидела асфальтовую гориллу.

С той только разницей, что теперь на ней был классический вечерний костюм — что-то вроде смокинга и галстук бабочкой. И Кони на своих невероятных каблуках летела навстречу этому чудовищу, а когда приблизилась, то повисла у него на локте и похоже было, что принялась его с жаром уговаривать.

Варваре было крайне неудобно вот так стоять и глазеть на них, пришлось идти обратно за стол, тем более что ее подхватил под руку донельзя скромный гений, утверждавший (на весь парк), что именно он первым опознал в странном атмосферном явлении самый обычный снегопад, потому что однажды уже сталкивался с подобным феноменом, только никто ему не поверил, хотя в тот раз снежинки были не больше сорока сантиметров в диаметре, но тогда в амбах он был один, и без фотоаппаратуры, а кстати...

Варвара почувствовала, что разговор переходит в профессиональную область, где прекратить его будет просто невозможно, и завертела головой, беспомощно отыскивая глазами Теймураза, — тот на удивление все сразу же понял, бесцеремонно схватил Варвару за рукав и со словами «Так мы с тобой еще не обговорили одну деталь...» потащил к опустевшему было столу.

— Извини, — сказал он, когда дистанция между ними и говорливым гением достигла безопасной, — но у того, кто обращается на «ты», всегда имеется преимущество в свободе действий. К тому же, мне было бы проще и приятнее решить проблему наших взаимоотношений раз и навсегда.

Варвара сухо кивнула. Вообще-то она терпеть не могла подобных форсированных сближений, но сейчас она была благодарна Теймуразу за его мальчишескую естественность и еще за то, что он обошелся без такого традиционного и удручающе уместного здесь, за праздничным столом, предложения выпить на брудершафт.

— А ты, собственно, кто? — с той же степенью бесцеремонности спросила она, закрепляя обращение на «ты».

— Гелиотермист. Закончил КАТ — Кутаисский аккумуляторный техкурс. Здесь на двухлетней стажировке, но думаю, что задержусь подольше. Степуха на редкость привязывает к себе. Потом думаю подавать в университет.

Варвара ловила эти коротенькие, в ее собственном стиле, фразы и невольно косила глазом — искала Кони и того, с пляжа. Они подошли к столу последними — примолкшие, чопорные; мужчина подвел Кони к ее стулу, и все кругом засуетились, сдвигаясь и освобождая ему место, но он повернулся и пошел вокруг стола, пока не заметил рядом с Варварой единственный свободный табурет. Сел, так что его ножки со скрипом вдавились в землю, наполнил бокал соком и замер, глядя как-то сквозь толстенный ствол Дуба и больше ни к чему не прикасаясь. От него пахло прелыми водорослями, просоленной галькой и осенней травой.

И еще Варвара почувствовала — по его усталой оцепенелости, по безрадостному неприятию всей этой праздничной суеты, — как же он бесконечно стар.

Ей стало безотчетно жалко его, и она поискала глазами, что бы такое положить ему на тарелку, и даже обернулась к Теймуразу, но тот, не обращая на нее внимания, вытягивал шею, прислушиваясь к разгоравшемуся спору, какой обычно вот так мгновенно вспыхивает за столом, вокруг которого собрались люди, всего несколько минут назад оторвавшиеся от общей работы. Реплики уже летели слева и справа, подобно лазерным вспышкам, и сути дела Варвара за недостаточностью информации уловить не могла, и она не знала даже, на кого нападает Теймураз, когда тот крикнул: «Да это же худшая сторона аболиционизма!» — на что из-за Майского Дуба ему тут же отпарировали: «От консерватора слышим!»

Похоже было, что здесь уже сложились две какие-то непримиримые партии, потому что никто не спрашивал чужого мнения, а только утверждал собственное типа: «Я согласен получать с Большой Земли только зонды, только, и ни-ка-кой другой аппаратуры, и год, и два...» — «Можно два года варить крутое яйцо, и оно не станет всмятку!» — «Тогда нам грош цена, потому что мы вырождаемся в конвейеры для переброски на Землю допотопной биомассы!» — «Ну, да, автохтонов не спросили; не взяли, видишь ли, письменное согласие у стеллерова бычка Васьки». — «Тогда чем мы отличаемся от тех граждан Вселенной, которые энное число тысячелетий назад крали все это с нашей планеты и перетаскивали сюда?» — «Этот факт еще доказать надо, а вы рвете у нас время и людей, не говоря уже об оборудовании, вместо того чтобы обеспечить спокойную работу палеоэкологов!» — «Ага, договорились — палеоэкологам все коврижки, полная свобода действий... может, и право работать на «черной стороне» тоже?» — «Но ведь это —

действительно работа во имя самой Степухи, а не для Большой Земли...» — «А вам не кажется, что сама Степуха не очень-то довольна?» — «Значит, мы в чем-то были чересчур бесцеремонны для гостей...» — «Так вы, наконец, соглашаетесь с тем, что мы здесь не хозяева, а только гости? Да или нет?»

Похоже, что вопрос был традиционный и отнюдь не риторический. «Да, здесь не соскучишься», — подумала Варвара.

Но тут на той стороне, за стволем, кто-то мерно постучал ложечкой по хрустальному кувшину. Спорщики, против ожидания, стали послушно затихать.

— Друзья мои! — раздался властный и спокойный голос. — Несвоевременные споры отвлекли нас от приятного повода, по которому мы нынче собрались. Здесь нет хозяев, здесь только гости. Помните это.

А теперь, Лерой, прошу вас, провозгласите тост, как вы один умеете это делать!

Варварин сосед поднялся, и тишина под «майским деревом» стала прямо-таки мертвой. Девушка догадывалась, что рядом с нею сидел виновник всех раздумий и тревог Сусанина, но разглядывать его снизу вверх было опять-таки неудобно. Она нарочито равнодушно отвернулась и невольно обратила внимание на то, с каким выражением все глядели на Лероя: как будто ожидали от него чего-то сверхъестественного.

А он медленно выпрямился и поднял руку, в которой бокал скорее угадывался, чем был виден:

— За дам, благослови их небеса Вселенной! — сказал он.

И по тому, как потрясенно поднялись все мужчины разом, она поняла, что такого тоста не слышал никто и никогда.

«Вот такой у нас дед!» — шепнул Теймураз, усаживаясь. А Кони высунулась из-за штурманской спины и крикнула через все пространство, разделявшее противоположные стороны праздничного стола:

— Лерой, а ведь дам у нас прибавилось — рядом с вами сидит ваша новая соседка по коттеджу!

У девушки екнуло сердце, хотя она совершенно не могла себе представить, какие последствия могут возыметь эти небрежно брошенные слова. А последствий не было. Лерой поставил пустой бокал на голубоватую миллиметровку, словно ничего не расслышал.

Значит, вот кто будет жить у нее за стеной, и мягко, по-медвежьи топать по ночам широкими босыми ступнями, и наполнять весь дом, не взирая на перегородки, запахом мятой травы и водорослей. Недаром над его крыльцом, с другой стороны домика, висели два пожухлых пучка бессмертника и гирлянда луковок. Сказочный дед-лесовик, хозяин трав, повелитель пчел, владелец заповедных тайн и даров дремучих чащ. Этот не терял предрассветных росных часов, когда в каждом

бутоне вся нераскрытая, не выплеснутая наружу колдовская сила, высосанная стеблем из благодатной почвы; этот не пропустил уж точно ни одной скалистой расщелины, из которой сочится...

Она замерла. Неужели, правда? Ведь у него, может, есть даже...

Это было мечтой и страстью всего ее курса — восстановить рецепт старинного консервирующего снадобья под алхимическим названием «мумиен-пудер», которым придворный таксидермист (впрочем, вряд ли носивший в действительности подобный титул) Петра Первого обрабатывал экспонаты будущей Кунсткамеры — экспонаты, просуществовавшие целые века!

— Скажите, пожалуйста, — порывисто обернулась она к своему соседу справа, — а не доводилось ли вам находить здесь природное горное мумиё?

Теймураз дернул ее за рукав, но было поздно. Лерой бесконечно долго сидел, не шевелясь, словно раздумывал, к нему ли обращен вопрос, затем начал медленно, всем корпусом, оборачиваться к девушке, и она впервые так близко увидела его лицо с бесчисленными набегающими друг на друга морщинками, с дважды перебитым плоским носом и глазами, лиловыми и скорбными, как у негра с вирджинской плантации.

— Мумиё? — переспросил он глубоким колодезным басом, и все кругом снова примолкли. — Зачем же искать мумиё в горах? Получить его можно гораздо проще.

Половина стола, что была по эту сторону дуба, уже зачарованно и привычно глядела ему в рот.

— Возьмите мышку.

Воцарилась пауза, которую никто не посмел заполнить ни словом, ни шорохом.

— Полевку. Горную.

И снова пауза. Ох, и зачем так рано унесли этого горластого карапуза, он так непосредственно издавал вопли в самый неподходящий момент!

— Се-реб-рис-ту-ю.

Варвара всей кожей чувствовала, как уже все сто шестьдесят таме-рян плюс три космолетчика переводят взгляд с Лероя на нее и обратно. Над верхней губой у нее начали собираться маленькие капельки пота. Этот спектакль пора было прекращать.

— Серебристость принципиально необходима? — спросила она деловым тоном.

— Весьма.

Он протянул широкую ладонь к своему бокалу, и пока рука двигалась, емкость была уже снова наполнена.

— Благодарю вас, — раскатилось над столом, словно эта благодарность относилась ко всему коллективу колонии.

Лерой наклонился над столом, углядел на каком-то блюде пучок травы, напоминающий листом и духом большеземельную кинзу, и схватил его двумя перстами.

— И вышеупомянутую мышку-полевку, горную, серебристую, пол значения не имеет, необходимо накормить травкой, которая называется гетеропаппус седеющий.

Псевдокинза была гадливо отброшена, как не имеющая ничего общего с гетеропаппусом.

— Но это еще не всё.

Там, за стволом Майского Дуба, кто-то застонал. Варвара поймала вдруг себя на мысли, что если бы адресатом лероевского монолога была не она, а кто-нибудь другой, то от всего происходящего можно было бы получить бездну удовольствия. Лерой же невозмутимо осушил свой бокал и продолжал:

— К травке, именуемой гетеропаппус седеющий, нужно присовокупить зизифору пахучковидную, а также аносму ферганскую и абрикос — самый обыкновенный.

— Теперь-то все? — с надеждой вырвалось у Варвары.

— Отнюдь нет. Чрезвычайно существенно не забыть можжевельник туркестанский, горец альпийский и лук... многолиственный, если я не ошибаюсь.

— А чеснок? — мстительно вставила Варвара.

— О! Вы далеко пойдете, моя юная натуралистка. Чеснок — это непрременнейший компонент, равно как и эфедра хвоцевая, щетинник зеленый и тополь белый. И разумеется, кипрей.

— Вульгарис? — не сдавалась Варвара, впрочем прикладывая все усилия к тому, чтобы голос у нее не дрожал.

— Кипрей, кипрей, кипрей... Так, запоминайте хорошенько: кипрей мохнатый, кипрей широколистный, кипрей высокогорный и кипрей тянь-шаньский.

— Это одно и то же! — с отчаяньем проговорила она.

— Ну знаете, тогда нам не о чем разговаривать!

И он отвернулся от нее, возмущенный до глубины души.

К ней со всех сторон тут же потянулись рюмки и бокалы:

— За чеснок вульгарис!

— За абрикос можжевелолистный!

— За мышку гетеропапуасовую, седеющую!

Теймураз наклонился к ее плечу:

— Ну вот, Лерой и сделал из тебя принцессу вечера, как он один это умеет. Поздравляю.

— Посмешище он из меня сделал. Иду спать. Все.

Она поднялась, но уйти было не так-то просто.

— Темрик, перестань секретничать с новенькой! — снова возникла царствующая за столом Кони. — Да что это, она уходит? Нет, Варюша, нет, этот номер не пройдет. Вы уже двадцать четыре часа находитесь на Степаниде. На нашей сказочной, неповторимой Степаниде. Теперь за вами тост. Скажите, за какое из ее достоинств вы хотели бы выпить в первую очередь?

Мало ей было одного Лероя! Конечно, она всего-навсего маленькая усатая сколопендра, когда пребывает в ярости — особенно; но врать и притворяться противно, тем более что и они все — просто фанатики со своей Степухой.

— За то... — она помедлила, облекая свои смутные ощущения в более или менее четкую формулировку. — За то, что Земля Тамерлана Степанищева такая, какой создала ее космическая эволюция, в принципе ничем не отличается от нашей Большой Земли.

Она отпила глоток, поставила бокал на миллиметровку и пошла прочь, в быстро разливающуюся вечернюю полутьму.

За стеной плотной массой застыла возмущенная, не пожелавшая понять ее тишина.

Она нашла свой коттедж по запаху, исходящему от Лероевых трав. Разделась. Опрокинулась в жесткую прохладную постель. Ладно. Сегодняшний день не в счет. Вот завтра — уже работа, приемка помещения, да еще и эту парочку распаковывать — Пегаса и Пегги; и первое время они от изумления будут только путаться под ногами, как и полагается верным, но не чрезмерно информированным роботам, и посему премущественно мешать, и если все пойдет подобру-поздорову, то после обеда можно будет начать монтаж аппаратуры, то есть монтировать-то будут кибы, нужно только ходить у них по пятам и следить, чтобы они какую-нибудь моечную камеру или холодильник не приспособили вверх ногами. А это, прямо скажем, занятие не творческое и посему утомительное. Следовательно, и завтра — день не из приятных...

В окошко ненавязчиво постучали. Болтливый гений, не иначе.

— Я сплю! — зарычала Варвара.

— И на здоровье, — раздался веселый голос Сусанина. — Утречком, пока кибы всю вашу аппаратуру не раскидают по разметкам, вам в своей лаборатории делать нечего. Так что брошу-ка я вас на капусту. В восемь на пирсе, радость моя!

Варвара чуть не подпрыгнула от бешенства. Это ж надо, обрела себе начальника, который будет распоряжаться каждым рабочим часом в ее же собственной таксидермичке! Обретешь тут здоровый сон. Но ничего не поделаешь, теперь только отдать себе приказ проснуться ровно в половине шестого по среднеземному, чтобы успеть выкупаться. В половине шестого.

В половине...

Проснулась она много раньше от жуткого ощущения, будто ее лицо лизнул огненный язык.

За окошком полыхал беззвучный пожар.

Она бросилась к окну, распахнула его — навстречу дохнула черемуховая ночная прохлада. Многослойные красно-зеленые ленты летели, извиваясь, по небу, словно тутошняя Ирида, позабытая богиня радуг и прочих красочных атмосферных эффектов, вздумала заниматься художественной гимнастикой на ночь глядя. Вовремя иллюминация, ничего не скажешь. Как бы это назвать? А, северностепанидское сияние.

Она сердито фыркнула, предчувствуя жесточайший недосып, и тут же пожалела о собственной несдержанности: справа, под соседним окном, принадлежащим половине Лероя, высилась монументальная фигура, расцвеченная радужными бликами.

— А-а, — протянул он своим звучным, точно из глубины колодца, басом, — моя юная натуралистка!

Варвара мысленно застонала.

— Вы уж простите меня, старика, — продолжал он так, что его

было слышно в радиусе двухсот метров. — Дело в том, что я совершенно забыл про дороникум продолговатolistвенный!

Она в сердцах захлопнула ставни.

Они обогнули мыс, и воздух сразу же наполнился подозрительным душком гниющих водорослей, рыбы и конюшни. Сопровождавшие суденышко аполины проделали два-три дружных курбета, разом повернули и отбыли в сторону островов.

Теймураз управлялся с парусом отменно, и берег (вместе с запахом) стремительно надвигался.

— Ага, кибы уже навалили целую кучу капусты, — удовлетворенно заметил Теймураз. — Когда пристанем, ты в воду не прыгай, тут на дне всякое... Вон те две плиты — наше обычное место.

— А вон тот камень удобнее, — заметила Варвара, кивая через левое плечо.

— Это не камень. Это — корова.

Варвара, несмотря на предупреждение и все свои тревожные ощущения, едва не вывалилась за борт.

— Ты что? — изумился Теймураз.

— Естественная реакция человека, впервые увидевшего живую стеллерову корову...

— Почему впервые? Тебе ж вчера аполины теленка подарили!

— Это зелененького-то? А я думала — ламантеныш. Впрочем, я его и рассмотреть не успела — приплыл некто, влекомый аполинами, словно Лознгрин в челноке, забрал и спасибо не сказал.

— Лознгрина транспортировали лебеди, коих на Степухе пока не обнаружено. А был это, несомненно, Светик Параскив, наш старый телатник и ксенопсихолог по совместительству.

— Почему несомненно?

— Иначе у тебя не возникло бы ассоциаций с Лознгрином. Беда Светозара в том, что он красив, как языческий бог. Держись!

Лодка ткнулась носом в берег, и они соскочили на камни. Продолжать разговор о бородатом ксенопсихологе, вызывающим определенные ассоциации, девушка воздержалась.

— Я пойду посмотрю, а? — просительно проговорила она, кивая на темно-бурую тушу.

— Успеешь. Это, по-моему, молодой бычок. Они всегда голодные. Сейчас наши осьминоги явятся, попробуем отобрать у них что-нибудь лакомое. С коровьей точки зрения, разумеется.

Мысли свои он всегда выражал с каким-то особенным, корректным изяществом и точностью, обычно свойственным более зрелым мужчинам. Варвара заключила, что это — следствие безупречного воспитания, одинаково редкого во все века.

А кибы тем временем медленно восходили из глубин морских, и у каждого из них был здоровенный канат, если можно так выразиться, «через плечо». Не то тридцать три богатыря, не то репинские бурлаки на Степухе. На буксире у них тянулся здоровенный сетчатый кошель, набитый спутанными водорослями. Внутри этой массы что-то безнадежно трепыхалось.

— Собственно говоря, наша задача — следить, чтобы кибы не пропустили ничего опасного. Коровы, конечно, феноменально всеядны — Степуха вообще обитель всеядных, — но ведь среди подводной жизни встречаются и ядовитые. О, вот, кстати, и демонстрационный экземпляр.

И точно: один из кибов замер, прицеливаясь, и вдруг молниеносным рывком выдернул из кучи водорослей полутораметровую членистую тварь, подозрительно напоминавшую скорпиона, отложил в сторону и придавил плоским камнем. Скоро обнаружился и еще один красавец, чуть ли не крупнее первого; киб сгреб обоих поперек членистых животов и понес обратно в воду.

Чудища извивались, вскидывая хвосты с далеко не безобидными тельсонами, жутковато клацали клешнями и старались ухватить киб за манипулятор. Если это им удавалось, раздавался душераздирающий скрежет, на который киб, естественно, не обращал ни малейшего внимания.

— Отнесешь зверей на место — сразу же возвращайся на подзрядку! — крикнул ему вдогонку Теймураз, наблюдавший за тем, как остальные кибы швыряют обратно в воду похожих на севрюгу рыб. — Минуточку... Вон ту рыбку, зубастенькую, преподнесите даме. На ужин.

Ближайший киб завертелся, оглядывая пляж и решая непосильную для него логическую задачу: кто же из этих двоих в одинаковых комбинезонах — дама? Не решив, он положил требуемое точно посередине: разбирайтесь, мол, сами.

— Премного благодарна, — сказала Варвара. — Но это — для меня, а где обещанная конфетка для бычка?

— Конфетка — это вот... — в изломанных капустных листьях перекатывалось нечто, напоминающее черный футбольный мяч. — Нашему «морской кокос». Сусанин говорит, что благодаря изобилию этих фруктов аполины, коровы и еще кое-кто сохранили на передних конечностях пальцы. Ну, пойдем, покормим малышку. Кибы, всем вязать водоросли в тюки!

Он подцепил кокос, на деле оказавшийся необыкновенной четырехстворчатой раковиной, сквозь меридиональные щели которой проглядывало нежно-розовое, и они пошли по самой кромке воды, увязая в мелкой агатовой гальке. Стеллерова корова, чуточку отличавшаяся от тех макетов, над которыми привыкли скорбеть жители Большой Земли, никак не реагировала на их приближение и только по-лошадиному отфыркивалась. Четырехпалые бахромчатые ласты слева и справа загребали водоросли, уминая их в компактный ком, а обросшие щетиной губы, вытягиваясь хоботком, уминали эту буровато-зеленую массу с непредставимой быстротой.

Теймураз положил «фрукт» примерно в полуметре от коровьей морды и оглянулся на Варвару: смотри, мол, что дальше будет. Посмотреть было на что. Громадная туша чуть ли не в тонну весом приобрела вдруг дивную подвижность, ласты заработали, как движущий механизм, и корова, смущенно кося маленькими лиловыми глазками, навалилась на черный шар правым боком. Послышался слабый хруст, ласты заработали в обратную сторону, выгребая из-под себя гальку

вместе с черной скорлупой. Наконец показалось розовое тело моллюска — вот это-то и было конфеткой...

— Ишь как щелкает?! — изумилась Варвара. — Ну прямо как арахис. И сколько она может за один раз уничтожить?

— Мы пробовали установить — со счета сбились.

— А если попадется этот... скорпионоподобный?

— Птериготус? Она отщелкивает у него заднюю треть, и в остальном характер действий сохраняется. Я наблюдал.

— Послушай, а кто из нас биолог?

— Да мы тут все, независимо от начальной профессии, обioniлись, если можно так сказать. Сусанин нас всех подчинил.

— У него что, синдром лидерства?

Теперь настала очередь изумляться Теймуразу:

— Почему синдром? Он просто прирожденный лидер, и надо сказать, на своем месте. Ты видела, как он улыбается? От уха до уха. Так вот, он во всем такой. Когда он рассказывает байки, все валяются по траве от хохота. Включая младенца.

— И Лероя?

— Лерой улыбается.

— Ого!

— Вот тебе и «ого». А когда он выхаживает теленка, вся Пресептория ходит на цыпочках. А сам он не спит по семьдесят два часа. И уж если он влюбился без памяти в эту Степуху...

— Понятно, — сказала Варвара.

— Ничего тебе не понятно. Ну, да такое не объяснишь, в людях самому надо разбираться, а не с чужих слов. Так что покорми животное, развлекись, а я пока проверю свои аккумуляторы, они у меня тут на скальных присосках. Только ты не зазевайся, руку в пасть не засунь — корова она хоть и не хищник, а может сжевать просто по причине предельной флегматичности.

Теймураз махнул ей рукой и побежал к своим селеновым коврижкам, распластавшимся на искристом камне. Кибы, закончившие погрузку тюков с капустой, потянулись к источникам питания и замерли, набираясь энергии на несколько суток вперед. А Варвара все сидела на корточках, прислушиваясь к размеренным всхрапам, доносящимся из глубин исполинской туши. Корова жевала, жевала, жевала, и с каждым движением челюстей становилась все обычнее...

Когда лодка отвалила от берега, Варвара устроилась на корме, свесив босые ноги в воду. Было немножечко смешно, до чего же быстро происходит привыкание к необычному. Ну, не нашла ничего особенного в стеллеровых коровах — это еще полбеды. Но птериготусы, жившие на Земле чуть ли не четыреста миллионов лет назад, — а они-то какую реакцию вызвали? Легкое отвращение да еще мысль о том, что ввиду своей жесткости сублимационную камеру они будут проходить за рекордно короткий срок.

Это уже дань профессионализму.

Нет, зверье, конечно, радовало, но не потрясало. И в то же время на душе было легко, почти празднично. Стоило задуматься, почему. Неизгладимый образ прекрасного ксенопсихолога? Радость от того, что ошиблась в Евгении Сусанине? Нет, ближе, гораздо ближе. Уникаль-

ный дар судьбы — такой парень, как Теймураз. Ведь общий язык нашли с первой же секунды, да и отношения по-товарищески ровные, и осложнений не предвидится. Одна беда: понимает он, кажется, несколько больше, чем ей бы того хотелось, — как это он выразился насчет Лознгрина?..

— Купаться будем? — спросила она.

— Здесь не аппетитно, сама видела, какие гады на дне. Вот зайдем за мыс, в нашу бухточку, спустим парус, и плавай себе, пока твое начальство не узрит тебя ястребиным оком и не определит на очередные работы.

— То ты его хвалил, а теперь запугиваешь...

— Так это ж не от врожденной жестокости, а по причине острейшего дефицита рабочих рук. Да ты не горюй, тебе в основном придется контактировать с Параскивом, а вы прекрасно сработаетесь. Ты — молчунья, а у него комплекс бесконечной проблемонеразрешимости. Он будет тебе изливаться, потому что всем остальным он уже надоед, а ты все-таки новенькая...

— Теймураз, — перебила его девушка, — а в воде птериготусы не опасны для аполин?

Последовала неумовимая секундная пауза — юноша понял, что о Параскиве она говорить не хочет.

— У них устоявшийся симбиоз. Видишь ли, на Степухе вообще в моде эдакие популяционные свалки: где коровы, там обязательно лысые черви и пескари-навозники; где навозники — там рядышком двусосимметричные ракушки и скорпиончики; где скорпионы — там и каракуртицы, и так далее.

— Дело житейское, — понимающе кивнула Варвара. — Сосуществуют и едят друг друга поэтажно.

— Представь себе, предпочитают обходиться падалью и травой. На мой непрофессиональный взгляд, здесь агрессивность вообще не в моде. Впрочем, поныряешь — увидишь. Ты вообще ныряешь?

Ей почему-то припомнился первый вопрос Сусанина.

— Ныряю, — кивнула она точно так же, как вчера. — Сносно.

— Тогда можешь приступать. Здесь уже чистая вода, скорпионий пляж кончился. Только аполин что-то нет.

— А ты?

— Сейчас, только управлюсь с парусом. И потом, я не очень люблю водные процедуры.

Варвара медленно отстегнула пояс с неизменным ножом:

— Знаешь, у меня странное ощущение: позавчера я прилетела, вчера эта свадьба, нынче — капуста... Дни замелькали как-то мимо меня. Что-то происходит дьявольски сложное, а я плаваю широкими кругами и ничегошеньки не вижу... — она нашарила в сумке свою маску, перегнулась за борт и сполоснула ее теплой водой. — Такое ощущение, как на глубине — и без очков.

Теймураз рывком затянул какой-то узел, фыркнул:

— Сравнение точное. Ты просто не видишь, а все уже закрутилось-завертелось, и не сейчас, а в тот самый миг, когда ты вышла из космолета. Ты уже в самой гуще событий, только... как бы это тебе понагляднее... не в фокусе. Потом, месяца через два-три, если тогда тебе пред-

ставится возможность спокойно поразмышлять, ты это осознаешь. А сейчас давай-ка в воду!

Варвара проследила за его взглядом: над центральным корпусом трехангарной биолaborатории показались светящиеся голубовато-пепельным светом шары. Шли они, как дикие гуси — неровным живым клином. К их присутствию интереса не проявляли.

— А они представляют опасность для нашего поплавка? — не удержалась Варвара.

— Да вроде бы нет. До сих пор их привлекали только всевозможные двигатели и моторы. Парус им, видите ли, не интересен. Но ведь все тут только до поры, до времени...

Клин невозмутимо прошел метрах в ста пятидесяти и растаял в начинающем зеленеть небе.

Варвара кивнула и без всплеска ушла под воду.

И сразу же почувствовала, что сегодня все не так, как вчера. Вода, колючая и враждебная, была полна каких-то самостоятельно живущих, растущих и растворяющихся теней, которые давили на нее со всех сторон, упруго и легко, как пена, и начисто скрадывали ощущение реальной глубины. Контуров этих теней были так маняще-неопределенны, что Варвара безотчетно двинулась им навстречу, совершенно потеряв способность понимать, куда она плывет — вниз или вперед. Это было мгновенное опьянение волшебством, потому что волею какого-то чуда она оказалась внутри янтарно-коричневого калейдоскопа, менявшего свои картинки раньше, чем она могла сообразить, на что они похожи.

Тени отступали. Контуров, неузнанные, но вот-вот готовые сложиться в целый подводный город, расплывались, ломались, разбегались золотистыми водомерками. Снова сбегались и сливались в почти законченную картину — и снова все это возникало буквально на расстоянии протянутой руки, словно она сама была тем проекционным фонарем, который и создавал этот театр без действующих лиц, пьесы и зрителей — театр одних декораций.

Но остаточным, до конца не притупленным логическим разумом она попутно замечала, что построены эти декорации на каком-то другом принципе, чем досконально известный ей голографический эффект.

Сама того не сознавая, она постепенно уходила в глубину, и тени по-прежнему маячили кругом, то обретая четкость, то размываясь; все было так, словно кто-то настраивал фокусировку, столь быстро проходя точку наилучшей видимости, что Варвара не успевала ничего толком разглядеть. Но похоже, это был все-таки подводный город... Вот опять невидимый шутник улучшил фокус — и на миг явилось видение сказочного замка с прозрачными колоннами, разлетающимися балюстрадами, лесенками и расписными фризами... Или только показалось?

Варвара внезапно уловила, что ее воля, ее напряженное внимание как-то передаются всей этой колдовской системе, и она напряглась, стараясь уловить ритм этой постоянной смены фокусировки и включиться в него; и тело вдруг стало острым и звонким, как металлическая антенна, и ритм отыскался, — это было биение собственного сердца, и с каждым его ударом, разносящимся под водой, с цепящей, ужасающей

яркостью вспыхивало видение легких золотящихся куполов, игольчатых минаретов, змеящихся виадуков — и все это с каждой пульсацией теряло солнечную янтарную прозрачность, обретая тягостность темной бронзы; и все труднее давался следующий удар, словно у сердца не хватало голоса разнести по толще воды его певучий звук, и все тяжелее и тяжелее становилось наливающееся металлом тело...

Что-то черное, постороннее метнулось к ней сверху и тут же локоть обожгло острым уколом нейростимулятора. Животная воля к жизни проснулась на миллисекунду раньше, чем обрело ясность человеческое сознание, и тело привычным, автоматическим движением послало себя вверх. И тут же хлестнул страх: глубина!

Впервые в жизни она потеряла ощущение глубины.

Ее тащили вверх, и она понимала, что это просто необходимо: сама она вряд ли всплыла бы.

Но когда она наконец вынырнула и хлебнула теплого солоноватого воздуха, ей почудилось, что вот теперь-то она и начнет по-настоящему тонуть.

— Знаешь, Тёмка, я ведь ни рукой, ни ногой, — шепотом призналась она. — Будь добр, подгони свой пароход...

Теймураз кивнул, внимательно вглядываясь в ее лицо. Видно было, что все приключившееся очень ему не нравится, но от замечаний он воздержался. Просто повернул и поплыл к лодке, которая, тяжело осев под грузом тюков, хлюпала приспущенным парусом совсем неподалеку.

Варвара перевернулась на спину, раскинула руки и закрыла глаза. Хорошо... Вот и все по-прежнему, аполины хрюкают где-то неподалеку, и теплая, живая вода только прибавляет сил. Все так же, как и все ее девятнадцать лет, когда она нередко чувствовала себя скорее земноводным существом, нежели нормальным млекопитающим; все так же, и море, которое одарило ее и нечеловеческой приспособляемостью, и недевической выносливостью, и ранним развитием, снова ласково вылизывало ее, делая каждый сантиметр ее кожи трепетным и чутким, как язык хамелеона. Короче, море снова стало земным, но тем невероятнее стало то неземное, постороннее, что посмело родиться в этом море. Это не было предательством воды — здесь вмешалась какая-то другая сила.

Она еще не успела уяснить себе эту внезапно пришедшую на ум формулировку, как рядом зашелестела рассекаемая бортом волна и Теймураз крикнул:

— Руку давай! — И рывком втащил ее в лодку.

Он стоял на корме в плавках и прилипшей к мокрому телу рубашке, и его трясло.

— С-сколько я там проб-болталась? — спросила Варвара, обнаруживая, что и ее бьет такая же неумемая дрожь.

— Шесть минут. С большими секундами.

— С-смотри-ка, даже не на пределе...

Он смотрел на нее, как на чудо морское.

— Что ты на меня так смотришь, я синюющая, да?

— Есть малость.

Она поразила его сдержанности — ведь на его месте она обяза-

тельно спросила бы, как это получилось — шесть минут. Ведь для обычных людей и половина этого срока была недоступной.

— Ладно, не удивляйся, — сжалась она над ним, — я ведь нэд'о, рожденная в воде, слышал? Полжизни в море провела, отсюда и минутки лишние. И глубина более чем приличная. Геллеспонт переплываю в любую погоду, как этот... певец Гюльнары. Ну, и еще кое-что от морской ведьмы.

— Ляг на дно, не так холодно будет. Морские ведьмы не тонут, между прочим.

— Между прочим, они не тонут в обычном море, а тут...

— Тут тоже обычное море. Впрочем... — он закусил губы, и его сухая кожа еще сильнее натянулась на скулах. — Может, ты и права. В нашем море, как и во всей Степаниде, что-то бесовское. Только каждый видит это «что-то» по-своему.

Он причалил подальше от лабораторного пирса, чтобы кто-нибудь не пристал с расспросами. Быстро и бережно провел по запутанным тропочкам через парк.

По ступенькам своего домика Варвара поднималась, уже с трудом переставляя ноги и заботясь только об одном: как бы не улечься прямо тут, на крылечке, и не уснуть на пороге. Но Теймураз коротко бросил:

— В душ. И погорячее.

И она поплелась в душевую, тихонечко дивясь тому, что она слушается этого мальчишку, хотя у нее хватало ершистости восставать даже против Сусанина.

Пока она отогревалась, он сварил кофе, густой, сладковато-соленый и чуть ли не с кайенским перцем, а может, и с заветной лероевской травкой. Тошнота разом прошла, но спать хотелось с неослабевающей силой. Пришлось признаться:

— Знаешь, Теймураз, я окончательно скисла.

Он внимательно вглядывался в нее, и она подумала, что тоже впервые так близко видит его узкое оливковое лицо с тяжелыми веками и мокрой прядью волос. Лицо было напряженным.

— Не выйдет, — сказал он. — Во сне ты забудешь какие-то детали. А мне нужно, чтобы ты подробно — очень подробно! — пересказала все, что произошло там, на глубине. У нас тут со многими... происходит. Но похоже, с тобой было не то, что с другими.

Варвара опустила ресницы, нахмурилась, в глубине закрытых век заструились зеленоватомерцающие разводы. А похоже...

— Трудно определить одним словом... Полумиражи.

— Подробнее, пожалуйста. Это не прихоть.

Она вдруг вспомнила Майский Дуб, и неистовый спор, вспыхнувший внезапно, и, вероятно, традиционно, спор фанатиков, в котором она ничегошеньки не поняла; вот и сейчас она со своими впечатлениями подолблет несколько капелек масла на ту или другую из пылающих сторон... Но на крыльце в этот миг загрохотало, и зычный голос рывкнул:

— Экспонаты тут надобны?

Теймураз страдальчески приподнял брови, отчего стал похож на грустного Пьеро, и двинулся навстречу незваному гостю, нимало

не заботясь о том, какое впечатление мог произвести его костюм, состоящий из плавок и плохо отжатый рубахи, местами прилипающей к телу.

Впрочем, на территории биостанции, похоже, экзотичности костюма не придавали ни малейшего значения.

— Надобны, надобны! — крикнула Варвара из-под двух одеял. — Только не входите, я сейчас оденусь!

Экспонаты оказались двумя крупными, с поросенка, разномастными кротами, которых небрежно держал за шкуру белобрысый увалень былинного новгородского типа. Теймураз, по-петушиному взъерошенный, едва-едва доставал ему до груди.

— Любимое начальство жалует на предмет разминки аппаратуры, — пробасил гость, протягивая девушке обмякшие тушки.

Ей почему-то подумалось, что в его памяти, наверное, еще не изгладился образ Кота в сапогах, преподносящего королю двух кроликов от имени маркиза Карабаса.

— Спасибо, я... — Варвара, машинально принявшая на ладони два пестрых тельца, вдруг осеклась и посуровела.

Таксидермия — дело безжалостное, и жестоко оно в первую очередь к самому таксидермисту. А объект, так сказать, производственного процесса — что ему? Его уже приносят не живым зверьком, а такой вот безжизненной тушкой. Случайность ли, болезнь, старость — что бы ни было причиной его гибели, она все равно уже позади и, следовательно, непоправима. Причина ее теперь повлияет разве что на какие-то тонкости при обработке шкурки. Казалось бы, несколько лет практики и привычка исключит возможность горевать по каждому поводу.

А на деле выходит не так. И сколько уж бывало, когда протянешь руки — и вот так ударит по всем нервам разом. Потому что окажется или старый знакомый, пусть не прирученный, но хотя бы узнающий тебя в толпе других людей, или зверь красоты сказочной и щемящей... Или вот так, как сейчас.

Потому что это никакие не кроты, а новорожденные детеныши, и даже не из одного злосчастного, случайно погибшего выводка, а зверьки разной породы.

— Как же это вы так? — невольно вырвалось у девушки.

Белобрысый мóлодец воззрился на нее с удивлением:

— Мы? При чем здесь мы?

— Ты еще не в курсе, — досадливо нахмурился Теймураз, которому явно не хотелось объяснять некоторые вещи Варваре при посторонних. — Я не успел тебя предупредить, что здесь это в порядке вещей. Как экспедиция, так с пяток слепышей обязательно подбираем. Прямо под кустами валяются. Хотя это и не вяжется...

Выразительное лицо его приобрело гримасу холодной брезгливости, отнюдь его не украшающей, словно он узрел на блистательном лице Степухи грязную кляксу. Ну естественно, ведь брошенные слепыши — это просто несовместимо с общим характером их обожаемой планеты. Воплощенного рая. Тарелки обетованной.

— Да, в высшей степени странно, — безжалостно подтвердила Варвара. — По земным меркам это детеныши сильные, жизнеспособные. Все способы реанимации перепробовали?

— Ну, Евгений Иланович вам живого бы не отдал. — От добродушного великана так и пахло омерзительным холодом, словно из сублимационной камеры. — А вы что, не были у него в вольере?

— Нет. Меня отрядили на капусту.

— А-а, — многозначительно изрек непредставившийся молодец. — Так вот, Евгений Иланович считает, что эволюция на Степаниде гораздо стремительнее и пластичнее, чем мы можем себе представить. Несколько тысяч лет назад — точную масштабную шкалу палеоэкологи нам выдадут не скоро — здесь внезапно началось падение численности большинства видов. Может, виноваты те, кто прилетел сюда раньше нас, но это вопрос пока спорный. Но так или иначе, природа ответила изменением репродуктивной схемы, то есть вместо одного-двух крупных детенышей стало рождаться пять-шесть мелких. Но некоторые особи просто не в силах угнаться за этими капризами эволюции, и вот результат — теряют собственных слепышей. Или позволяют им потеться...

— Где это ты видел, чтобы самка потеряла самого сильного из выводка? — мрачно проговорил Теймураз, отбирая пеструю тушку у Варвары и для пущей убедительности встряхивая ее перед самым носом у гостя. — Не знаю, как там по гипотезе Сусанина, но ты же не в первой вылазке за Стену, где это ты видел выводки по пять-шесть медоедышей? Их два-три, и только один — такой крупный. А подгонять это под прилет неизвестно кого...

— Знаешь, мне ваши дилетантские вопли на каждом симпозиуме вот как надоели! Вместе с вашей угрозой вырождения...

— Ну, она стоит вашей не менее дилетантской теории иридиевого отравления, не говоря уже о гипотезе «магнитопароксизма»!

— Брэк, — сказала Варвара. — Мне еще роботов распаковывать.

— Кстати, Сусанин просил передать, что если вечером у вас будет свободное время, то с девяти до двенадцати дежурить некому: Параскив заболел, а Евгению Илановичу хоть пару часов поспать надобно.

— Кибами обойдутся, — жестко отрезал Теймураз. — Ишь моду завели: человек освоиться не успел, а им уже все дырки в расписании затыкают. Ты не позволяй, Варвара.

— А что... с ним? — неожиданно для себя спросила девушка.

— Ничего особенного, простудился. Вчера очередного новенького выхаживал, которого мамаша бросила. Корова.

Последнее прозвучало отнюдь не зоологическим термином.

— А я думала, аполины его украли, играючи.

— Аполины подбирают только тех, которых мамы забывают, уходя в море, — по тону Теймураза нетрудно было догадаться, что он старается как можно быстрее развязаться и с неприятной темой, и с непрошеным посетителем. — Ну ладно, скажешь своему диктатору, что я вечером приду.

— Нет, почему же? — быстро возразила Варвара. — С тебя довольно и того, что ты меня выхаживаешь. Как теленка. Так что передайте Сусанину: я подежурю, как только отогреюсь.

— Тогда до полуночи, а там мы вас сменим. — Кивок, предназначенный Теймуразу, мало было назвать предельно сухим.

Теймураз, сумрачно уставясь на свои босые ноги, долго выдерживал паузу, дожидаясь, пока стихнут шаги на крыльце.

— Добился своего, фе-но-тип. — Было очевидно, что раздражение его относится не столько к непрошеному посетителю, сколько к вышеупомянутому Сусанину. — И с мысли сбил к тому же. А я хотел тебя предупредить. Видишь ли, то, что с тобой приключилось, не кажется мне случайным. Ты смотришь на нашу Степуху недоброжелательно, предвзято... Она отвечает тем же.

Варвара изумилась: он мялся и подбирал слова, что было совсем на него не похоже.

— Я понимаю, — продолжал он, — ты такой человек... Я даже имею в виду не твое водоплавание, а профессию...

— Да, — резко оборвала она его: терпеть не могла разговоров о собственной особе. — Да, я такой человек. Все, рожденные в воде, удивительно общительны и дружелюбны, а вот все таксидермисты, насколько я их знаю, феноменально неконтактны. Вот и получился из меня гибрид, которого только подведи к стене с двумя воротами, черными и белыми, — он обязательно влезет в черную дверь. Потому что за ней заведомо интереснее.

Она снова забралась под два одеяла, и оттуда ее приглушенный голос звучал особенно ворчливо:

— А что касается инцидента в бухте, то просто я пробыла под водой гораздо дольше, чем любой из вас. Ведь легко допустить, что эффект янтарного миража возникает только на пятой или шестой минуте. Ну, как пленка проявляется — нужен определенный интервал времени. Никто из вас просто до начала представления под водой не досидел: ведь, кроме меня, здесь больше нет нэд'о?

— Нэд'о... — гортанно повторил он. — Нет, таких больше нет. Таких же, как ты, по-видимому, вообще больше на свете нет. Потому что ты выбираешь не черную дверь... А, закончим.

— Ладно уж, договаривай!

— Не стоит. Кстати, и насчет моря ты не права — мы спускались с аквалангами, и надолго. Не видели ничегошеньки.

— Это только означает, что загадочный «фактор икс», по воле или расчету которого зажигаются миражи, не считает аквалангиста человеком или, вернее, аквалангиста он принимает за разумное существо, а голенького пловца — нет.

— Вот-вот! — мрачно обрадовался Теймураз. — Вот именно это я и имел в виду, что ты не выбираешь реальную дверь, ни черную, ни белую; а вместо этого ты на глухой стене рисуешь новую, в действительности не существующую, серо-буро-малиновую...

— В крапинку! — подхватила Варвара. — А знаешь, что это такое? Бадахшанский порфирит — дивной красоты камень.

— Мне кажется, мы перестали понимать друг друга, — с какой-то детской обидой проговорил Теймураз. — А я-то поначалу обрадовался, что появился у нас человек, с которым мне наконец-то будет легко и просто...

Варвара вдруг ощутила острую жалость и к нему, и к себе. Она ведь тоже радовалась.

— Это потому, что ты меня принял, как Степуху свою — всю в

белом. Полутораметровая снежинка. А я ведь даже не черная. Я — в крапинку, и, увидев чудо эдакое, ты решил сбежать, чтобы не запутаться. А я такая. И в довершение всего я еще и не умею слепо верить. Даже друзьям. Хотя некоторые считают это обязательным условием для дружбы.

— Ну дай хоть слово, что не полезешь в море одна!

— Тоже не могу. Потому что именно этим я и собираюсь усиленно заняться.

Она ждала, когда подплывут аполины, лежа на воде и закинув руки за голову. В ноги толкался надувной плотик с поражающими воображение морскими кокосами.

Первым объявился крупный самец с характерными темно-лиловыми обводами вдоль нижней челюсти. Несмотря на внушительные габариты он, как самый обыкновенный земной дельфин, взлетел вверх метра на два, изогнулся в пируэте и шлепнулся в воду, намеренно окатив девушку фонтаном брызг. Вероятно, и здесь это служило знаком неудовольствия: мол, отчего не позвала?

Четыре светлолицые самочки заплывали следом. У нее руки так сами собой и потянулись погладить крутолобую голову, почесать горлышко. Так ведь нельзя. Вчера она часов до двух пыталась добра молодца Кирюшу Оленицына (познакомились-таки) по поводу здешней зоопсихологии вообще и всего, что касалось неопишуемой привязчивости, именуемой «синдромом Лероя», в особенности. Но оказалось, что ничего они толком не знают, людей не хватает набрать нужную статистику, да и группы уходят за пределы Пресептории от силы на три-четыре дня. Пока установлено, что все зверье поголовно тянется к человеку, ластится, чуть ли не на брюхо ползает — как не приласкать! Но девяносто девять этих врожденно-преданных человеку четвероногих аборигенов только сильнее завлияют хвостом, когда их погладишь, а вот сотый — тот, захлебнувшись от восторга и нежности, помчится за тобой следом и, безнадежно потеряв тебя из виду, разобьет себе голову о первую попавшуюся скалу.

А может, и не сотый, а пятидесятый. Или двадцать второй. Или четырнадцатый.

Или, как Варварин король-олень, — первый.

Отгоняя навязчивое видение, девушка встряхнулась, точно калан, подняв облачко брызг. Это будет очень трудно: держаться с аполинами середины, — и обходясь без нежностей, и в то же время не ослабляя контакта, чтобы не удрали. Ведь сегодня она начинала целую серию экспериментов, целью которых было установить: а появится ли вчерашний янтарный мираж в присутствии этих хозяев моря? Почему-то Варваре заведомо казалось, что — нет; если же она ошибалась, то в случае опасности на аполин можно было положиться. Вытащат на белый свет, и даже проворнее, чем это сделал Теймураз. И Кирюша Оленицын был того же мнения, что они не подведут. Вот только бы не уплыли...

Варвара пошарила рукой по плоту, нащупала черный, глянце-вито поблескивающий шар и, размахнувшись, послала его прямо

в группу аполин. Самочки шарахнулись, защелкали по-аистинному, и тут же вокруг кокоса поднялась форменная чехарда, которая затянулась бы на самое неопределенное время, если бы Варвара не приняла соломонино решение и не кинула каждому по шару.

Ракушечный хруст, хлопанье куцепалых плавников по воде, восторженный блеск маленьких глазок... Все сыты? Нет, оказывается, не все. Черногубый аполин, поматывая зажатым в зубах розовым моллюском, уже очищенным от створок четырехдольной раковины, подплыл и с плохо скрытым сожалением предложил ей лакомую добычу.

— Ой ты, глупый, — растрогалась Варвара, — ешь сам, у меня ведь тут целая кладовая!

Аполин жмурился и тряс головой, так что розовые ошметки шлепались в воду, привлекая мелких рыбешек-побирушек; пришлось и в самом деле доставать еще один кокос и демонстрировать ему.

— Ну, заморили червячка? — спросила Варвара, когда он наконец, управился со своим полдником. — А теперь, как говаривала Жанна д'Арк, все, кто любит меня, за мной!

Вся пятерка с готовностью выразила свою любовь и продолжала демонстрировать ее при помощи всевозможных фигур водной акробатики вплоть до самого острова, рыжим крабом подымавшегося из морской воды. Варвара ныряла вместе со всеми, с каждым разом все глубже и глубже уходя в толщу воды. Но море, спокойное, безразличное, подслеповато помаргивало отдаленными янтарными искорками и не желало показывать никаких фокусов.

Возле самого острова резко похолодало, так что Варвара не стала даже вылезать из воды — ржавые камни не вызывали у нее ни малейшего любопытства; она повернула обратно, и аполины продолжали ее эскортировать на пути к берегу.

Итак, можно считать установленным, что все, произошедшее на капустной фелюге, было или из ряда вон выходящей случайностью, или отравлением какими-то донными газами, свойственными только Коровьей бухте. Мир праху янтарных миражей. И даже жаль. Она обернулась: горизонт был чист, солнце едва начало склоняться к красновато-бурым зазубренным горам, и безмятежные стайки морских желтоперых уклек порскали во все стороны, тревожимые приближением прожорливых аполин...

И золотой прозрачный парус, точно плавник исполинской акулы, бесшумно шел прямо на девушку, толкая перед собой внушительную волну высотой в двухэтажный дом. Варвара стремительно развернулась навстречу волне и забила ладонями по поверхности воды, пытаясь привлечь внимание своих расшалившихся спутников. Озорные темно-лиловые глазки оглядели горизонт, но ни одно животное, как говорится, и ухом не повело.

— Братцы, ныряем! — крикнула Варвара, прекрасно понимая, что надеяться можно только на их врожденные обезьяньи способности, кои были продемонстрированы безотлагательно: четверка белолицых подружек разом выставила из-под воды крутолобые головы, щелкая клювами и даже высовывая языки. — Вы мне еще подразнитесь! — сердито фыркнула Варвара. — Сейчас вам будет ох как не смешно, да и мне тоже. Да будете вы нырять?..

Ультимативный тон не возымел ни малейших последствий. Она изумилась такой беспечности: ведь разумные же твари, в конце концов! Но в этот момент «парус», до которого оставалось каких-нибудь двадцать метров, беззвучно растаял, и на его месте обнаружилась совершенно неправдоподобная промоина в самой середине наступающей волны. Девушка даже зажмурилась и потрясла головой, настолько это зрелище противоречило всем известным и неизвестным законам природы: слева и справа от их тесной группы прошли два пенящихся гребня, а их самих — и ее, и пятерку аполин — едва качнуло на фантастически спокойной дорожке.

Варвара потеряла глаза мокрым кулачком: уж не показалось ли? Но тут обе волны, и левая, и правая, с одновременным грохотом обрушились на берег, так что из лабораторных корпусов повыскакивали перепуганные лаборантки в халатиках и гидрокостюмах. Вода торопливо отхлынула, и в этом своем обратном движении она показалась девушке подозрительно желтой и искрящейся.

Или такой ее делало начинавшее клониться к закату солнце?

Она рванулась к берегу и прошла эти несколько сот метров с рекордной для себя скоростью, совершенно забыв о сопровождавших ее животных. Они, напротив, честно выполнили свой долг и не забыли проводить ее до самого мелководья, самым препротивнейшим образом забитого тиной, дохлыми медузами и какой-то слизкой протоплазмой. Варвара вылезла на галечную полосу, брезгливо встряхиваясь, и первым делом наткнулась на двух лаборанток, которые укладывали на кусок клеенки что-то зеленовато-бурое и обмякшее. Теленок. Не новорожденный, но сосунок.

— Помочь? — спросила Варвара.

— Идите в душ, — недружелюбно ответила та, что отличалась сайгачьим профилем. — Тем более что все ваше унесло в море.

Они подняли клеенку и потащили, держа за углы и семена от тяжести. Да, такое занятие не способствует улучшению настроения. Варвара пошарила взглядом по берегу: кругом валялись разнокалиберные звезды, гигантские черви и многостворчатые раковины. И еще нечто, по окраске напоминающее светло-серую чайку... Нет, аполиненок, и редкого вида: с трехцветной черно-бело-розовой меткой на лбу. Может, хоть этого посчастливится выходить? Она подобрала зверька, который казался мокрой ватной игрушкой, двинулась следом за сердитыми девицами, но дверь первого корпуса распахнулась и выпустила Параскива в его празднично-алых плавках, столь дисгармонирующих с печальным изуродованным берегом, в каком-то клочковатом свитере и с замотанной шеей. Варваре подумалось, что за один такой внешний вид следовало запретить ему пребывание на дальних планетах.

Он отобрал у Варвары аполиненка, положил его на гальку и, присев рядом, заговорил так, словно продолжал какой-то недавно прерванный разговор:

— И не пытайтесь с ним что-нибудь сделать — это бесполезно, я гарантирую. Мы тут ютимся друг у друга на голове, и я не могу оборудовать даже мало-мальски приличную реанимашку... Вот вы прилетели с последним грузовиком: что нам шлют? Комбикорм. Не для них, — он кивнул на покачивающуюся клеенку, которую заносили в тамбур, —

а для нас, как это ни парадоксально. Но нам шлют замороженное мясо, которое в свежем виде буквально ломится в ворота Пресептории и мечтает попасть к нам на кухню. Здесь могли бы прокормиться не сто шестьдесят, а тысяча шестьсот человек, и поверьте мне, как специалисту, — это никак не отразилось бы на экологическом балансе видов. Но зато на оборудование и наблюдательную аппаратуру места на космолетах уже не хватает! И называется это — бережное отношение к чужой фауне.

Он сокрушенно, как-то по-стариковски кивал головой после каждой фразы, и соборные брови скорбно складывались уголочками, вызывая у девушки состояние щемящей смятенности.

— А Степанида идет к нам на поклон. Даже не идет — бежит. Выплескивается. Швыряет к ногам своих подкидышей и волчицей воет: разумные и гуманные, помогите!

Варвару вдруг охватило непонятное раздражение. Все, что сейчас говорил этот обладатель княжеского имени и лоэнгриновского облика, было несомненно верным, но требовало какого-то естественного дополнения. Нет реанимационного кабинета, так не сиди здесь, на галечке, а иди и строй. Каменных глыб навалом, кибов бесхозных — тоже. А что касается оборудования, то один из грузовиков с мороженым мясом можно просто неразгруженным завернуть обратно на Большую Землю. В другой раз пришлют только то, что действительно необходимо. А так вот объясняться в бесконечной любви к несчастной Степuxe — слушать противно...

Девичья мечта начинала как-то блекнуть. Не было в Светозаре тех черт, которые она в первую очередь искала в человеке, который должен был бы стать для нее гораздо больше, чем просто первый встречный: внутренней зоркости, но не холодной, граничащей с липким любопытством, а теплой и сильной, готовой в любой миг на дружескую поддержку. И еще — доверия к чужой чуткости. А вместо этого нашла узкотерриториальные восторги, заслоняющие весь белый свет. Видите ли, эта заброшенная планета — самая лучшая в мире и все потому, что здесь живем и работаем мы. Как там значилось на фасаде трапезной? «Наши простейшие — самые простые во Вселенной!» Характерная надпись. И беда в том, что это не просто устаревшая студенческая шуточка. Чтобы не высказать все это вслух, Варвара изо всех сил стиснула зубы, отчего встопорчились усики над верхней губой, и, круто повернувшись, пошла к ангароподобному строению, именуемому телятником. Она шагнула через порог и очутилась нос к носу с пиратской физиономией Сусанина.

— А вы зачем сюда? — напустился он на нее без малейшего вступления и повода — Я вас не вызывал. И в график дежурств не включал. Пока. Но могу и передумать, если вы чересчур свободны.

— Добрый вечер, Евгений Иланович, — сколь возможно вежливо проговорила Варвара. — Я зашла за каким-нибудь халатом: все мое унесло в море.

— А разве я вас посылал в море?

— Евгений Иланович, — еще более вежливо и спокойно ответствовала девушка, — в море я купалась после окончания рабочего дня. И буду делать это ежевечерне.

— Рабочий день экспедиционника заканчивается, когда он закрывает глаза, — мрачно проговорил Сусанин. — За сим начинается рабочая ночь, ибо собственный сон должно рассматривать как биологический эксперимент. Новичкам ясно?

— Ясно, — сказала Варвара, влезая в чей-то — а похоже, сусанинский — халат. — Возвращаюсь на рабочее место.

Она повернулась и вышла из лабораторного «предбанника». Дверь фукнула на нее сложным комплексом противобактериальной защиты, убивающей споры земных растений, составляющих рацион здешних стеллеровых телят, которых готовили для переброски на свою прародину. После такого душа стало еще холоднее, и девушка искренне обрадовалась, когда наткнулась на Кони.

— А море вас ограбило! — почти радостно воскликнула та — похоже, здесь с восторгом воспринимали любые капризные выходки несравненной Степухи. — Накиньте мою кофточку, холодает.

Варвара дважды обернулась в шуршащую ткань, которая достала до колен, и без малейшего на то основания подумала, что это — второй после Теймураза человек, которому она могла бы до конца довериться.

— Что-нибудь еще, Варюша?..

— Нет-нет, — поспешно возразила она, уже не противясь ненавистному обращению. — Впрочем... Вы ведь в хороших отношениях с семьей этого малыша, Пидопличко, кажется?

Кони удивленно кивнула. Ее поразил не столь неожиданный поворот в разговоре, а сомнение в том, что она хоть с кем-то может не быть в хороших отношениях.

— Тогда подскажите им мысль сделать несколько голографических снимков своего малыша — и даже лучше в движении.

Кони удивилась еще больше, но промолчала.

— У меня появилось странное ощущение, — Варвара поняла, что ей придется как-то объяснить свою просьбу, а лгать этой обаятельной женщине совсем не хотелось. — Мне кажется, что каждого из нас здесь как-то проверяют... Тестируют.

— Кто?!

— Не знаю, не знаю. И боюсь, что не кто, а что. Если это предположение хоть как-нибудь подтвердится, то придется и с нашей стороны ставить опыты, а уж тут-то живым ребенком рисковать будет нельзя, потребуется голографическая копия.

По доброжелательному, но абсолютно непроницаемому лику Кони совершенно невозможно было догадаться, как она относится к подобным фантазиям. Тем не менее она сказала:

— Я постараюсь сделать так, чтобы у мамы Пидопличко самостоятельно появилась мысль обратиться к вам — ну, хотя бы для составления семейного альбома. А теперь ступайте, да загляните в трапезную, выпейте чего-нибудь погорячее.

Варвара благодарно кивнула и затрусила по парковой тропинке, полами необозримого одеяния цепляясь за колючий кустарник. Вчера — погорячее, сегодня — погорячее... Нет, не складывались у нее отношения со здешним морем.

Киб с неполным комплектом конечностей был занят нетипичной для него деятельностью — закрашивал надписи на косяке, раскрашенном

под камешки. К резной арочке была пришпилена записка: «Просим больше не изощряться в островах — Степка учится читать».

Гм. В три-то месяца.

— Кофейком напоите? — спросила она, приблизясь.

Киб тотчас же засунул кисть за притолоку, метнулся внутрь и занял свое исходное положение: брюхом на стойке, три щупальца свешиваются по ту сторону, два — по эту.

— Ром, абсент, вишневая настойка! — гаркнул он голосом, пародирующим Артура Кёлликера.

Даже новичку было ясно, что перечисленных напитков на далеких планетах попросту не держат, да и на Большой Земле их отыщешь разве что в кафе, стилизованных под старину. А помимо всего, киб вообще не имели речевых приставок, не то что роботы. При большом желании их можно было запрограммировать так, чтобы они скрипом, звоном или щелчками подавали звуковые сигналы, но даже простейшая фраза азбукой Морзе доводила их до катастрофического перегрева.

В данном случае было похоже, что кто-то из местных остряков впаял в обрубок недостающего щупальца микромагнитофон.

— Чашечку кофе погорячее и без цитат из Ремарка, но с сахаром.

— Ром, абсент, вишневая настойка! — Вероятно, магнитофон срабатывал на любой звук человеческой речи. Надоедало это со второго же раза.

Из-под стойки показался подносик с подозрительной полоскательницей кубиков так на четыреста пятьдесят. Это, разумеется, и отдаленно не напоминало то живительное питье, которым пользовал ее Теймураз после вчерашнего бесславного ныряния. Она, обжигаясь, опустошила всю емкость и побежала к себе в таксидермический корпус, выделяющийся среди окрестных коттеджей казенным однообразием квадратных окон и распахнутым сейчас громадным фонарем скульптурно-моделировочной мастерской, находящейся во владениях Пегаса.

Если прибавить к тому подземный голографический блок и химическую «кухню», где заправляла Пегги, то в целом лаборатория производила чуть ли не ошеломляющее впечатление. И работать здесь практически предстояло одной Варваре.

Разумеется, девушка и не подозревала, что Полубояринов, отправляя ее на Тамерлану, прекрасно отдавал себе отчет в том, что один человек, родись он семи пядей во лбу или будь он даже легендарным Заславским, не сможет создать музея фауны целой планеты. «Очень уж она воинственная, — сказал он своему заместителю, когда за Варварой закрылась дверь его кабинета. — Вот и пусть повоюет там с Сусаниным, понаделает грамотных голограмм и хотя бы разберется с теми шкурами, которые накопились на кухне. А годика через полтора, когда станет у нас полегче с кадрами, подошлем ей двух-трех специалистов и, разумеется, начальство, чтобы ни от кого не зависеть».

Варя Норега этого монолога не слышала и по крайней своей наивности, извиняемой возрастом, полагала, что перед ней стоит трудная, но посильная задача, с которой она справится с помощью двух роботов и, естественно, без начальства.

Дело только в сроках.

Одинокой она себя тоже не чувствовала, так как Пегас и Пегги работали по двадцать четыре часа в сутки, то есть каждый за троих, и на них можно было положиться.

Подходя к зданию таксидермички, девушка опасливо оглянулась: не увидел ли ее кто-нибудь в столь экзотическом наряде? Но улочки были пусты, а вот из помещения доносилось голосистое ржанье Пегги. Та-ак, опять она Пегасу байки на биохимические темы рассказывает!

Варвара толкнула дверь и замерла от негодования: вместо обычного Пегаса ее роботессу самым естественным образом развлекал Теймураз, и это в то самое время, когда она сама только что получила выволочку за безделье в нерабочие часы!

— Что, все пластинки уже обработаны? — напустилась она на Пегги, словно не замечая присутствия юноши. — И просушены? А вчерашние экспонаты готовы к дезинсекции? И растворы отфильтрованы и подогреты?

Пегги выдержала паузу, чтобы было слышно, как в одном из баллонов среднего уровня взбалтывается жидкость — вероятно, мышьяково-кислый натр или еще какой-нибудь столь же аппетитный нектар для протравки чучел. Затем верхний ее баллончик презрительно дернулся, и Пегги констатировала хриплым меццо-сопрано:

— Кобра мохнатая.

Теймураз тихонечко ахнул.

— Пегги! — крикнула Варвара. — Изволь при посторонних держаться в рамках!

— Посторонних? А я их звала, этих посторонних?

— Пегги, еще одно слово в подобном тоне, и я запру тебя в вытяжной шкаф.

— Вот поди сама и запишись в шкафу! Пигалица земноводная! Амбистома усатая...

Варвара вскинула руку и хлопнула Пегги по жужеличной спинке, отключая речевую приставку.

— Извини, пожалуйста, — проговорила она, смущенно улыбаясь. — Когда целые дни проводишь в обществе одних роботов, невольно становишься ворчливой. Когда я это заметила, то запрограммировала эту особу таким образом, чтобы она самым наглядным образом демонстрировала мне все недостатки дурного воспитания.

— Метод «от противного», — заметил Теймураз.

— Ага. И, надо тебе сказать, очень действенный, намного эффективнее простого зеркала. С тех пор как мы стали с ней вести диалоги в подобном режиме — она со словарным запасом посудомойки, а я с высокомерной сдержанностью классной дамы — я стала замечать, что поубавила сварливости и прибавила юмора.

— Как хорошо, что мы с тобой встретились уже на данном этапе твоего самовоспитания! А то боюсь, что даже я не смог бы найти с тобой общий язык.

— Боюсь, что это общая беда всех людей моей профессии, — с ними не очень-то и стремятся войти в контакт... Фу, кажется, я уже перешла на жалостливый тон.

— А твой второй робот запрограммирован аналогично? — на всякий случай поинтересовался юноша.

— Ну что ты! Пегги — уникам, если не сказать — жертва эксперимента.

Поскольку была затронута тайна генезиса, Пегги не могла остаться равнодушной и, лишенная дара речи, пустила в ход все свои свободные щупальца, довольно примитивными приемами демонстрируя, что она думает по поводу умственных способностей, внешнего вида и прочих качеств своей хозяйки.

— Это что еще за танец живота в кибер-исполнении? — раздалось вдруг из дальнего угла.

На консольном экране связи возникла фигура Сусанина в полный рост. Кожаный передник был заляпан подозрительными кляксами, рукава халата недвусмысленно изжеваны. Было ясно, что его выход на связь предвещал какую-то производственную коллизию, но по мере того как затягивалась пауза, становилось очевидно, что всем вниманием начальника биосектора завладела отчаянно жестикулирующая роботесса.

Между тем Пегги разошлась так, что у нее звенели все пустые емкости. У Сусанина загорелись глаза, рот невольно растянулся в не очень осмысленной улыбке: да что он, роботов не видел на своем веку?

— Пегги, изволь стоять смирно! — шепотом приказала Варвара.

— Ни-ни! — воспротивился с экрана Сусанин.

Он присел на корточки и наблюдал за происходящим с таким всепоглощающим восторгом, словно был десятилетним мальчишкой, которому впервые показали модель квантового звездолета. Варвара вдруг поймала себя на том, что она тоже улыбается. Сусанин протянул руку и постучал пальцами по экрану:

— Эй ты, канистра с бубенчиками, поди-ка сюда!

Пегги возмущенно всплеснула едким натром, так что он чуть было не вылетел за пределы баллона, и двинулся куда-то вбок.

— Иди, иди, тебе человек приказывает! — ласково понукал ее Сусанин.

Раздираемая противоречивыми побуждениями, продиктованными первым законом роботехники с одной стороны, и дурным характером — с другой, Пегги выбрала оптимальное решение — двинулась к экрану по синусоиде.

— Прелестно! — возопил Сусанин. — Это же интеллект! И какая скорость реакции!

Его пиратская физиономия сияла, и Варвара вдруг поняла, почему в первую их встречу он показался ей золотым. Виногато было не только тамерланское солнце, теперь она это понимала.

— Беру, — заключил Сусанин.

— То есть как? — ошеломленно подалась вперед Варвара, готовая всем телом заслонить имущество таксидермического блока.

— В долг, разумеется! На недельку дадите?

— И на сутки не дам. Без нее лаборатория остановится. И потом, зачем вам она?

— Видите ли, — Сусанин устало поднялся с корточек, потирая поясницу. — Мы тут зашли в тупик с одной элементарной проблемой — не можем отобрать ни одной пробы так называемых янтарных гранул.

Эта плесень не подпускает ни киба, ни человека — улетучивается. Но ведь сие диво хрустальное — и не киб, и не гуманоид. Попробуем...

— Исключено, — жестко проговорила Варвара. — Я слышала, что у вас тут бывает с механизмами: шаровая молния — и ни гаечки, ни релюшечки. Пегги стоит целой лаборатории. И потом, у меня работы накопилось выше головы, вы и сами видите.

— Ну, Варюша, кто старое помянет, тому глаз вон. А что касается вынужденного простоя, то я и это беру на себя; на ближайшие два дня зачисляю вас в комплексную группу, которая совершит прогулку по морскому берегу. Согласны?

— Некогда мне... — начала Варвара и осеклась, почувствовав резкий толчок в спину. Теймураз, о котором она начисто забыла, какой-то линейкой или указкой пихал ее под лопатку, чтобы не было видно с экрана. — Я... я подумаю.

— Подумал за вас я! А вы берите себе второго вашего робота, грузите на него регистрирующую аппаратуру, и завтра в шесть — сбор на пикник. Да, подробности прогулки будут обсуждаться через полчаса в конференц-зале, можете зайти.

Экран погас.

Она, ничего толком не понимая, обернулась к Теймуразу.

— Ты с ума сошла! — с чисто южной экспансивностью, прорывающейся у него нечасто, воскликнул юноша. — Тебе предлагают выход за Стену, и это буквально на второй день, а ты мнешься! Да другие добиваются этого месяцами и выходят на пятнадцать минут! На твоём месте я бы на шею ему кинулся!

— Ну, а я, как видишь, от последнего воздержалась. К тому же, это всего-навсего воскресная прогулка.

— Можешь называть ее прогулкой, можешь — разведкой. Скорее последнее, раз тебе разрешили взять второго робота, да еще и с фиксирующей аппаратурой. А тем временем твоя запрограммированно-невоспитанная Пегги будет ловить янтарную пену.

— Да, к вопросу о воспитании, как человек, тоже не вполне воспитанный, я хочу спросить: а что ты сюда пожаловал?

Теймураз смущенно развернул утлый кулечек, откуда полетели клочки остро пахнущей голубоватой шерсти.

— Да вот принес... По-моему, это была кошка. Голубая, травоядная и врожденно-ручная. Я хотел сделать чучело...

У Варвары натянулась кожа на скулах:

— Во всяком случае, прошедшее время употреблено уместно. Была. А теперь есть только загубленная шкурка, которую не потрудились как следует вычистить от жира и просушить. Не говоря уже о прочих тонкостях таксидермии.

— Знаешь, — виновато пробурчал Теймураз, — мне как-то казалось, что главное, эту шкурку снять и, когда она сама подсохнет, набить ватой. Это же не сложно...

— Ну да, оптимистическая формулировка: никогда не пробовал, но думаю, что сумею.

— Ведь делают же чучела даже школьники!..

Вот этого только и не хватало — обиженного тона. Обида — эмоция аутсайдеров, а Темрик казался не из их числа.

— Это делают школьники, обученные азам таксидермии. Но без вышеупомянутых азов браться за дело не стоит.

Она глянула на его по-детски обиженное лицо, обычно столь неприглядное, и вдруг расстроилась. А ведь Кони, которая умела со всеми быть в хороших отношениях, вряд ли стала бы вот так отчитывать человека за вполне доброе намерение. И не топорщилась бы, как эмпуза рогокрылая, сиречь богомол. А взяла бы остатки шкурки — да, мол, действительно голубая травоядная кошка, спасибо — и через некоторое время вручила бы Теймуразу чучело совершенно другой особи, но уже препарированное по всем правилам. И в процессе вручения постаралась бы незаметно преподать некоторые сведения по тем самым азам, которые теперь будут восприниматься сквозь призму оскорбленного самолюбия. Да, у Кони еще учиться и учиться...

— Ладно, — сказала она примирительно, — несколько уроков я тебе преподам, а сейчас я побежала. Неудобно опаздывать.

— Ты же не знаешь, где этот конференц-зал!

— А ты покажешь. Только я разыщу запасной комбинезон — мое-то все в море утатило. Волна была сильная, ну прямо микроцунами. И какая-то неправдоподобная...

— Да? — загорелся Теймураз. — Давай-ка на бегу и поподробнее, а то ты, я вижу, удачлива на чудеса.

На бегу получилось не очень подробно, потому что до условно обозначенного «конференц-зала» было не больше трех минут спортивной ходьбой. На Большой Земле, правда, постеснялись бы назвать это помещение даже кладовкой, потому что это был всего лишь тупичок коридора, заваленный пакетами с надувной мебелью — традиционной утварью экспедиционников-дальнопланетников. Несколько таких диванов, распахованных и приведенных в боевую готовность, было составлено в каре и являло собой рабочее место для всех совещаний и сборищ, кои по каким-либо причинам не могли состояться под Майским Дубом. У стеночки, на трибуне из местного кораллового палисандра, знакомый неполнорукий киб варил кофе и передавал чашечки заседающим.

Собрались здесь, похоже, не в последние минуты — возле некоторых стояли на полу по две-три пустых чашки.

Рядом с кибом на трибунке безучастно сидела Кони и, кажется, кого-то ожидала. Больше ничего Варвара разглядеть не успела, потому что погас свет и прямо на стене возникла проекция чрезвычайно странного графика в виде золотой завитушки, ползущей вдоль оси абсцисс.

Линия сделала какое-то конвульсивное движение, и тут Варвара поняла, что никакой это не график, а здешнее море, показанное с высоты нескольких километров. Золотистая кривая в равной мере могла быть и гребнем причудливой волны, и легендарным морским змеем. Или чем-нибудь третьим.

— Вызвать бы у него синдром Лероя, — полусшепотом проговорил в темноте бархатистый баритон.

В ответ невесело засмеялись.

Кажется, это действительно был змей, потому что на экран выпозла еще одна золотая полосочка. И еще. И две сразу... Они выпрямлялись, подобно стрелам, ломались под прямыми углами, сцеплялись, извива-

лись. В их движениях было что-то и живое, и искусственное одновременно.

— Разыгрались, собаки! — проговорил кто-то с нескрываемым восхищением, и девушка узнала голос Сусанина. — Вы представляете себе их энергетический баланс?

Варвара прикинула: судя по морским гребням, все это транслировалось с высоты не менее восьми километров. Нет, представить себе мощь этих водяных гадов было трудно.

— Смотрите, характерный момент концентрации внимания, — крикнул знакомый баритон. — Время задержки — двадцать пять секунд, зафиксировано неоднократно!

Змеи замерли, словно оцепенев и прислушиваясь к неведомому внутреннему голосу, а затем разом изогнулись и с целеустремленностью баллистических ракет заскользили в левый нижний угол импровизированного экрана, и навстречу им, захваченные в поле зрения следящего зонда, проступили контуры их собственной бухты с характерным пятиугольником Пресептории.

— Снижайте зонд! — крикнуло несколько голосов разом.

Изображение качнулось, начало укрупняться, но вместо ожидаемой четкости деталей экран запестрел клочьями янтарной пены, прямо на зрителей полетели белесые пузырьки, за которыми уже не просматривалось никакой фантастической фауны, а затем все закувыркалось, заплескалось, и экран погас.

— И стало на базе одним зондом меньше, — заметил кто-то с эпическим спокойствием.

— А кстати, степняки, вы прочувствовали, где должны пересекаться траектории их движения? — спросил голос, в котором угадывалась лихость «застенчивого гения». — Так вот, в той самой точке, где находимся сейчас мы!

Это было не очевидно и требовало графических доказательств, поэтому ему никто не ответил. Похоже было, что с подобными явлениями здесь встречаются не впервые.

— И снова до Пресептории не донеслось ни облачка, ни дуновения, — в голосе Сусанина было такое сожаление, словно хороший ураган он принял бы как дар небесный. — Ну, что ж, применим некоторые до сих пор не опробованные методы... Но это потом. А сейчас пленку в архив и возвращаемся к тому, на чем мы остановились: на выборе маршрута нашей воскресной группы. Поскольку вся задача — пройти отрезок между Золотыми воротами и Оловянными, то и дороги две: низом и верхом. Учитывая, что горы подходят к морю почти вплотную, начальство базы рекомендует на прибрежную полосу вовсе не спускаться. Для этого в следующие выходные соберется вторая группа. Ну как?

— Умный в гору не пойдет, — заявил Солигетти. — Но мы ж не претендуем на излишнюю мудрость. Пойдем-ка в горы!

— Серафина?

— Если правда, что по верху, над хребтом, существует пси-барьер, не пропускающий ничего живого...

— Если правда.

— ...тогда и говорить не о чем.

Эта смуглокожая Царица Ночи, как с первого взгляда окрестила ее Варвара, была явно из метеорологов — именно она колдовала несколько минут назад у маленького пульта, управляя безвременно погибшим зондом.

А Сусанин тем временем продолжал общественный опрос:

— Артур?

— Берег. Хоть рыбки половим...

Параскив поднял два пальца, чтобы о нем не забыли.

— Светик? Ну, не выдумывай. Тебе горло лечить надо.

— Это ты не выдумывай, — просипел Светозар. — Идти надо через хребет, там должен быть перевал, а там уж конфигурация пси-барьера наверняка нарушена...

— Перевала нет. Норега? Ах, да, вы абсолютно не в курсе.

— Я в любом случае предпочитаю море.

— Умница. Все как будто?

— Не все, — срывающимся голосом крикнул Теймураз. — Сколько можно обещать?

— Послушай, Темрик, ты еще пригодишься, когда мы соберем комплексную экспедицию по всем правилам. И ты тем более пригодишься, когда мы двинемся в горы, которые ты знаешь...

— Вот именно, горы я знаю и поэтому могу представить себе, что такое биобарьер, особенно на перевале. Это кладбище со всем, что из этого вытекает. Возможность эпидемии, например. Поэтому группа, и я в ее числе, должна идти берегом.

И тут Кони, до сих пор сидевшая тихо, как мышка, подняла свой престелный круглый подбородок и еле слышно шепнула:

— Лерой...

— Значит, идем берегом, — прогудел из толпы глуховатый и уже так хорошо знакомый голос.

И Варвара поняла, что этими тремя словами Лерой, так же как и Кони, безучастно наблюдавший за происходившим, почему-то зачислил себя в состав самодеятельной группы.

И тут еще спохватился Кёлликер:

— Минуточку, минуточку... А ты-то, Евгений?

— А я, — с загадочным видом, причины которого были понятны только Варваре с Теймуразом, проговорил Сусанин, — я тут займусь некоторыми деталями. Тем более что свои выходные я уже потратил на поездку в космопорт. Так что, братцы-степняки, гулять вам по берегу без меня, там и всего-то километров тридцать и два препятствия, однажды взятые легендарным Вуковудом. Демонстрирую первый аттракцион под девизом: «Золотые ворота — проходите, господа!»

И на стене-экране черной пастью распахнулись створки нерукотворных чудовищных ворот.

Было тихо, и жуки-медузники домовито гудели, пристраиваясь к угасающей бирюзовой хризаоре, выброшенной на берег. Вся группа людей отдыхала, то есть те, кто мог устать, лежали на песке, а неутомимые кибы плюс один робот маялись от безделья. Солнце еще только приближалось к полудню, а путь уже был проделан немалый: на вертоле-

тах до самого Барьерного хребта, затем разгрузка, выход к морю и первый привал.

Вертолеты опустились километрах в трех от побережья; довольно уже было зондов и флаеров, которые вели себя над морем, как убежденные самоубийцы: едва снижаясь до девяти километров, они переставали отвечать на все команды и целеустремленно топились на столь значительной глубине, где о подъеме не могло быть и речи. Над сушей такого типового синдрома у летательных аппаратов не возникало, и это служило поводом для постоянных споров: ведь причину гибели традиционно взваливали на многочисленные и разнообразные молнии, а их-то в атмосфере Степухи было одинаково богато как над сушей, так и над водой — и линейных, и шаровых, и кольчатых, и двумерно-плоских.

Сейчас от Пресептории их отделяло чуть больше двухсот километров, и Теймураз, зачисленный радистом вместо своей обычной обязанности быть энергоснабженцем, наладил связь и коротко доложил о местопребывании, погоде и прочих пустяках. В ответ тоже ничего информационного-значимого не поступило.

Затем он все-таки вспомнил о своей основной специальности и насобирал по берегу веток для костра.

И вот все дремали в ожидании обеда, а котелок с двумя морскими кокосами аппетитно побулькивал над невидимым под солнечными лучами пламенем, распространяя вокруг аромат глухариного супа с шампиньонами, проявленными на можжевелевом дыму. Артур подрагивал ноздрями, вдыхая редкостный запах, и блаженно закатывал глаза под сивые ресницы, даже не глядя на бахромчатый зев Золотых ворот, которые им всем предстояло пройти сразу же после привала.

Серафина подняла руку, скомандовала: «Ложку!» — прикомандированный к ней киб вложил в ее пальцы требуемое. Серафина отведала варево, кивнула Кёлликеру: готово, мол.

Вмиг все оказались в сидячем положении и с мисками.

— В лабораторию бы так собирались, — проворчал Параскив, но на его бружжание никто не ответил.

Слишком уж было вкусно.

Налетели привлеченные сказочным запахом некрупные мохноногие птички, за неимением ничего лучшего принялись клевать жуков. Оперение летучих красавиц заставило бы земных колибри полинять от зависти, а изогнутый лирой хвост и пушистый венчик над головой были усыпаны оранжевыми бисеринками. Сочетания красок были резковаты, но редкостная легкость и изящество контуров заставили Варвару позабыть о супе. Впрочем, движение всех ложек несколько замедлилось — то ли уха оказалась на редкость сытной, то ли картина пиршества этих райских птиц даже для старожилов Степаниды была просто феерической.

Чуждым общему восторгу оказался один Солигетти.

— Нет, — глубокомысленно проговорил он, откладывая ложку, — хорошему моллюску никакая рыба в подметки не годится!

Лерой, голый по пояс, вспотевший, вдруг скривился и вытащил из-за щеки довольно крупную жемчужину.

— Хороший моллюск, — неторопливо проговорил он, в паузах

между словами проверяя целостность зубов, — может подложить порой хо-о-орошую свинью!

Он протянул жемчужину Серафине, но птички, привлеченные, как сороки, необычным блеском, встрепенулись и начали подкрадываться к костру. Некоторые даже вспорхнули на неподвижно лежащего возле Варвары робота, но Пегас, не получавший пока приказа начать съемку или сбор материалов, остался к ним равнодушен. До конца отдыха оставалось еще около получаса; Артур, назначенный главным в группе, прекрасно понимал, что проходить неведомое и страшноватое препятствие на переполненный желудок будет обременительно. Поэтому он вытянул длинные ноги, которые почти достали до воды, и кинул реплику Лероя:

— Ну, на Большой Земле такой супец украсил бы меню любого ресторана!

— Судить о гастрономических особенностях морских тварей, — по уверенному тону Лероя чувствовалось, что в его лице сэр Артур нашел компетентнейшего гастрономического оппонента, — может только тот, кто хоть раз попробовал золотую рыбку...

— Позвольте, — продолжил игру Артур, — вы имеете в виду риукина, шубункина или диакина?

— Даже не шишигашира, — отвечивал Лерой. — Дело в том, что есть аквариумную рыбу...

Последовала столь любимая Лероем глубочайшая пауза — все предавались послеобеденной истоме, развлекаясь их диалогом.

— ...это все равно что жарить блины на губной помаде.

Варвара слушала и ушам своим не верила: куда девалась вся замкнутость Лероя, вся его вековая скорбь? Это был пожилой, но хорошо тренированный экспедиционер-дальнепланетчик, контактный и острый — душа общества, одним словом.

Когда же он успел так перемениться? В тот момент, когда из толпы послышался его бас: «Пойдем берегом» — и это как бы поставило точку над всей дискуссией.

Или чуть позже, когда все выходили и Кони протянула ему руку, которой он коснулся лиловыми, как можжевельник, губами?

Варвара осторожно оглядела присутствующих. Нет, никто, кроме нее, не видел в поведении Лероя ничего удивительного. Или подобные перемены были в его характере, и все привыкли, или вкрадчивое и вроде бы не жаркое тамерланское солнышко так всех разморило, что глядеть хотелось или в фиалковое небо, или, на худой конец, на загадочную бронзовую шкуру, обтягивающую ворота. Время от времени она тихонечко подергивалась едва заметными конвульсивными складочками, словно по ней стремительно пробегало невидимое насекомое. В такие моменты светлые блики падали на лицо Лероя, проясняя его и одновременно безжалостно подчеркивая каждую морщинку.

— Глядите-ка! — воскликнула вдруг Серафина. — Нам на ужин яичко снесли!

Все повскакали с мест, восторженно галдя, — и действительно, в сложенных жгутом хватательных щупальцах робота поблескивало рыжими крапинками небольшое яйцо. Но местным райским птичкам столь бурно выраженные эмоции пришлось не по душе — они разом

поднялись в воздух, испуганно попискивая, и ошалело, как подброшенная разбойничьим свистом голубиная стая, метнулись прямо в черный зев затаившихся ворот.

Раздался хлопок, словно кто-то встряхнул простыню, неподвижная доселе бахрома взметнулась наперерез стае, вынося перед собой темно-синюю тень, — и вот уже то, что секунду назад было радужно блестящей живой стаей, превратилось в бесформенные пестрые комья, выметенные неощутимым ветром из бахромчатой скальной пасти на черту прибоя.

Из воды выполз янтарный пенистый язык, слизнул эти комья — словно ничего и не было. Только радужное перышко полетело над берегом, закрутилось вокруг костра и сгорело.

Все молчали, и было нестерпимо холодно.

— Но ведь прошел же Вуковуд! — не выдержал Теймураз.

— И мы пройдем, — спокойно, словно ничего не случилось, пробасил Лерой.

— Да, действительно, — встрепенулся Кёлликер, наконец-то припомнивший, что в этой группе он за старшего. — А что мы переполошились? На Степаниде и не то бывает. И между прочим, у нас еще осталось двадцать минут отдыха. На чем мы остановились? На золотых рыбках? Лерой, а где вы их встретили, если не в аквариуме?

Лерой его понял: перед первым препятствием, которое Сусанин определил как «аттракцион номер один», а они сейчас увидели воочию, необходимо было произвести психологическую разрядку. Он опустился у догорающего костерка, приглашая остальных последовать его примеру.

Они последовали.

— Это было... — начал он, и Варвара поняла, что заминка в его рассказе на сей раз была не ораторским приемом, нет, легендарный дед действительно старался припомнить, как же давно приключилось то, о чем он собирался поведать. — Было, ну, скажем, лет шестьдесят тому назад. Немногие из вас знают, что в те времена я и не думал о дальних зонах в частности и о пространстве вообще, а работал скромным рыбопромысловиком, то есть тралил свой квадрат где-то восточнее Канарских островов.

— Э-э-э... — с сомнением протянул Артур.

— Вы хотите сказать, что на обычных промысловых сейнерах — я не имею в виду исследовательские суда — не имеется не то чтобы капитана, а и команды вообще? Согласен. Но ведь то — сейчас! А полвека назад в моем подчинении было... — Лерой явно тянул время, но никто не возражал. — Давайте вместе посчитаем: в трюмах у меня крутилось полторы сотни кибов-рыбообрабочников — значит, на них пять механиков-ремонтников. Да три механика по кибермеханикам. Да один механик по кидам-радидам. Да еще один по кидам-штурманам. Да еще врач-настройщик медицинских спецкибов — совсем безрукий был парень, никакой практической сметки, но зато как умел заговаривать зубную боль! Ну, да это к слову. Так. Вот и сбился, кого-то забыл...

— Буфетчицу, — подсказала Серафина.

— Совершенно справедливо. Два наладчика на камбузе: один по мясной, другой — по постной аппаратуре. Ну, и естественно, буфет-

чица, никакими кибами не обремененная, — у нее и без того забот хватало. И разумеется, для приведения к единому знаменателю всей этой кибер-оравы — боцман.

Он быстро оглядел слушателей: большинство демонстративно загибало пальцы. Отвлеклись, значит. Что и требовалось.

— Сколько получилось?

— Шестнадцать, — сказал Теймураз.

— То ли забыл кого-то, то ли буфетчицу мы за двоих считали: она у нас была многодетная мать, все свободное время в рубке дальней связи торчала, уроки проверяла у своих сорванцов. И сказать ничего нельзя — детишки как никак...

— Сельдя промышляли? — с умным видом подыграл Солигетти.

— Почему сельдя?

Солигетти смешался, не зная, что сказать дальше, и все почувствовали естественное удовлетворение, потому как никто, кроме Лероя, смутить этого болтуна не мог.

— Селедка в Канарском рыбохозяйстве — да это противно здравому смыслу! Итак, промышляли мы в основном черного малакоста, и не столько из-за мяса, хотя оно давало дивную рыбью колбасу твердого копчения, как, впрочем, и многие глубоководные рыбы, сколько ради бархатной шкурки, которая шла на дамские костюмы. У меня у самого была такая куртка, подкладка с биоаккумуляторной пропиткой, поэтому по всему моему фасаду светился характерный узор — рыбы фотофоры продолжали работать. Мерцающий такой крап, белый и фиолетовый, а на воротник щечки пошли, там уж сами знаете, кто ихтиологию учил, — подглазный фонарь ярко-красный, заглазный — ядовито-зеленый. Словом, знали мою куртку от Мельбурна до Одессы, даром мне ее по особому заказу одна умелица с Малой Арнаутской шила.

— Лерой, не дразните женщин! — вздохнула Серафима.

— Да, опять отвлекся. Итак, вышли мы на точку, указанную сверху кибом-поисковиком, включили глубинный манок. Название одно — манок, а на самом деле — пугало, потому как от него половина рыб на дно ложится, а половина на поверхность всплывает. Для малакоста эти условия дискомфортны, от возмущения он шалает, тут мы и берем его голыми руками.

— Ну, невелика доблесть, — решил-таки сквитаться неугомонный Солигетти. — Насколько я помню, рыбешка так себе, с селедочку, разве что пасть до самого хвоста.

Про селедку он лучше бы не упоминал.

— Увы, мой юный друг, — пророкотал Лерой, — дальше селедки ваши познания в ихтиологии не продвинулись ни на йоту, да и то опасаясь, что ассоциируются они в основном с соусами и заливками, как-то: провансаль, луковый, винный, имбирный, тминный...

— Укусусно-яблочный... — мечтательно закатывая глаза, подсказал Кёлликер.

— Мы опять отклонились. А я говорил о том, что это только в естественных условиях малакост — рыбешка не более полуметра. В промысловых же хозяйствах разводят какой-то гибрид, по-моему, с крокодилом, потому как если у малакоста натурального пасть достигает трети

от длины тела, то у наших тварей ротик ровно в половину всей особи, а длина ее — три метра с гаком!

Все представили себе лероевский «гак» и ужаснулись.

— Да, так вот. Только я вышел за своими кибам приглянуть, как там они к приемке трала приготовились, — меня на связь зовут. Наблюдатель докладывает, что прямо на меня движется вполне приличный косяк на такой-то глубине, с такой-то скоростью и приблизительной массой, которой только мне и не доставало до выполнения месячного плана. «Берем!» — кричу, и вдруг соображаю, что не должно главное: а что за рыба? «Кто в сети просится?» — спрашиваю больше для порядка, потому как о той добыче, которая нам не подходит по своим параметрам, киб-наблюдатель просто докладывать не будет. А он, вместо того чтобы одним словом все прояснить, начинает уточнять глубину чуть не до сантиметра, среднюю массу и прочие тонкости. Что за нептуновы шуточки?! Я на него рывкнул, но киб не робот, он интонаций не воспринимает. Бормочет свои параметры, а о главном — ни гугу. Ну, я ж тебя... Связываюсь с оперативным контролером всей флотилии и не то чтобы жалуюсь — докладываю. Тот пожимает плечами, потому что полное сходство с сардиной, а остальное после выполнения плана в трюме разобрать можно.

— Сардина в Канарском рыбохозяйстве... — скептически протянул Солигетти, но на него уже не обращали внимания.

— М-да. Но пока я сомнениями маюсь, мои кибы-рыбари уже исходные позиции заняли и трал-самохват навстречу косяку распустили. Никто из вас в такое приспособление не попадал?

Жертв не нашлось.

— Это радует. Потому как из самохвата никому еще выбраться не удавалось. Для обитателей тверди земной, не имеющих представления о работе в море, поясняю: такой трал, пока он на борту, — это что-то вроде кишки с бахромой. Внутри кишки — миниатюрные биолокаторы, вроде цепочки сарделек, автоматически нацеливающиеся на ихтиомассу. С минимальными зачатками вычислительных способностей. А наружный слой — растущий, он на определенном расстоянии от косяка начинает стремительно расширяться вверх и вниз и вырастает в сеть с нужными ячейками — эдакий кошель, готовый принять фронт косяка с максимальной эффективностью. Коррекция ячеек постоянна, так что ускользает только мелочь, коей и положено по несовершенности свое догулять. Ну, да я уже начал цитировать учебник...

Лерой кокетничал: на всех лицах отражался живейший интерес.

— Итак, трал мой ведет себя, как китовая пасть: сначала раскрывается, а затем захлопывается, а вернее, зарастает в задней части. Рыбка, естественно, нервничает — у нее на консервную банку вроде ясновиденья, хотя ученые такую возможность и отрицают. Плещется она, сердечная, под тропическим солнышком, а я гляжу и понять не могу: или с моими глазами что-то приключилось на радостях от выполнения плана, то ли я такой рыбы никогда и видом не видал. Потому как блещет мой трал на одиннадцать тонн чистейшего червонного золота!

Он снова позволил себе паузу, и напрасно, потому что все невольно посмотрели в сторону Золотых ворот, хотя ничего червонного в них не было, так, тусклая бронза.

— Ну, рыбку мою принимает сортировочный лоток, тоже не приведи вас на него попасть, и тут вся моя команда является на палубу, словно ее из кают ветром вымело. Потом ребята говорили, словно их что-то толкнуло, и шепоток слышался легонький, бормотанье такое бессвязное. И я тоже слышу: шелест. Сперва едва уловимо, словно ветерок по волнам пробежал, а потом все громче, все отчетливее: «Отпусти ты меня, старче... отпусти ты меня, старче... отпусти ты меня...» Все одиннадцать тонн разом шепчут!

— На сколько, выходит, каждая тянула? — прищурился Артур.

— Да граммов сто. Так, с карасика рыбка.

— Тогда это хор... На килограмм — десять штук, на тонну — десять тысяч, на весь улов — что-то вроде ста тысяч голов. Ничего не скажешь, должно впечатлять!

— То есть такое впечатление, что на меня вроде столбняка нашло. Но механики мои покрепче нервами оказались и сообразили, что к чему, со значительным упреждением. Я еще уши себе прочищаю на предмет галлюцинации, а в воздухе уже рыбы хвосты так и мелькают. А навстречу им что-то летит обратно, из воды на палубу. Я сначала и внимания не обратил, мало ли летучих рыб наши экспериментаторы развели: они давно уже лелеют планы такую промысловую рыбу сочинить, чтобы она навстречу кораблю шла, из воды выметывалась и без всякой сети сама в трюм порхала.

— Могу вас успокоить, — вмешался Кёлликер, — сия продукция все еще в перспективном плане числится.

— Я и не сомневался. Но мне-то на палубу сыпалась отнюдь не летучая рыбка. Потому как из рыбы первоклассное французское шампанское фонтаном не бьет.

— Ай-яй-яй!.. — не удержался Теймураз.

— Вот именно: ай-яй-яй. Правда, на нашем флотском языке это звучало несколько иначе. Выговорил я все, что в таком случае положено, хватаю одну рыбешку — царь водяной! Глаза — как у газели, масть — фазанья, и лепечет на совершеннейшем бельканто: «Отпусти ты меня, старче, в море...» — «Плыви, — говорю, — только чтоб на палубе ни единой бутылки больше не было!» Только моя голубка в океан-море шлепнулась, как — пок, пок, пок! — бутылки все в обратном порядке произвели перелет за борт, а следом и все огнетушители выметнулись. Перебрала рыженькая.

— Вот что значит неточно сформулировать техническое задание, — простонал Солигетти, дрыгавший ногами от смеха.

— Ну, огнетушители мне боцман вернул, поскольку он за них отвечает. Но я как глянул за борт — там вода кипит: из глубин морских выплывает то одноместный планетоход конструкции «Ягуар — восемьсот восемьдесят восемь», то глубоководный гидрокостюм фирмы «Марс-синтетик», и я нутром чую, что это еще только мелочи. И действительно, как-ак трахнет нам что-то под самый винт, ну, думаю, конец нашей скорлупке со всем ее перевыполненным месячным планом, поскольку кто-то решил на Моби Дика живьем посмотреть. Только ошибся я. Всплывает по правому борту целая каланча со всякими лесенками, стрельчатymi окошечками да арочками. Закачалась она на волнах, сердечная, тут я ее сразу и опознал: в Пизе стоит такая, и уж какое столетье набок ва-

лится. Видно, кто-то из моих механиков — большой любитель архитектуры, решил ее выпрямить, да не оговорил место, вот она и появилась под собственным килем. Ну что же, тонет она в строго вертикальном положении (а куда ж ей деваться — тоннаж ведь свое берет!), а вокруг судна гуляет восьмерками всамделишный змей морской, метров на триста и весь изумрудно-зеленый, гадюка. И целая эстрада всплывает, а на ней, разинув пасть, победительница джазового фестиваля всех колец Сатурна с сопровождающим оркестром...

— Паноптикум, — не выдержала Серафина.

— Вам — паноптикум, а мне — самотоп. Приходится хватать второго караса и во всю ширину легких давать команду: «Руки за спину!!!» Пока моя команда очень, заметьте, нехотя приказ выполняет, я при помощи все той же рыбьей силы аннулирую все, не имеющее непосредственного отношения к морскому промыслу, затем рычу боцману: «Держать всех под гипноизлучателем, к рыбе не допускать!» — и ныряю в рубку.

— Был хоть излучатель-то?

— А, только кобура, да и в той боцман, сластена невероятный, финики держал. Да, вызываю я командующего флотилией, а тот полагает, что я опять с рекламацией на кибер-разведчика, и мне встречный разговор, повод ведь всегда найдется. Чтобы не кляузничал. Едва я сквозь его капитанский акустический заслон пробился, докладываю о сложившейся ситуации, а он в хохот. Не верит ни единому слову, но признает, что лихо закручено. Просит: потратьте, мол, одну никудышную рыбешку на второе солнце, поскольку при нескончаемом дне путина пойдет вдвое веселее. Зубоскалит, значит. Ну, выложил я все, камеру на сортировочный лоток направил, но крупного планка не получается. Золотые блики картину скрадывают. Убедила его только крупная золотая чешуя у меня на куртке. Задумался мой командир. Тут не то что годовой план, тут из океана в один момент рыбную солянку учинить можно. Одна беда: не в его правах и обязанностях такой приказ отдавать. Тут требуется начальство помасштабнее. Посему он оперативно связывает меня с капитан-директором объединения всех тропических флотилий.

— Тот, естественно, не верит...

— Как это вы догадались? Таки да, не верит. И показать ему ничего нельзя, потому как заседает он в Бубунимапишме — был такой город на понтонах, сейчас уже лет тридцать как пересадили его на какой-то атолл и переименовали в Мирный.

— А! — сказали все хором.

— Ну, я сейчас уже не помню, что я тогда с его капитан-директорским понтоном сделал, — крупную рыбку на то потратил, живучую... Поверили мне. Но опять же — ответственность! Как вы подсчитали, в среднем осуществимы сто тысяч желаний, и начинать надо, разумеется, с глобальных. А каких?

— Ну, я собрал бы президиум всемирной академии, как минимум, — глубокомысленно протянул Кёлликер.

— То есть доверить каким-то сухопутным деятелям то, что преподнес нам его величество океан? Ну, я посмотрел бы на моряка, который согласился бы с вашим предложением. А посему соединяет меня

мой капитан-директор с самим Управлением Мирового океана, выше у нас, флотских, уже некуда.

— Это где флаг-президентом был Коркошко? — спросил Артур.

— Вот-вот, его тогда только назначили, а я его еще по Калининградской рыбной академии помню, он на четыре курса старше меня был, но когда я назвался, узнал меня сразу. Ну, думаю, хоть тут-то не придется долго убеждать... Не тут-то было. Я ему и про пизанскую башню, и про огнетушители, а он мне: «Ай-яй-яй, на рабочем месте и в разгар путины...» Ну, я прямо света белого не взвидел. Если я его сейчас не доконаю, то сделаюсь посмешищем на два полушария, такие басни про меня начнут рассказывать. Потому команду уже привычно: «Боцман, рыбку!» Пихаю ее прямо в микрофон носовой частью и она лепечет еле слышно: «Отпусти ты меня, старче...» — а в ответ хохот. Коркошко грохочет на всю океанскую акваторию.

— А вы бы на его месте не смеялись? — спросил Теймураз.

— На его месте я бы тоже смеялся. А он на своем месте мне говорит, и вполне резонно: у тебя, мол, там многодетная мать, она, ради того чтобы к своим сорванцам на пару дней в интернат слетать, и рыбьим голосом заговорить может... Логично. Но я на своем месте беру твердой рукой под жабры вышеупомянутый фольклорно-сказочный персонаж, даю ей некоторые указания, отчего ее прямо-таки дрожь пробирает, и швыряю в иллюминатор. «Товарищ Коркошко, — спрашиваю, — перед тобой на столе ничего не имеется?» — «Нет, две бумаги на подпись...» — и осекся. Потому как появилось перед ним то, что я рыбке моей заказал, и он без дыхания на это чудо смотрит.

— А-а-а?.. — хором протянули Артур и Солигетти, но Лерой великопнейшим образом проигнорировал их любопытство.

— Итак, молчим мы минутку, потом другую, затем Коркошко, легонечко заикаючись, спрашивает: «А из чего ЭТО сделано?» — «Из сплава платины с иридием, — говорю я мстительно, — как в Парижской палате мер и весов». — «Тогда подожди, я ЭТО в сейф спрячу... Вот так. А теперь слушай: все пригодные емкости — под аквариумы. Комиссию ихтиологов комплектую немедленно и высылаю суперскоростным транспортом. А до ее прибытия отбирай наиболее типичные экземпляры, с запасом, естественно, а остальное — за борт. В целях воспроизводства. Вопросы имеются?» — «Имеются. Как быть с командой?» — «Действительно... Ну, долго думать не будем, по три рыбки в руки, да предупреди, чтобы все желания были строго локальными, никаких там вспышек сверхновых, остановок времени и повального бессмертия. И без нарушений устава корабельной службы. И еще: передовикам производства накинь-ка по одной премиальной». — «Разрешите выполнять?» — «Еще минутку... Многодетная мамаша там у тебя, так ты ей выдели по одному желанию на чадо, соответственно». — «Все, товарищ флаг-президент?..»

— Да, — сказал Кёлликер, — и я на вашем месте занервничал бы.

— Нервничать — это не то слово. Он тянет и тянет, а у меня единственное желание — по микрофону заклепочной кувалдой... «А теперь насчет тебя лично, — говорит. — Ты уж возьми себе еще одну единицу, чтобы выполнение плана обеспечить и выпущенный косяк компенсиро-

вать, а то знаю я тебя, все свои личные желания на это потратишь. Ну, пока все, капитан Лерой, приступайте к выполнению». — «Есть!» — и кубарем на палубу...

Лерой вдохнул терпкий соленый воздух и задумчиво поскреб серебряную шерсть на груди:

— Вылетаю я на палубу, а там — тишина. Мертвая.

Хотя весь его рассказ и был рассчитан на увеселение приунывшего коллектива, скорбный финал произвел соответствующее впечатление — никто даже не улыбнулся.

— Уснула, сердечная, — тоненько и жалостливо запричитал Солигетти. — И вместе с премиальными... И с планом месячным... И со всем прочим...

— Улов-то куда пошел? — деловито осведомился Артур, не допуская мысли о том, что одиннадцать тонн такого добра может быть потеряно для едоков планеты.

— Что — улов! Для моих трюмных автоматических линий это — пять с половиной минут обработки. И пошли баночки: «Золотая рыбка в собственном соку»; «Золотая рыбка в томате»; «Золотая рыбка с рисом и морской капустой»...

— Ну хорошо! — подытожил Кёлликер. — Сии деликатесы вот уже шесть десятков лет как съедены и позабыты, но как там с вашим платино-иридиевым доказательством? Оно-то ведь практически бессмертно и должно было сохраниться?

— Думаю, что да. Во всяком случае, если будете в Калининграде, молодой человек, зайдите в комплекс Управления Мирового океана. Ступайте прямо в кабинет директора. И там вы увидите два сейфа. Два, что, замечьте, нехарактерно. И один из них никогда не отпирается. Никог-да.

— Да, — впервые за все это время подал голос Параскив, старательно массируя больное горло. — Это убедительно.

Все помолчали, чувствуя, что проходит последняя минута их отдыха.

— Послушай, Тёмка, — шепнула Варвара в самое ухо Теймуразу, — а откуда у него этот серый круг на груди?

— А наш дед вообще больше шутник, — так же шепотом отвечал тот. — Говорят, это пластическая пересадка. Когда дед стал лысеть, он якобы уговорил корабельного врача пересадить ему лоскут кожи с шерстью с груди на темечко... Вот такой он.

Варвара невольно высунула кончик языка и облизнула шелковистые ворсинки над верхней губой, стараясь даже косым взглядом не выдать своего любопытства. Да, даже сейчас всего того, что осталось на могучем торсе, хватило бы на целую роту плешивцев. Редкостной силы старик. Так откуда же тянет нудной, вековой болью, дрожью и холодом? Не от него же?

Над узкой прибрежной полоской, ограниченной морем и отвесными скалами, растекалась томительная полуполуденная жара.

Переправа подходила к концу. Шестеро экспедиционников и несколько кибов уже миновали зловещую дыру, зияющую в золотистом

теле мыса, который как гигантский пологий клин подпирал скалу и узким копьём выметывался в море примерно на километр. Бронзовым, собственно, был не он, а ни на что не похожее кожистое покрытие, которое над проходом свисало самым хищным и непривлекательным образом.

Там, где хребет уходил в море, виднелось еще несколько дыр, и с них тоже свисало, и вода в пределах этих непериодически повторяющихся арок совсем не колыхалась.

Зато временами морщилась сама шкура. Точно зудело под ней что-то, и зуд этот начинался с самой отдаленной точки; он бежал к берегу, и шкура подергивалась все яростнее и нетерпимее, и тогда казалось что сейчас из воды покажется когтистая драконья лапа, судорожно раздирающая золотисто-бурую плоть.

И в эти минуты кожного пароксизма из сумрачного прохода полыхало такой жутью, тоской и оцепенением, что человека мгновенно скручивало судорогой и он, если еще мог, отползал прочь вопреки воле и разуму, повинувшись чистому инстинкту самосохранения, иначе через пару минут у него начинался паралич дыхательной системы.

Но до этого, к счастью, ни у кого пока не доходило. У Золотых ворот бывали и периоды блаженного покоя, и в Пресептории существовала легенда, будто некто Вуковуд, впрочем, сразу же со Степаниды отбывший в неизвестном направлении, в самом начале пребывания здесь людей совершил разведывательную вылазку на это побережье. Обнаружив препятствие с явным шокowym барьером, он преодолел его стремительным спринтерским броском, недаром он слыл чемпионом континента. Не земного, правда, какого-то альфа-эриданского. За ним бросился и его киб, которому было велено в любой ситуации держать дистанцию в три метра, и развил скорость, для своей конструкции просто технически недостижимую. Правда, обратно таким же образом Вуковуду пройти не удалось: Золотые ворота разволновались всерьез и абсолютного покоя от них было не дожидаться. Но Вуковуд и тут нашелся: принял ампулу анабиотина и на пять минут (чтобы с запасом) впал в полную прострацию. Бездыханного и недвижимого, его благополучно протащил через роковой проход его киб-рекордсмен.

Сейчас переправу осуществляли именно так — вторым методом Вуковуда. Для скорости и надежности Кёлликер предложил использовать сразу двух кибов, которые должны были переплести свои щупальца, образовав что-то вроде носилок. Но тут тихонечко подал голос Пегас, до сих пор кротко державшийся в тени Варвары, и вопрос решился сам собой. Действительно, зачем два киба, когда можно использовать одного робота.

А Пегас изначально был предназначен для переноски крупных туш животных. Правда, этим круг его обязанностей не ограничивался — вся последующая обработка тоже лежала на нем, поэтому он представлял собой удобный разделочный стол, у которого справа и слева (хотя с тем же успехом можно было сказать — спереди и сзади) помещались два начиненных микросхемами бурдючка с приданными им щупальцами, число которых при желании можно было увеличивать вдвое. В походном виде стол сворачивался наподобие корыта — в этом-то самоходном корыте и решено было проныривать сквозь загадочную дыру.

Со стороны этот робот выглядел странновато и даже антихудожественно, но сейчас главным было то, что он совершенно нечувствителен к таким тонкостям, как биобарьеры и психоудары, что он с блеском и продемонстрировал, шесть раз прогалопировав туда и обратно, перенося одного усыпленного экспедиционника и возвращаясь за другим.

Первым, естественно, вызвался пройти опасную преграду Лерой. Сейчас возле потухшего костерка остался один Солигетти, и всей группе, благополучно пробудившейся и протершей глаза, его незагорелая тощая фигурка на залитом солнцем берегу казалась особенно хрупкой и незащищенной в мрачной раме неровного проема. Артур нетерпеливо махнул рукой: надо поторапливаться, до вторых таких же ворот, прозванных Оловянными за более тусклый цвет, было километров тридцать. Ночлег на узенькой прибрежной полоске никого не прельщал — всем хотелось добраться до более комфортабельной площадки.

Кроме того, и момент был благоприятный: странное подобие кожи сейчас не чесалось и не морщилось.

— Скорее бы, — вырвалось у Варвары, — холодает.

Параскив недовольно нахмурился: постоянно простужаясь, он терпеть не мог, когда заболел кто-нибудь кроме него. Но Варвара имела в виду совсем другое: поначалу она чувствовала постоянный гнет, будто поблизости лежало больное животное, — вероятно, так воспринималось излучение несчастной шкуры. Но сейчас мерещилось стремительное приближение какой-то ледяной массы, и было это ни с чем пережитым не схоже.

Между тем и с Солигетти происходило что-то непонятное. Вместо того чтобы проглотить ампулу, он медленно-медленно поворачивался всем корпусом, как локатор, отыскивающий что-то в морской дали. Нашел время любоваться пейзажем!

— Может, не стоит... — начала Варвара, но Артур, не обращая на нее внимания, успел поднести микрофон к губам.

— Пегасина, подтолкни-ка этого соню! — крикнул он в плоскую коробочку передатчика, потому что проход был достаточно глубоким и простой крик мог до Солигетти с Пегасом не долететь.

Пегас, приняв радиокоманду, встрепенулся и несильно боднул свою будущую ношу под коленки. Солигетти словно очнулся, тоже схватил микрофон, крикнул:

— Варюша, а вы гарантируете, что в процессе путешествия ваш тьяни-толкай не снимет с меня шкуру? — И, не дожидаясь ответа, кинул в рот ампулу, точно рассчитанную на пять минут полного отключения организма, и опрокинулся в корыто-носилки.

— Пошел, пошел! — нервно прикрикнул на носильщика Артур, и Пегас со своей ношей ринулся в проход размашистой иноходью.

Он прошел примерно треть пути, когда девушка почувствовала, как цепенящий холод забирает ей горло колючками льдинок, и ей уже не крикнуть, и никто, кроме нее, пока ничего не ощущает, и она попятилась, отчаянно махая руками; а из гнусной дыры секла невидимая поземка, отшвыривая прочь, к морю, — и вот уже вскрикнула Серафина, и побежал, заслоняясь рукой, Теймураз, и недоуменно попятился Лерой; и они отходили все дальше и дальше, и тошнотворный липкий ужас все-таки догонял, и шкура на Золотых воротах уже пузырилась, вспухая

и опадая, и на месте этих спустивших воздух мешков болталось что-то напоминавшее слоновьи уши, и они гулко хлопали, словно хотели оторваться...

— Солигетти! — вдруг закричала Серафина, и все, протирая глаза, залитые холодным потом, разом обернулись к воротам, а там, под сводами короткого тоннеля, кружился на одном месте Пегас, приседая на левой паре ног и плавно занося вперед правую пару, словно делая на льду неуклюжую перебежку.

— Пегас, слушать мою команду! — взревел Кёлликер, но было явно не похоже, что команда принята адресатом. — Стой!!!

Но робот продолжал механически выписывать круги.

— Киб-пять и киб-шесть, вытолкнуть робота из тоннеля! — снова скомандовал начальник группы, и два киб, еще оставшихся на той стороне, бросились под шевелящийся свод.

Но едва они приблизились к мерно хромающему по кругу Пегасу, как движения их замедлились, левые пары щупалец подогнулись и они, пристроившись роботу в кильватер, закружились в нелепом хороводе, наступая друг другу на пятки.

Это было бы смешно, когда бы не несло с собой смерть.

Теймураз первым ринулся к невидимому барьеру, но тут же запнулся, его скрючило, швырнуло на землю. Лерой оттащил его и бросил на руки Артуру, но и сам не продвинулся дальше ни на шаг. Шкура продолжала вздуваться и передергиваться; море, на которое никто не обращал внимания, тоже было покрыто непонятно откуда взявшимися балами, над которыми с ураганной быстротой проносились клочья медово-желтой пены. Проскочил вдоль берега даже айсберг, золотящийся рыжими искрами, — не айсберг, разумеется, потому что скользил он, словно на воздушной подушке, но едва его янтарная громада исчезла где-то слева, в стороне Оловянных ворот, как вдруг стало удивительно тихо и тепло.

Шкура в последний раз шлепнула складками и замерла. Пегас устало подогнул ноги и улегся прямо под болтающимися лоскутьями свода. Кибы последовали его примеру.

На них кричали, им грозили, их умоляли, но они только пошевеливали конечностями, словно во сне продолжали делать свою перебежку по кругу. Так прошло еще пять бесценных минут. Наконец Пегас поднялся и нехотя затрусил вперед. Все молча смстрели, как он приближается, и невольно отводили глаза. Наверно, всем им впервые приходилось видеть лицо человека, которому не хватало воздуха. Впрочем, и во второй раз это не легче.

Параскив уже ждал с развернутым полевым реаниматором, и Серафина вытряхнула из аптечки все ее содержимое, и тем не менее вряд ли у кого-нибудь оставалась хоть искра надежды. Семнадцать минут пробыл Солигетти под страшным сводом. Пять минут — в анабиозе. Но когда действие ампулы закончилось и он проснулся, Пегас находился в самом центре излучения. Никто не услышал ни единого звука — вероятно, едва придя в себя, он мгновенно потерял сознание. И еще целых двенадцать минут он пробыл там, и никто не смог бы сказать, сколько из них он еще дышал. Потому что при такой силе излучения хватило бы секунд...

И все-таки почти час Параскив с Серафиной бились, пытаясь совершить невозможное.

— Всем готовиться к обратному переходу, — коротко приказал Кёлликер, когда этот час истек. — Попытаемся вернуться по верху, взобравшись на скалу. Кибам сложить груз и забивать скобы по программе «Скалолаз». Всё.

Параскив закусил губы, наклонился как можно ниже, чтобы не было видно его лица, и сложил полиловевшие руки Солигетти на груди. Выпрямившись, он оглянулся по сторонам, заметил понуро стоявшего Пегаса и, схватив его за щупальце, намотал его на руку и рывком подтянул робота к себе:

— Отвечай, скотина, почему ты это сделал?

— Не понял вопроса, — коротко отвечал робот.

— Почему ты ходил по кругу? Почему не вперед?!

— Получил приказ. Из двух приказов выполняется последний. Все на секунду забыли о Солигетти.

— Чей приказ? — крикнул Кёлликер.

— Человека.

— Но мы молчали, а тот, что находился в носилках, не мог говорить: он был в анабиозе!

— Воспроизвести приказ не могу ввиду отсутствия у меня звукозаписывающего блока.

Варвара тихонечко потянула Кёлликера за рукав:

— Не кричите на него, Артур. Все равно здесь и сейчас мы не сможем установить, чей приказ он выполнял. Тем более что его получили и ваши кибы. Боюсь, что это останется очередной неразгаданной загадкой Степаниды.

— Пока неразгаданной, — проговорил Теймураз, подходя сзади к девушке и опуская смуглую руку на ее плечо.

Он как будто брал ее под свою защиту. Еще бы, ведь Пегас был ее личным роботом. Варвара вздохнула — ну до чего же надоел собственный независимый характер, — даже такую вот дружескую легкую руку потерпеть на своем плече она не могла. Она присела, ускользая от этого прикосновения, и пошла к морю. Села лицом к воде, чтобы не видеть того, кто лежал сейчас на серой гальке. Человек умирает не сразу, во всяком случае, не за те двенадцать минут, когда его безнаказанно душило черное излучение ворот. Его тело умирало еще и сейчас, и на эту тягостность исчезновения, перехода в небытие, накладывался пульсирующий, как застарелый нарыв, вековой недуг полуживых-полумертвых чудовищ, именуемых воротами.

Она расшнуровала ботинки, опустила ноги в теплую воду, в которой не виднелось ни искорки недавнего янтаря. Вечер был почти по-земному сказочен.

Силы небесные, да кто же сотворил такое с безвинной Степухой, что на ней людям жить невмоготу?!

За спиной тихонечко завершал настраиваемый передатчик.

— База... база... вызываю базу... — каким-то неживым, обесцвеченным голосом повторял Кёлликер. — База... Что, база? Нет, не Сусанина, прошу самого. Да. Жан-Филипп? Докладывает Кёлликер. Мы возвращаемся. Дело в том...

— Отставить! — загремело над берегом. — Всем оставаться на местах. Ждать дальнейшей связи!

И наступила тишина.

Потом заскрипела галька — все отходили от тела Солигетти и собирались возле передатчика. «Зачем они так толпятся? — с досадой думала Варвара. — Голос у начальника базы такой, что его прекрасно слышно и по ту сторону ворот. Зато в такой тесной группе не уловишь ни острого холода, прилетающего с моря, ни болезненного зуда несчастной шкуры. А ведь именно этих сигналов опасности и надо было слушаться. Ворота не просто так взбесились и удесятерили силу своего излучения — беда пришла с моря вместе с беззвучной янтарной бурей. Она пронеслась вдоль берега и задела нас только краешком, но на Солигетти и этого хватило. А винить будут неповинного Пегаса. Мало, от меня шарахаются, Варвара-кожемяка, мастерица по спусканию шкуры — к этому я привыкла. Издержки экзотической профессии. Но теперь и роботов перестанут выпускать за стены Пресептории. А ведь именно с ними мы прошли бы этот маршрут совершенно спокойно и безболезненно. Проскочил же Вуковуд без всякого анабиоза и с одним безгласным кибом! Идти нужно было втроем: я, Пегас и Пегги. Сделали бы кучу снимков. Взяли пробы...»

И тут же за спиной загрохотал прежний голос:

— Внимание, группа Кёлликера! На территории базы чрезвычайное происшествие: пропал ребенок. С момента его исчезновения прошло около сорока минут. В это же время со спутника-наблюдателя замечено значительное скопление желтых фантомов, которые на скорости, превышающей всё, зафиксированное ранее, перемещались в восточном направлении. То есть к вам. Вашей группе поручается тщательный осмотр побережья на восток от Золотых ворот. Остальное сделаем силами Пресептории. Вопросов нет?

— Вопросов нет, — отвечал Артур.

Голос его был неправдоподобно спокоен.

Передатчик отключился, несколько минут продержалась пауза, и тогда командир группы уже со своей стороны осведомился:

— Так есть вопросы?

Вопрос был один, и его задал Теймураз:

— Совпадение?..

— Нет! — вырвалось у Варвары, и все обернулись к ней.

— У вас есть какие-то факты, доказательства? — жестко проговорил Кёлликер.

— Нет... Но я чувствую, что все, происходящее на Степаниде, связано в единую цепочку.

— Артур, мы теряем время! — простонал Параскив.

— Нет, — в третий раз упрямо повторила Варвара, вытаскивая ноги из темной воды и косолапо ступая по острой гальке. — Если мы наконец разберемся в том, что происходит на вашей распрекрасной Степuxe, мы не потеряем времени даром. Потому что иначе мы будем искать вслепую!

Она стояла одна против всех, взлохмаченная, с подвернутыми до колен брючинами, — маленький драчливый воробей, — но никто из пяти опытных экспедиционников не знал, что ей ответить.

Поэтому отвечать за всех пришлось Лерою.

— Светозар прав, — сказал он, словно ставил точки после каждого слова. — Времени, чтобы апеллировать к разуму, у нас нет. Будем искать вслепую. Тем более что мы все равно не знаем, в чем причина янтарного бунта по всему побережью. Ведь до сих пор человек на Степунке был неприкосновенен... В Пресептории произошло что-то, давшее толчок... Но что?

Никто, естественно, не мог ему ответить. И вдруг раздался чуточку скрипучий голос — это вмешался Пегас:

— Начальник биосектора Сусанин планировал эксперимент по захвату проб янтарной пены с помощью второго робота.

Теперь все обернулись к нему. Совершенно очевидно, что у каждого мгновенно родилось по крайней мере по одной гипотезе и по три вопроса, но Артур вскинул руку:

— Стоп! Никаких дискуссий! Мы выступаем.

И тут к привычному шороху гальки примешался еще какой-то посторонний звук — глухое тяжелое шлепанье. Все как по команде посмотрели в сторону Золотых ворот и обомлели: из них выходила асфальтовая горилла, громадная даже по здешним масштабам. Шкура ворот морщилась и дергалась, но обезьяна шла, не испытывая ни малейших неприятных ощущений. Она приблизилась к недоумевающим людям, спокойно обошла их, словно это была куча камней, нагнулась и подняла тело Солигетти. Затем грузно развернулась, как полевой вездеход, и двинулась обратно к воротам, небрежно зажав свою ношу под мышкой. Серафина всхлипнула, размазала слезы кулаком и выдернула из кобуры десинтор. Все видели и молчали. Она прилегла, упершись локтями в камни, тщательно прицелилась, нажала спуск.

Заряд угодил обезьяне точно между лопаток; ослепительно белое пятно высветилось на темно-серой коже, как будто она раскалилась добела. Удар, который свалил бы гиппопотама, только слегка качнул гигантскую тушу, продолжавшую мерно шагать под бахромчатыми сводами зудящих ворот. Белое пятно начало разрастаться, сереть, вот оно уже расплзлось по всей спине и стало неразличимо. Асфальтовый монстр уходил безнаказанно, унося тело товарища, и никто не мог этому помешать.

— Всем собираться. Подъем! — жестко скомандовал Кёлликер.

«Шпалы» вымотали всех. Ну, добро бы километр, от силы два, но вот уже семь тысяч каменных брусьев отсчитал киб-шагомер, и конца им не видно в ночной темноте. Ширина каждого бруса сорок сантиметров, расстояние между ними семьдесят один сантиметр, и оно выдерживается неизменно. Освещенные мощным прожектором, закрепленным на переднем бурдюке Пегаса, они напоминают безупречный ряд весел, торчащих из борта старинной галеры. Внизу плещется море. Странно, ведь в отчете Вуковуда говорилось, что «шпалы» располагались вровень с водой.

Понижение уровня моря? Первый километр вода действительно плескалась под самыми ногами, но сейчас до желтой, шуршащей пены было добрых полтора-два метра.

Отлив?

Приливов и отливов на Степухе не бывает.

Люди и кибы, составляющие одну цепочку, могли бы еще идти и идти, но Кёлликер объявил привал. Оно и следовало, потому что не обеспечивалось главное — тщательность осмотра.

Палатку поставили с максимальной предосторожностью, прикрыв ее сверху и снизу силовой защитой, способной отразить даже прямое попадание молнии, не говоря уже о таких мелочах, как каменная осыпь. К гладким брусьям палатка прикреплялась специальными вакуумными присосками, так что отодрать ее мог разве что стотонный подъемный кран. Так что ни ветра, ни внезапного удара волн можно было так же не бояться. И тем не менее всех кибов вместе с Пегасом разделили на две группы и отправили на всю ночь в бессменный караул, наказав держать дистанцию в пятьдесят метров. Ближайшие к палатке кибы должны были наблюдать за уходящей отвесно вверх скалой. Осыпь осыпью, а ведь может какое-нибудь непредставимое пресмыкающееся и на брюхе приползти, биоприсоски давно изобретены эволюцией.

Кибы, расположившиеся подальше по обе стороны от палатки, должны были не спускать глаз с моря и, что бы ни появилось, лодка или рыба, в любом случае подавать сигнал тревоги.

В ведении последней пары сторожей было небо, которое, казалось, касается каменных «шпал». Так что все подходы к вынужденной стоянке более чем строго контролировались. Теперь можно было немножко отдохнуть.

Кёлликер еще раз проверил посты и полез в палатку. В первую вахту стояли Варвара и Теймураз. Правда, в пару с юношей почему-то усиленно набивался Лерой, что даже удивило девушку, но Артур справедливо решил, что первая смена — самая легкая.

Вот она и досталась новичкам.

Полноводный Млечный — а точнее бы сказать медовый — Путь, полнолуно мерцающая, тек над самым горизонтом, отражаясь в воде. Неповторимость степухинских ночей как раз и заключалась в том, что от земной луны дорожка, как правило, ложится прямо под ноги, а эта тянется слева направо, во всю морскую ширь, с трудом угадываемую в ночи. Янтарная полоса, перечеркивающая небо над самой водой, странным образом соединяет в себе и прозрачность, и насыщенность, и эта прилегающая на бок галактика так близка, что из нее беззвучно каплют в море бесчисленные звезды; каплют, но не тонут, а золотой сазаньей чешуей искрятся на поверхности воды, чтобы погаснуть к рассвету.

Но до рассвета еще три вахты.

Варвара сидела шагах в десяти от палатки, подтянув коленки к груди и положив на них подбородок. Приблизился Теймураз, прыгая в темноте с одного каменного бруса на другой, — он видел, как кошка. И все-таки не оступился бы... Впрочем, плавает он недурно, а судя по шуму воды, здесь глубоко, подводных скал быть не должно — падать не страшно. Купаться — тоже.

Весь сегодняшний день Варвара чувствовала, как он отдаляется от нее, хотя от этого путешествия она ожидала обратного. Что же делать, таково влияние коллективного мнения. Разлюбезная их Степуха, как супруга кесаря, должна быть вне подозрений, и если что здесь и происходит, то это только совпадение случайных обстоятельств и ни-ка-кой злой воли. Ну, закрутило в психогенном омуте неосторожного Солигетти. Ну, унесло шальной волной маленького Степку. Так на то и опасность пребывания на незнакомой планете. На том они все и стоят.

Теймураз гибким движением распластался на каменной поверхности «шпалы», свесил лицо к воде. Глаза его засветились красноватым фосфорическим светом, как у волчонка. Не иначе как пришел нравоучения читать на ночь глядя.

— Варенька, — начал он как можно мягче, — мне кажется, что ты намеренно противопоставляешь себя всей нашей группе. Да что я говорю — всей Пресеptории! Но нельзя же лелеять собственный характер в тот момент, когда погиб человек и к тому же куда-то запропастился ребенок. Я понимаю, у тебя возникли какие-то недоумения по поводу здешних феноменов, но ведь на каждой чужой планете свои феномены. Их нужно просто принимать как данность и избегать. Ведь существу, прибывшему на Большую Землю с планеты, где нет вулканической деятельности, извержение Этны наверняка показалось бы испытанием ядерного оружия...

— Послушай, помолчал бы ты хотя бы ночью, а? Именно в силу того, что погиб человек и исчез ребенок. А что касается моего недоумения, то я его трачу на более подходящие случаи жизни. Вот, например, ваши северные, то есть тамерланские, сияния. Куда они подевались?

— Хм... В их появлении не было закономерностей...

— Одна была. Я проверяла у Оленицына. С момента рождения Степки сияния зажигались каждый вечер. В разное время и с бесчисленными вариациями, но обязательно ежевечерне. Но вот уже второй час ночи, а сияния нет как нет.

— Ну подождем...

— Ждать нечего — его не будет.

— Слушай, Варька, а не слишком ли много ты чувствуешь... Или воображаешь, что так?

— Сколько могу. И я действительно это чувствую. Чем? Да спиной. Чуть пониже того места, куда Серафима сгоряча вклепила полный заряд. Счастье этих кибов в том, что в них сверхвысокая защита, которая на Большой Земле никому и не снилась.

— Каких кибов, каких таких кибов? — Теймураз даже подскочил, оттолкнувшись руками и ногами от камня.

— Тех, которых вы называете асфальтовыми обезьянами. У них отсутствует биоизлучение, в первую встречу я не разобралась, что к чему, слишком уж страшно все было с оленем... А сегодня я уже ошибиться не могла. Это не животные.

— Ты считаешь, что эти чудища — хозяева Степухи?

— Не кричи, людей разбудишь. Не хозяева. Заместители. Или надзиратели, если тебе угодно. Надсмотрщики.

— Ну, знаешь, бывают нелепые фантазии, но чтоб придумать такое просто так, с потолка... Мы ж от этих горилл ни клочка шкуры в руках не держали, ни косточки, ни волоска!..

От волнения он вскочил на ноги и зашагал прочь, направляясь к ближайшему сторожевому кибу. Первым движением Варвары было остановить его, договорить, но ведь никаких доказательств у нее, кроме собственных ощущений, не было. А здесь доверяли только логике. Ну вот и пусть побродит в темноте, посты проверит. Ночью, да еще и под такими звездами, иногда человека касается приобщение к истине. Вот и пусть идет.

Из палатки высунулась чья-то голова, повернулась туда-сюда. Лерой. Выпрямился во весь рост, углядел слева удаляющуюся фигурку Теймураза и двинулся за ним. Он размеренно шагал с одного бруса на другой — уж кому-кому, а Лерою с его гигантским телосложением прыгать было ни к чему. «Вот нянька нашлась!» — с непонятной досадой подумалось Варваре.

У нее не было неприязни к старику, хотя время от времени он возобновлял свою непонятную игру и настоятельно просил девушку ни в коем случае не забыть про какую-нибудь кожную стелющуюся или жимолость узкоцветковую — в таких случаях Варвара просто тихонечко отодвигалась от него и выключалась из разговора, словно названные им цветы вырастали в цепкую и непреодолимую изгородь между ними.

Но сейчас его навязчивая забота о Теймуразе показалась девушке особенно неуместной, потому что посидеть бы ему одному в тишине и подумать. А Лерой обязательно отвлечет.

В мерцающем свечении моря было видно, как две фигуры подошли к сторожевому кибу, присели и пропали, слившись со стеной. Море было темно-коричневым, как необъятная чашка кофе, и золотистый пар подымался от его прохладной поверхности вопреки всем законам физики и метеорологии. Ну что же, они по-своему правы, эти фанатики, эти обожатели сказочной Степухи. Они правы правотой загипнотизированного лягушонка: голодный уж подполз на расстояние одной пяди, а в его

круглых глазенках все еще отражается несказанная красота васнецовского пруда с замшелыми валунами и неприкаянной осокой...

Еще одна голова показалась над палаткой — контуры великолепной бороды выдавали Параскива. Ну, понятно: если уж Лерой покидал помещение, то это не могло остаться незамеченным. Просто удивительно, если он не перебудил решительно всех.

Бородатый биолог запрокинул голову, минуты две старательно массировал горло, только потом огляделся. Заметив девушку, он несмело двинулся к ней, осторожно переступая по «шпалам». Был он в свитере и трусах, и его голые ноги призрачно белели в темноте. Он переступил через лежащую ничком Варвару, плюхнулся рядом и мечтательно устался в мерцающую даль.

«Сейчас разверзнутся поэтические уста, — обреченно подумала девушка, которой никак не удавалось посидеть в тишине. — А ведь вчера я была бы на седьмом небе от такого соседства...»

— Вы напрасно нападали на Темрика, — неожиданно деловым тоном проговорил Параскив. — Мы закладывали в наш БЭМ — большой электронный мозг — все данные по сияниям: время появления всех фаз, продолжительность, высоту слоев, частотные характеристики... Никакой системы. И ни малейшего подозрения на связь с возмущениями здешнего светила. Забавно?

— Нет, не забавно, — отрезала Варвара. — Просто не серьезно. Ведь это не математическая проблема, и если вам так хотелось устанавливать причинные связи, то гораздо результативнее было бы искать их между, скажем, цветовой гаммой сияний и вспышками ностальгии у Лероя, потерей аппетита у сэра Артура или капризами Степки Пидопличко.

— Ну и фантазия у вас! Понимаю теперь, почему вы так быстро нашли общий язык с Темриком: это совершенно невозможный мальчишка, с которым родная мама договориться не может. Вот и вы из той же породы.

— Кстати, о породах: из чего, по-вашему, эта скала?

Светозар от неожиданности дернул бородой:

— Э-э-э... Гранит, наверное. Впрочем, я не специалист.

— Я, к сожалению, тоже. А эти «шпалы»?

— Ну, не знаю...

— Даже для человека, никогда не занимавшегося минералогией, очевидно, что это совершенно разные породы. Как же это получилось? Они словно выходят из стены, но не видно ни трещинки, ни зазора. Но самое главное, Светозар: мне все время чудится, что они — живые.

Светозар отчаянно закрутил головой, словно ища поддержки, и такая тотчас явилась в лице начальника группы.

Келлиker подошел, печатая шаг, точно легионер, обошел Варвару и Параскива и проговорил неожиданно мягко:

— Тише, молодежь, Серафину разбудите.

Молодежь пристыженно замолчала. Облако пара, подымавшегося в ночное небо, сжалось и напоминало теперь стремительно и бесконечно мчащийся ввысь золотой столб.

Вернее, призрак столба.

Будь это на Большой Земле, сюда мчались бы на полных парах все

исследовательские суда мира. А на Степухе такие вещи — даже не феномен, а так, рядовое явление природы...

— У каждого свежего человека, — задумчиво изрек Кёлликер, — на чужой планете должна появиться хотя бы одна свежая мысль. Это непреложно. Но ваша беда, Варенька, в том, что у вас слишком много свежих мыслей. Вы ершитель по каждому пустяку, даже такому, который уже нами рассмотрен, обнюхан и просчитан во всех вариантах. Вам за каждым кустом чудится нечто зловещее. Но нельзя же спокойно жить и работать в мире бесчисленного множества пугающих вас мелочей! Выберите себе одну какую-то проблему, первоочередную, и занимайтесь ею... в свободное от работы время, чтобы не получить очередной выговор от Сусанина.

— Я ее не выбирала, эту одну, первоочередную проблему, — сердито фыркнула Варвара. — Она появилась сама собой. И я только дивлюсь, как вы-то ее не видите. А проблема простая: где первопричина всего того, что здесь происходит?

— В вашей фантазии, вот где, — устало проговорил Кёлликер. — Давным-давно, чуть ли не в средние века, родился такой принцип: не изобретать новых сущностей, пока можно обойтись старыми.

— А, знаю! Принцип монашка Оккама. Аскетизм мышления.

— Послушайте, Варенька, — не выдержал Светозар, пытавшийся натянуть свитер на свои зазябшие колени. — Вы ведь молодая, прелестная девушка! Так почему же вы разговариваете, как вычислительная машина с лингвистической приставкой?

Варвара, лежащая ничком, замычала от отчаяния и стукнулась лбом о гулкий камень. Странно, как будто «шпала» внутри пустая... Хм, еще одна мысль, мелкая и свежая, как весенняя корюшка. Действительно, уж чересчур много их появляется за последнее время. Во всяком случае, вслух. Хватит. Зачем Сусанин зачислил ее в эту группу? Фиксировать на пленку все происходящее. А какой с фотографа спрос в темноте? Лежи и помалкивай.

Она лежала, и странная тяжесть наваливалась, наползала на нее сыпучими дюнами. Руки и ноги отяжелели, как тогда, у Золотых ворот. И холод, только теперь не с моря, а сзади, от шершавой поверхности стены. Неужели гравитационное воздействие? Тогда почему все остальные не чувствуют?..

— Тревога! — зазвенел из невидимой дали голос Пегаса.

Параскив вскочил, Варвара с трудом подняла голову.

— Да что это с ним? — недоверчиво и брезгливо протянул Светозар. — Или на него распространилась ваша мания подозрительности? Почему он один поднимает тревогу, когда все остальные кибы молчат?

— Пошли, выясним на месте, — распорядился Кёлликер. — Оружие какое-нибудь с собой? Нет? Тогда захвати еще и...

По тому, как осекся голос командира группы, Варвара поняла: опять непоправимое. В низкое небо впилась малиновая ракета, над ухом гаркнули, словно подзывали собак: «Кибы, ко мне!» — и Варвара, с трудом отталкиваясь от каменного бруса, попыталась подняться на ноги. И в тот же миг, словно в ответ на ее движение, камень дрогнул и плавно заскользил вниз. Девушка взмахнула руками, стараясь сохранить

равновесие, и едва удержала крик: на том месте, где несколько минут серебрилась шестиместная палатка, зияла чернота провала.

Ни палатки, ни доброго десятка «шпал». Гладкая стена.

Каменный брус, на котором она стояла, неслышно коснулся поверхности моря и несколько раз качнулся, точно поплавок. Страшная тяжесть исчезла, но не совсем: она точно сконцентрировалась в ступнях ног, намертво приклеивая их к отполированному камню. Но вот вода замочила ноги по щиколотку, и последнюю тяжесть тоже как будто смыло.

— Фонарь! — крикнула Варвара. — Скорее дайте фонарь!

По черной стене метались световые диски — это мчались кибы. У первого же, который подбежал и круто затормозил, раскидывая шупальца и присасываясь к камню, чтобы не свалиться в воду, выхватили фонарь и протянули девушке.

— Не пускайте ее! — раздался с той стороны срывающийся голос Теймураза.

Никто ему не ответил, и Варвара, не успев даже надеть маску, бесшумно ушла под воду.

Кофейный мрак сразу же погасил ощущение глубины. Это не было мутной сепией каракатицы — вода оставалась совершенно прозрачной, как очень свежее темное пиво. Никогда не плавала в бассейне с пивом. Что, уже головокружение? Нет. Нужно собраться в комок и заэкранироваться от посторонней информации в любой форме. Только — палатка. Серебристая палатка.

Герметический походный фонарь давал тугой, осязаемый конус света. Темно-серая шершавая стена словно обтянута кожей асфальтовой обезьяны. Ломкая прозрачность глубины. Над головой, примерно в метре под кромкой воды, одна застывшая «шпала». И все. Ни жгутка водорослей, ни парашютика медузы. Стерильность.

Она вынырнула, быстро велела:

— Какой-нибудь груз!

Очень пригодился бы старый моноласт, но Варвара не стала о нем упоминать, потому что он находился в палатке.

Странно, что не всплыло ни одной тряпки или чехла — ведь в чем-то же был пузырек воздуха...

Артур со Светозаром оказались сообразительнее, чем она думала, — груз ее уже ожидал. Похоже, сумка с консервами. С той стороны кто-то неловко, как клетка, шлепнулся в воду.

И без фонаря.

Но наводить порядок времени уже не оставалось. Варвара зажала ногами груз и пошла в глубину.

Теперь — только самоконтроль. Если выйти из строя, то никто уже не нырнет глубже. Все они этого не умеют. Не приспособлены не столько от рождения, сколько от пренебрежения к тренировкам. Так. Это начало, метров двенадцать. Снять напряжение с головы. Дальше. Пятнадцать метров. Двадцать. Что-то ближе к тридцати. Что это за движение там, внизу?

Она выхватила из-за пояса свой неразлучный нож, предмет беззлобных насмешек окружающих. Нет. Не защищаться, разрезать палатку, чтобы не путаться с выходом...

К счастью, хватило выдержки подождать. Четкие тени вырастали из глубины — призрачно скользящие вдоль скалы брусья. Девушка выпустила груз, резко оттолкнулась от стены, чтобы пропустить мимо себя этот тяжеловесный часток. Те, что оставались наверху, неверно поняли и начали быстро выбирать веревку с привязанной сумкой. Ничего. Хотя перепугаются, конечно.

Загадочные камни мертво и безразлично прошли вверх. Ни малейших следов палатки на них не обнаружилось.

Варвара, предчувствуя, что сейчас бросятся в воду все остальные, проворно всплыла. Выбралась на «шпалу», секунд двадцать отдыхала — выравнивала дыхание. Ей не задали ни одного вопроса. Она огляделась: ровный каменный забор лежал плашмя на воде, насколько хватало света. Метрах в двадцати кто-то барахтался, часто и бессмысленно ныряя. Конечно, Теймураз.

— На какую глубину погружения рассчитаны кибы? — спросила Варвара, хотя больше всего на свете ей хотелось попросить глоток воды.

— На пятнадцать метров. Что, спускать?

— Не имеет смысла. Я уйду гораздо глубже.

И снова в воду. Теперь — только глубина, ни доли секунды задержки и сколько можно выдержать. Не бездонная же пропасть? Хотя зачем бездонная? Достаточно ста метров. Ведь в самых комфортных условиях ее рекорд — семьдесят метров. А акваланг остался в палатке. Почему ничего не всплыло? Ведь вход в палатку был открыт. Невероятно...

Она старательно перебирала в уме мелочи. Не позволяла только себе подумать о том, что в палатке спала Серафима...

В голове стучало до зелени в глазах. Казалось, на такую глубину она не опускалась ни разу. Сейчас ни о чем не думать, только о собственном сердце, легких, печени. Все они казались кровавым, спрессованным комом, их надо было разъединить, зализать невидимым языком, уговорить потерпеть хоть полминуточки...

И тут в глубине что-то затеплилось. Палатка всплывала, и не прямо под Варварой, где ей надлежало бы быть, а гораздо дальше от берега. Палатка... или что-то другое. Потому что снизу к Варваре плавно тянулись два огромных прозрачных лепестка, напминающих два исполинских листа ландыша, каждый величиной с лодку, и вообще это были не листья, а нежные теплые руки, и девушка чувствовала, как сладко и уютно будет опуститься на такую тепло-мерцающую ладонь, и тогда другая рука бережно и невесомо накроет ее сверху...

И ничего не всплывет. Ни пузырька воздуха.

Тело автоматически рванулось, уходя от манящих рук, прежде чем мозг успел отдать четкий приказ. Вверх!

Ее вытащили на камень, и она сразу же перевернулась лицом вниз, чтобы не заметили кровь, обильно текущую из ушей и носа. Она снова ничего не сказала, и ее опять ни о чем не спросили. Кто-то нырнул, кажется Параскив, и минуты через полторы вылез обратно без малейших впечатлений. Значит, мерцающие ладони — это был театр персонально для нее. Рядом послышалось гуденье, словно кто-то включил старинную паяльную лампу. Девушка повернула голову и увидела, что командир, откорректировав свой десинтор на ближний прицел, выплавляет в поверхность скалы какой-то знак, — это было латинское S.

— Сейчас... — выдохнула Варвара. — Сейчас я нырну еще.

«Шпалы» угрожающе качнулись и зашлепали по воде.

— Уходим, — словно не слыша ее, негромко скомандовал Кёлликер. — Норегу — на работа. Счастье еще, что он единственный не сложил свой груз в палатке, — у нас есть лодка.

Лерой, все еще голый по пояс, серебрящийся седым волосом в свете аварийных фонарей, поднял девушку и положил ее в корыто Пегаса. «Как чудело зайчонка», — подумала Варвара.

В корыте было мягко: лежала надувная лодка.

— Кто-нибудь помнит, — пробормотала Варвара, отчаянно борясь с дремотой, — во что был одет Вуковуд, когда проходил этим маршрутом? Не в легкий ли скафандр?

— С автоматической защитой, — скупое подтвердил Артур.

Такой скафандр не защищал от психогенного излучения и сам по себе не спас бы ни Серафину, ни Солигетти. Но Варвара имела в виду совсем другое. Не было только сил объяснять.

— Кстати, — сказал Теймураз, наклоняясь над девушкой, — дай-ка я сниму с тебя мокрое...

Оловянные ворота обошли на резиновой лодке. Кобы с Пегасом беспрепятственно прошествовали через низенький тоннель, люди рисковать не могли: с базы сообщили, что пока поиски не дали ни малейших

результатов. Специально высланный инфракрасный зонд еще до рассвета прошелся над всей прибрежной полосой, включая два мыса с воротами. Ничего. Впрочем, на него надежды было мало: ниже десяти километров он и опускаться-то не смел, а такая дистанция наблюдения никого не удовлетворяла.

Узкий арочный мыс был осмотрен людьми со всей тщательностью и с минимального расстояния, какое только позволяли уже знакомые спазмы чесотки, нападающие на тусклую оловянную шкуру ворот без всякой видимой причины.

Шкура и вода, и ничего, кроме этого.

Зато сразу за воротами начинались форменные джунгли — кустарники, топь, непроходимость. Барьерный хребет, не оставляя места никакому предгорью, лиловой стеной уходил в глубь материка. Едва заметные сколы, выступы, пещерки, всё с острыми краями, но без глубоких впадин, — там никто укрываться просто не мог. Скальной растительности тоже не наблюдалось. Унылый мир, ничего не скажешь. Примерно через два часа через хребет перевалит вертолет с автопилотом, доставит продовольствие и дополнительное снаряжение. На базу Жану-Филиппу сообщили только, что потеряли весь багаж. Без подробностей. Хватит им забот с поисками малыша, пусть не отвлекаются.

Сейчас все сидели метрах в шестидесяти от моря на естественном карнизе, который подымался на высоту примерно в человеческий рост. В маленькой нише чадил лиловатый костерок, почти не дававший тепла, но испускавший гиацинтовый аромат. Солнце, тусклое, как старинная никелевая монета, только что встало и, не успев оторваться от горизонта, едва просвечивало сквозь пряные и терпкие испарения, курящиеся над зеленью.

— На редкость пахучий мир, — раздраженно заметил Параскив, исследовавший единственную уцелевшую сумку с консервами. — Дрова и те благоухают, точно горит парфюмерный магазин... Бедные мои консументы, как говаривала Кони, да здесь же одна сгущенка! Что будем делать?

— Открывать. Норега, дайте-ка нож.

У Варвары сошлись над переносом пушистые брови — совсем не для консервных банок берегла она это отлично закаленное лезвие. Но приказы командира не обсуждаются.

— А вот и бифштекс движется, — задумчиво заметил Лерой, обеспечивавший кухню Пресептории свежей дичью.

Но достаточно было беглого взгляда, чтобы убедиться: слова Лероя — только грустная шутка по поводу скудости их завтрака, потому что зверек, выпорхнувший из-под кустов, был просто прелестен — шерстка шиншиллы и голубые вибриссы дрожащим венчиком. Он наткнулся на кибов, расположившихся под карнизом, и замер на задних лапах, подняв сиреневый нос.

— Ни-ни! — строго сказал Кёлликер.

Варвара уже знала, насколько острой проблемой было для базы еженедельное разрешение на отстрел буйвола или антилопы. Она-то надеялась на целую кипу шкур, а оказалось — кот заплакал. Окрестности Пресептории изобиловали дичью, но страшный призрак земных стеллеровых коров витал над кухней.

Зверек наклонил усатую мордочку, обозрел людей без особого интереса и невозмутимо запрыгал под тень кустарника.

— Бурундуковый кенгуру, — зачарованно прошептала Варвара. — в атласе Сусанина его нет... Кстати, судя по нему, под кустами не может быть болота. И возможны поляны.

— В атласе Сусанина много чего нет, — вдохнул Лерой. — И главное, там не сказано, как, почему и зачем развели на этой планете таких вот зайчиков...

— Браво, Лерой! — отозвалась Варвара, мгновенно забывшая свое ночное решение не ввязываться больше ни в какие споры. — Наконец-то нашелся еще один человек, которого тревожит главное: КАК, ПОЧЕМУ и ЗАЧЕМ творятся чудеса на Степаниде?

— А вы что, беретесь отыскать причины того, что случилось вчера в Пресептории? — хрипло, словно с трудом проталкивая слова через сузившееся, ободранное болью горло, выкрикнул Параскив. — И в том, что стряслось в воротах? И ночью на «шпалах»?

Он наклонился прямо к ее лицу, но глядел не в глаза, а выше, туда, где сходились пушистые сердитые брови. Ну, да, чучельница, новичок на дальней планете — что с нее возьмешь? И вот такой, измученный, побелевший после бессонной ночи, он был еще краше... И холоднее. И ненужнее.

— Пока нет, — сказала она жестко.

— Пока?

— Да, пока. До тех пор, пока не найдется ответ на тот главный вопрос, который я ночью так и не успела вам задать: за кого принимает нас НЕЧТО, действующее на Земле Тамерлана Степанищева? Кто мы для него: животные? Роботы? Разумные существа? Явления природы?

Но и теперь ответить ей не успели: где-то слева, за птичьей головой острокопечного пика, послышалось натужное гудение. Вертолета видно не было; опасаясь загадочных каверз со стороны моря, над которым с роковой неизбежностью рушилась самая совершенная техника, он держался в заданных пятистах метрах от берега и полз буквально на брюхе, прижимаясь к горам. Он терял в скорости, но зато прибыл невредимым.

— Так, — сказал Кёлликер, — дискуссия откладывается. Я, Светозар и все кибы разгружаем вертолет. Лерой, Теймураз и Норега производят рекогносцировку, то есть попросту осматриваются, желательнее отсюда, сверху, и с предельной осторожностью. С первым же кибом я пришлю генератор защитного поля, не знаю уж, насколько мощный нам прислали. Как только вернемся со всей поклажей — начинаем прочесывать берег: Всё. Пошли.

Он наклонился с карниза вниз, скомандовал прилежшим у основания скалы кибам: «Брысь!» — и спрыгнул. Теперь Варваре был виден только белый султанчик его волос. Параскив последовал за ним, но прыгать поостерегся, повернулся задом и сполз на животе, не смущаясь производимым впечатлением.

— И перестаньте изобретать несуществующие факторы, следите лучше за морем! — донесся снизу голос Кёлликера. — Мало ли что оттуда... Кибы, за мной, Пегас, на месте!

Параскив тоже не смог удержаться от прощального слова.

— Вы понимаете, Варенька, — прозвучал его сладкозвучный тенор, — никакая система, созданная высокообразованными существами, не может просто так взять и утопить спящего человека. Вы меня понимаете? Человека. Спящего. Ни с того ни с сего...

— Пошли, пошли, — оборвал его командир.

Гул вертолета затих, зато через каждые двадцать секунд раздавалось пронзительное «ю-у-у-уик!» — работал акустический маячок. Словно забивал крошечные остроконечные сваи, которые с пронзительным визгом входили в каменистую почву.

Варвара наклонилась над костерком, на котором так и не успел вспикнуть одинокий котелок с чаем. Ушли ведь голодные, и неизвестно, удастся ли позавтракать. Разгрузят вертолет, кинутся прочесывать берег и кусты, хотя каждый понимает — предприятие это безнадежное...

Но в одном этот красавец, девичья погибель с вечно катаральным горлышком, безнадежно прав: не может существовать разумной программы, по которой вот так, между делом, уничтожался бы случайно пристроившийся на отдых индивид. Добро бы, обладающий какой-то особой активностью, феноменальным качеством, резко отличающим его от других... Так ведь нет же. Похоже, что это просто нелепая случайность: поставили палатку именно на тех «шпалах», которые ночью уходят на дно. А зачем они это делают — гадать сейчас бессмысленно. Может, просто отдыхают в глубинке, а может, почувствовав постороннюю тяжесть, брезгливо спешат от нее избавиться, и призрачные руки убирают то, что считают просто мусором, ведь никаких живых существ, и разумных, и неразумных, быть не может: ворота не пропустят.

С другой стороны, проскочил же их Вуковуд. И горилла...

Варвара стиснула руками виски, раскалывающиеся от боли, вылезла на карниз. От этих бесконечных проблем с приправой из можжевельного дурмана можно менингит себе заработать.

— Что, голова болит? — спросил Теймураз. — Это от твоего ночного купания. Я сейчас наберу дровишек, чтобы ты согрелась, а ты сиди и за морем приглядывай, как велено.

Он спрыгнул вниз, и Лерой, подпернув пояс с кобурой десинтора, молча последовал за ним, как тень.

Девушка сидела на краю карниза, ежась от утреннего холода, который стал ощущен сразу же, как о нем напомнили. Непросохшая еще роса делала мир, растелившийся под ее ногами, океаном микроскопических радуг. «Черная сторона», хм. Ну и юмор у населения Пресептории! Утренний берег, открытый для обозрения, как детская «Панорама Страны Чудес», был прекрасен, и даже в какой-то степени жаль, что никакой золотопенный айсберг не мог занести сюда маленького Степку. Ведь если предположить, что исчезновение малыша действительно было акцией неведомой грозной силы, противостоящей незванным гостям, то уж совершенно необъяснимо: что же тогда эта сила так долго раскачивалась? С ее-то возможностями любых пришельцев в первый же день можно было завалить лавиной из трехметровых снежинок. Или прикрыть полотнищем двумерной молнии. Но — всех разом, как уже случилось на других несчастливых планетах. Без исключений.

А здесь нелепые, невероятные исключения были просто правилом. Неприкосновенность человека нарушена как минимум трижды — Степ-

ка, Солигетти, Серафина. Значит, людей в их обычном виде не считают разумными (а, может, и вообще живыми) существами. За кого же тогда приняли ворота, не пропускавшие никого, легендарного спринтера Вуковуда? За асфальтовую обезьяну? За киба? Ведь ни на земле, ни в море не наблюдалось ни одного нападения на человека в скафандре или хотя бы в акваланге.

Но ведь ни обезьянам, ни роботам не нужно демонстрировать ежевечерних сказочно прекрасных сияний...

Вместо ответа на все эти бесконечные вопросы раскатисто прогремел выстрел. По звуку — ракетница с акустической насадкой, применяется в качестве пугача и сочетает вспышку с легким парализатором стелющегося действия. Значит, там столкнулись с неопасным, но, по-видимому, приставучим зверьем. О!..

Из кустарника взметнулся световой столб, и еще один — значит, на Лероя с Теймуразом нападали. Девушка вскочила, наклоняясь вперед, готовая к прыжку. Внизу послышался треск, словно ломилось семейство кабанов, и повалил жирный, клубящийся дым — ничего страшного, просто ароматическая, а точнее, зловонная завеса. Напрасно. Здешнее зверье, привыкшее к терпкому, насыщенному духу собственной растительности, такими методами не остановишь. Что же делать? Бросаться вниз, на помощь?

Но раздумывать дальше не пришлось, потому что из кустов на редколесье выскочили двое, все в саже, пугливо озирающиеся и размахивающие ракетницами. Тот, что поменьше, мчался громадными прыжками, как кенгуру; маленький бурый зверек прижимался к нему, как обезьянка. Лерой отставал, отстреливаясь.

— Сюда! — закричала она, сомневаясь, видят ли они ее на фоне темно-серой стены с потухшим костерком.

Увидели, конечно, не ее, а Пегаса, прикорнувшего под карнизом, и Тёмка с разбегу вспрыгнул на корыто, протянул новоприобретенного звереныша вверх, Варваре, и она, приняв скользкое безволосое тельце, вдруг с безмерным удивлением обнаружила, что это — до крайности чумазый Степка, облепленный густой грязью и клочьями распашонки. Но целый и невредимый.

— Воды, скорее воды... — бормотала она, нашаривая пластиковую канистру и уже не обращая внимания ни на Тёмку, подтягивающегося на руках, ни на Лероя, которого бережно и упруго возносили на карниз все двенадцать щупальцев Пегаса. — Да сбегает мне кто-нибудь за водой?

— Попробуй сбегай! — весело и даже зло кинул Теймураз. И тут снизу накатила волна такого яростного, утробного рева, что Варвара вздрогнула, инстинктивно прикрывая собой ребенка.

Из кустов к стене мчалось абсолютно круглое бешеное чудовище, ком шерсти и ярости.

— Пегас, удержи ее! — взвизгнул Теймураз.

— Бережно! — поспешно добавил Лерой.

И тут этот воющий серо-буро-оранжевый ком ринулся на скалу. Жаркой и терпкой гнилью пахло из белоснежной пасти — не поймешь, где язык, где зубы, где бездонная белая прорва, а вокруг — вставшая дыбом шерсть, и скрежет льдистых когтей по ребру карниза,

и полыхание багровых глаз, перечеркнутых аспидной вертикалью сузившегося от бешенства зрачка...

Гибкие Пегасовы щупальца с предписанной осторожностью перехватили клокочущее чудо, отшвырнули метров на пять. Зверюга пружинисто приземлилась, проявила секундную растерянность и снова бросилась в атаку. Только теперь она на каждом прыжке еще и встряхивалась, как собака, выскочившая из воды, и сажа от дымовой завесы черным ореолом мчалась вместе с ней. И снова прыжок, и снова заграждение из гибко взметнувшихся конечностей робота, отшвыривающее зверя назад; а зверь не из тех, что отступают, и он снова встряхивается, и это почти земной чау-чау с двадцатисантиметровой шерстью, только каждая волосинка торчком, на кончике кисточка, ну дикобраз, да и только, а уж красотища — глаз не отвести. И сколько ярости...

— Разрешите представить, — проговорил Лерой, переводя дыхание, — приемная мамаша собственной неукротимой персоной!

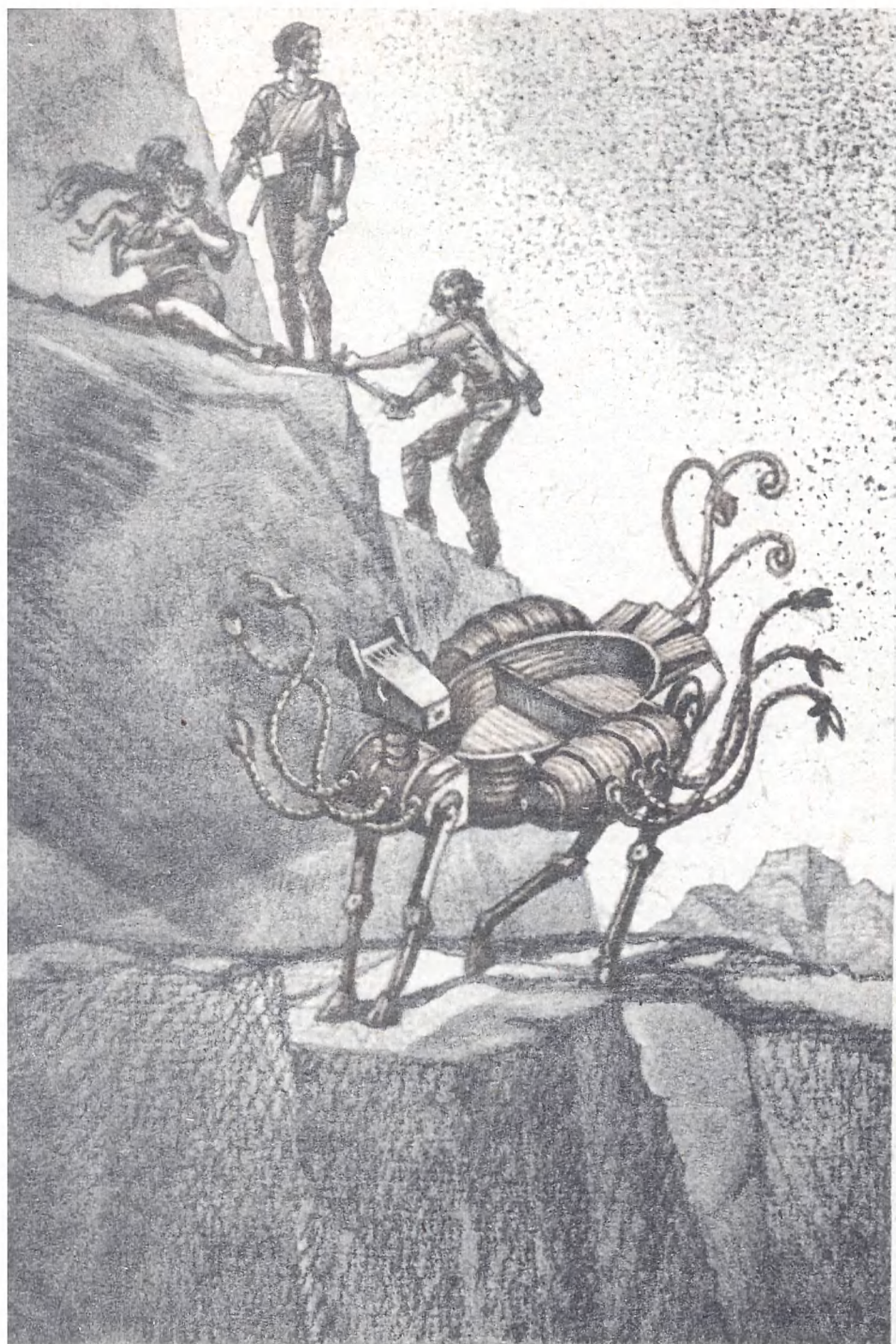
Услыхав человеческий голос, «мамаша» взревела, переходя на форсаж, и в третий раз ринулась на обидчиков. Степка, угревшийся на Варвариных руках, причмокнул и мирно засопел, словно всю свою жизнь спал под такой аккомпанемент.

— Пегасина, ты снял что-нибудь в промежутках между атаками? — спросил Теймураз, старавшийся не пропустить ни одной подробности этого происшествия. — Поторапливайся, а то ведь эту росомаху надо как-то возвращать в лоно семьи!

Пегас отбил очередной натиск и развернулся, нацеливая задний бурдюк с выдвинувшимся стереообъективом на рыжую красавицу. Но дикобразиха вдруг повернулась к нему спиной и начала медленно отступать к скале, пятясь от кустов.

А из их гущи выростало что-то бесформенное, пятнистое и гребенчатое, что вроде бы под низкими кронами, напоминавшими зонтичную

акацию, и поместиться бы не должно. Но длинная коротконогая туша выдвинулась — именно выдвинулась, а не выползла, — и с резко возрастающей скоростью двинулась на «мамашу».

Расстановка сил мгновенно изменилась: теперь «приемная родительница» защищала свое новоявленное чадо плечом к плечу с роботом, угадав в нем своего потенциального союзника.

А носорог, как и положено этой тупой твари, ломился по прямой, пока росомаха с Пегасом в один и тот же момент не отпрыгнули в разные стороны, явив пример динамической синхронности, трудно представимой у столь различных существ да еще и с разных планет. Многотонная носорожья туша врезалась в камень, точно тяжелый вездеход, у которого отказали тормоза.

Скала дрогнула.

Варвара, кутавшая Степку в махровое полотенце, невольно сделала несколько шагов вверх по карнизу: далеко уходить не стоило, потому что носорог неподвижно замер, словно прилипнув к стене, а с минуты на минуту можно было ожидать появления Параскива с Кёлликером. Теймураз сокрушенно покачал головой, перевел магазинную подачу на риск «сигнал» и выпустил вверх сноп красных, брызжащих искр — знак опасности и внимания.

Пятнистый носорог словно очнулся, попятился и пошел прочь в полнейшей задумчивости. Но по мере приближения к родимым акациям ритм и скорость его движений существенно изменились, он вдруг победно хрюкнул и принялся выплясывать замысловатый танец. Коротенькие тумбообразные ножки и налитое свинцовой тяжестью длинное тело, которому, как скоч-терьеру, явно не хватало пары промежуточных ног, вдруг обрели дивную подвижность, едва ли не исполненную грации, и все невольно залюбовались забавной пляской под аккомпанемент непрерывного хрюканья.

Пегас и росомаха, воспринимавшие это несколько иначе, шарахнулись еще дальше. И вовремя: безмятежную зелень кустов словно вспороли снизу — на призывный зов собрата мчались еще два носорога. Теперь они исполняли этот своеобразный чарльстон втроем, и почва до самой кромки воды заходила ходуном.

Это микроземлетрясение не осталось незамеченным.

Следом появился перистый удав — легчайшее, несмотря на свои габариты, создание, сверкающее павлиньим оперением и бесшумно скользящее по кронам зонтичных акаций. Стая каких-то мелких виверровых, проткнув эти кроны, взлетела вверх, расправила патagiaльные складки и, точно гибрид летучих рыб с белками-летягами, снова бесшумно и совершенно одновременно канула в глубь зелени. То тут, то там раздавался угрожающий рык, и к подножию скалы начало выпрыгивать самое немыслимое зверье, от двугорбых гепардов до панцирных пантер. И все это скалилось, щерилось, сцеплялось в клубки, отливало гляncем великолепнейших шкур, сверкало блеском свирепых глаз, неугасимым даже при солнечном свете, и главное, оглушительно ревело, храпело, завывало и отфыркивалось, и брызги слюны долетали до людей.

— Вот это царство! — не удержалась Варвара. — И кто это догадался назвать его «темным»?

— А ты двигайся повыше, — тихонечко подтолкнул ее Теймураз, — а то еще кто-нибудь из этих красавцев обратит на нас...

Он не успел договорить, а Варвара сделать хотя бы один шаг вверх по карнизу, как они уже обратили. Голубой зверь — увеличенная копия гризли, только чуточку поизящнее, — поднялся на задние лапы и передними дотянулся до карниза. Апельсиновая росомаха расценила его поползновение как нападение на своего приемного малыша и с реактивным воем метнулась к незадачливому мишке. Оседлав его загривок, она явила, наконец, из огненно-шерстяного шара цепкую лапу и принялась методично лупить агрессора по голове, норовя дотянуться до глаз.

— Ну, хватит, — степенно изрек Лерой, словно утихомиривал расшалившуюся ребятню.

Он вогнал в ракетницу обойму микропарализаторов и, тщательно прицелясь, чтобы не задеть глаз или зубы, всадил крошечную ампулу прямо в дымчатую медвежью скулу.

Гризли легонечко всхрапнул и тут же свернулся калачиком, чтобы мирно проспать двадцать минут.

— Молодежь, двинулись-ка повыше, — тревожно проговорил Лерой, — это было только начало.

Варвара, прижимая уснувшего Степку к животу, направилась вверх по тропинке, шагая широко и твердо, в то же время тщательно примериваясь, прежде чем поставить ступню. Карниз, к счастью, стал чуточку пошире, словно кто-то специально стесал кусок скалы, чтобы проложить эту плавно поднимающуюся дорожку. Сзади по-прежнему ревели, скрежетали и бились рогами о камень; Лерой стрелял еще дважды. Девушка не оборачивалась: как-никак, а под ногами было уже метров двадцать, а связаться веревкой, как полагалось бы в таком случае, они не успели.

— Пегаса забыли! — вдруг ахнула она, присаживаясь на корточки. — Он же будет фотографировать, пока его не затопчут!

— Иди, иди, — упрямо мотнул подбородком Теймураз. — У тебя на руках чужой сын. Это тебе не жестяное корыто.

Что-то жесткое, не виденное до сих пор появилось в его узком ящеричном лице, скупно обтянутом сухой кожей. Что-то новое, чужое и, как показалось Варваре, разделяющее их.

— Подержи-ка Степку, — сказала она, насупившись, — а я вернусь. Покличу Пегаса сверху.

— Так я тебя и пустил, — обронил Теймураз безапелляционным тоном. — Лерой, посторонитесь, я сбегая за забытым имуществом.

— Ага, — флегматично ответил тот, — а я тебя, значит, пущу?

На узеньком карнизе разойтись без обоюдного согласия было почти невозможно.

— И вот что, — добавил он вконец озабоченно, — хватит искушать судьбу. Всем сесть. Ног не свешивать... Тём, дай две ракеты — желтую и голубую.

Два хорошо заметных даже при утреннем солнце зонтика — лимонный и ярко-васильковый — с интервалом в несколько секунд распустились над гребнем горы. Они подымались на белых перистых стеблях, отчетливо указывающих то место, откуда они были пущены. На

кодовом языке всех дальнопланетчиков это значило: «Скорее ко мне». Если бы между ними появился еще и красный зонтик, то к этому прибавилось бы: «...потому что я в опасности».

Но увидев таковой сигнал, Параскив с Кёлликером бросили бы всё на свете и помчались на выручку очертя голову, что здесь, в этом бушующем царстве хищников, весьма не безопасно. Потому-то Лерой и ограничился двумя цветами.

Варвара присела, скрестив ноги и привалившись к уже нагревшемуся на солнце камню. Хотелось закрыть глаза. Тело, тоскующее по тремчетырем часам ежедневного обязательного плавания, было в каждой своей клеточке размякшим и раздраженным одновременно. Ну, ничего, еще немного потерпеть, и вертолет, обойдя опасный хребет в глубине материка, вынесет их рано или поздно на безмятежный пляж Пресептории с его нестрашными цунами и глуповато-добродушными аполинами. Вот только как вытерпит эти несколько часов голодный Степка? Таким крохам, кажется, сгущенка противопоказана, а кроме нее, здесь ничего молочного нет...

Но Степка посапывал у нее на коленях, не обнаруживая ни малейших симптомов голода.

— Странно, — прошептала девушка, — он совсем есть не просит, и пузик у него такой толстенький...

— А ты как думаешь, за каким занятием мы его обнаружили? — так же шепотом, хотя перед этим малыш не проснулся даже при пальбе из ракетницы, отвечал Теймураз. — Он сосал свою приемную мамашу, эту помесь тигры со шваброй. И я бы сказал, что процесс напоминал работу форвакуумного насоса.

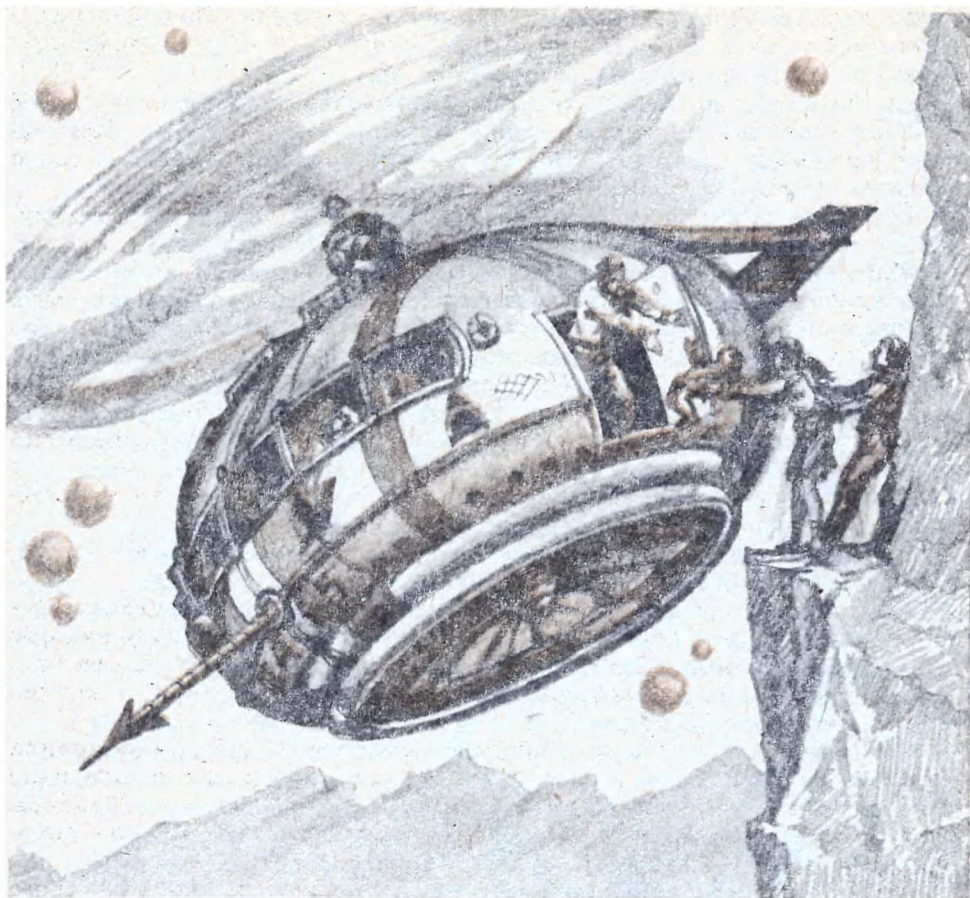
— Восхитительная киса! Кстати, от моря в свое логово она тащила его как звереныша, хотя и бережно, — на коже небольшие рубцы, надо сказать Параскиву, чтобы в вертолете сразу же обработал, — озабоченно проговорила Варвара, всматриваясь в замурзанную и изрядно поцарапанную рожицу. — Да, а где же вертолет?

— Поторопим, — кивнул Лерой. — Тёма, еще две ракеты, строго вертикально и с большим интервалом.

Ракеты одна за другой вознеслись на прерывистых туманных нитях. Лерой почему-то нахмурился, вынул тяжелый десинтор и положил его справа от себя. Огоньки, синий и желтый, несерьезно заиграли на его полированном стволе. Не замечают их, что ли? Ведь они висят минуты две-три, не меньше...

— Теймураз, возьми малыша, — негромко скомандовал Лерой. — Варя, достаньте оружие и не спускайте глаз с тропинки. Раз она существует, по ней кто-то должен ходить. И главное...

Он не успел договорить, как послышалось характерное зудение и слева, под нависающей скалой, показался дымчатый шар величиной со среднего мастодонта. Он деловито полз по земле, волоча студенистое брюхо, и производил бы странноватое впечатление, если бы все не знали, что это всего-навсего вертолет, идущий на воздушной подушке под защитным силовым куполом. Очутившись точно под сидящими на карнизе людьми, машина остановилась, сбросила защитный колпак и стала подниматься вверх на самых малых оборотах. Параскив распахнул дверцу и выставил бороду. По мере того как в полотеничном свертке, ко-

торый прижимала к себе Варвара, он узнавал Степку, борода опускалась все ниже и ниже — у биолога отвисала челюсть.

— Принимайте бандероль! — не удержался Теймураз, одновременно хватая за пояс девушку, которая потянулась к Параскиву, как ему показалось, совершенно забыв, что они находятся все-таки на высоте четырехэтажного дома. — Варька, разобьешься!..

Кёлликер, сидевший за пультом управления, плавно подвел машину вплотную к карнизу, и живая посылка благополучно переключивалась в кабину вертолета. Чуткая машина качнулась, как поплавков на воде, и отошла от стены примерно на метр. Все невольно проследили за ней и замерли: прямо над вертолетом, словно нацеливаясь, кружила лиловая шаровая молния.

— Вниз!!! — рывкнул Лерой, и машина, не промедлив и доли секунды, ухнула вниз и, едва коснувшись земли, снова оделась дымчатой, напряженно звенящей защитой.

Это значило, что Артур, обладавший феноменальной реакцией,

автоматически выполнил команду более опытного товарища, не подвергая ее всестороннему анализу. И был прав.

Человека такая молния не поразила еще ни разу.

На машины, летающие и плавающие, она нападала постоянно.

Но сейчас, как ни странно, молнию «заинтересовал» вовсе не вертолет: она кружила вокруг догорающей голубой ракеты, словно обнявшая этот светящийся василек.

— Рассредоточиться, быстро! — отрывистым шепотом бросил Лерой. — Варя — вверх, Тёмка — вниз по тропинке, ползком!

Варвара уже усвоила, что приказания Лероя выполняются без малейших раздумий и промедления, поэтому она стремительно ринулась вверх по карнизу, невольно отмечая, что копирует гибкие и бесшумные движения Теймураза, — и при этом она вдруг отчетливо осознала, что Тёмка не успеет уйти, потому что ему придется на узком участке огигать массивного Лероя; уже чувствуя наваливающуюся беду, она обернулась: молния оставила в покое догорающий светлячок и теперь по спирали скользила вниз, делая виток за витком вокруг почти невидимого дымчатого стебля ракеты.

Этот путь неминуемо приводил ее к Теймуразу.

Тугая огненная струя, словно из брандспойта, ударила вверх. Лерой, расставив ноги и привалившись лопатками к скале, обеими руками держал над головой десинтор и пытался поставить на пути молнии плазменную преграду. Раскаленный, искрящийся мяч колебался с такой скоростью, что казалось, перед лиловым смертоносным шаром трепещет гигантский солнечный веер.

Молния дрогнула, отпрянула и на несколько секунд зависла неподвижно, словно раздумывая или ожидая приказа; затем она с неуловимой для глаза быстротой расплущилась, растекаясь в лиловато-пепельное треугольное полотнище, которое могло показаться совсем нестрашным дымчатым лоскутом, а затем этот лоскут скользнул вниз, точно флаг, сорвавшийся с древка, и каким-то краешком слегка мазнул по раскалившемуся десинторному стволу.

Гул непрерывного разряда оборвался, огненная струя поблекла и растаяла. И в ту же секунду Варвара почувствовала, что каждый нерв ее тела сводит мучительная судорога, граничащая с болью ожога, и, преодолевая эту боль, она вытащила из-за пояса нож и вогнала его в трещину. Пальцы слушались плохо — сжаться-то они сжались, а вот разжиматься не желали. Но первый испуг уже прошел, и она хотя бы знала, что теперь не сорвется с узкого карниза. Тогда, все так же держась за рукоятку ножа, она осторожно повернула голову и посмотрела назад.

Шагах в десяти торчали ребристые подошвы Теймуразовых ботинок — он тоже распластался на тропинке, вжимаясь в камень.

А вот между ними никого не было.

Варвара не поверила глазам и почему-то посмотрела вверх, так неправдоподобно было даже не само исчезновение Лероя, а бесшумность и неуловимость того, что произошло. Падение она бы расслышала — жуткий специфический звук, с которым живое тело расплущивается о камень.

Но этого звука не было.

Придерживаясь за рукоятку ножа, Варвара свесилась вниз и увидела наконец Лероя: раскинув руки, он лежал у подножия стены на зеленом острове мха, в двух шагах от укрытого защитным коконом вертолета. Вероятно, он упал именно на нее, на эту защитную непроницаемую сферу, и она спружинила, как батут.

— Тём, веревка есть? — крикнула Варвара. — Быстрe вниз!

Лерой открыл глаза и вместо неба увидел над собой коробчатый свод вертолетной кабины. По тому, что вертолет стоял на земле с незапущенным мотором, а Параскив с Келликером, присев на корточки, неподвижно застыли по обе стороны походных носилок, глядя не в лицо, а на его сложенные руки и не пытаясь ничего предпринять, — по всему этому Лерой понял, что умирает.

Он вспомнил ослепительную вспышку, словно внутри головы, а вовсе не перед глазами брызнул во все стороны сноп горячих искр. Затылок и сейчас покалывало, но, кроме этого, не было никакой боли — впрочем, ощущения вообще отсутствовали, только чувствовался запах паленой шерсти. Обожженное тело, которого он не видел, потому что не мог пошевелиться, было надежно сковано анестезирующей блокадой и как будто вовсе не существовало.

Лерой беспокойно повел глазами вокруг, и тут дверца кабины отворилась, напустив зеленых бликов солнечного леса, и друг за другом, пряча ободранные ладони, влезли Варвара с Теймуразом, приблизились и тоже замерли, чуткие и молчаливые.

Он представил себе, какой жалкой, беспомощной развалиной должен он казаться всем этим людям, глядящим на него сверху вниз, а в действительности он думал только об одном человеке, а мнение остальных троих его не интересовало. Но ради этого четвертого он заставил себя улыбнуться и сказать что-то веселое, и тогда сквозь щель одеревеневших губ послышалось:

— Ло-пук...

— Что-что? — переспросил ошеломленный Теймураз.

— Ло-пук... голб... голосеменной... травка так-кая...

Теймураз прижался щекой к Варварину плечу, нашарил ее запястье и стиснул так, что кисть отнялась.

— Ро-ди-ола... Семенова...

Он с видимым усилием поднял опаленные ресницы, обвел взглядом всех присутствующих — они молчали. Да... Если бы оставалась хоть какая-нибудь надежда, ему обязательно велели бы: молчите, мол, нельзя вам разговаривать... Так всегда велят тяжелобольным. Но сейчас ему этого не сказали.

Он мысленно несколько раз качнулся, собираясь с силами, будто перед прыжком, хотя прекрасно понимал, что тело его останется неподвижным, — мозг его работал четко, и это служило ему слабым утешением; наконец губы снова разжались, словно раскололся кусок сухой коричневой глины, и он проговорил бережно и нежно, словно лепестки цветов, которые он называл, лежали у него на губах, и их нужно было не уронить:

— Аст-ра... просто аст-ра... — последовала пауза, в которой не было

ничего от его прошлых академических, многозначительных пауз. — Фе-ру-ла... Вишня... т-тянь-шань-ска-я... Жимолость узко... узкоцветко-вая... Си... сирень.

Это было нелепо и страшно — последние свои минуты он тратил на пустую забаву, какую-то ему одному понятную дразнилку, которой он так часто досаждал Варваре, но почему-то при этом он смотрел не на девушку, а на Теймураза, в его влажные от слез огромные глаза, мерцающие красноватыми бликами, как старинное вино или тянь-шаньская вишня. На кого-то похожего глаза...

И снова звучали слова, исполненные бесконечной горести и любви, и диковинный сад вырастал из этих слов:

— Роза... ро-за колючей-ша-я...

Словно песня, словно заклинание:

— Марь... душистая...

Закрылись веки.

— Таволга...

А потом настала тишина. И все ждали, ждали, ждали...

Из угла записал Степка, соскучившийся по тигриному молоку.

Вертолет обошел горы, забравшись в глубину материка, и приземлился на запасной площадке, затаившейся в долине перед самым Ящеричным хребтом — как раз посередине между космодромом и Пресепторией. Два вертких, но хорошо защищенных вездехода с конусными излучателями на радиаторе ждали у самых ворот.

«Теперь-то зачем нас охранять, когда мы не у моря?» — невольно подумала Варвара, но тут из ангара вырвалась санитарная машина уже со сверхвысокой защитой, лихо подрулила к самой дверце вертолета, и только тогда опасно приоткрыла дверцу.

Оттуда высунулись женские руки.

Теймураз тоже придержал дверцу кабины, чтобы она не распахнулась настежь, и Варвара просунула в эту щель Степку, по-прежнему завернутого в изрядно подмокшее махровое полотенце с рыжими шерстинками. Руки выхватили у нее теплый сверток и исчезли в глубине вездехода. Титановый щиток со стуком захлопнулся, и это был единственный звук, сопутствующий операции передачи. Первая машина охранения, взяв с места реактивную скорость, вынеслась за ворота вертолетной площадки, за ней устремился санитарный вездеход, замыкающая машина не отставала ни на метр. Маленький, но неуязвимый караван устремился вверх по ущелью, направляясь к космодрому. Все правильно. Гостевой домик на космодроме, надо думать, прикрыт надежнее, чем любой подземное убежище Пресептории. И звездолет с Большой Земли, конечно, уже вызван. Все правильно. Даже то, что мама Пидопличко не потратила двух секунд на какое-то слово, обращенное к Лерою...

Они сидели на узких жестких скамеечках и глядели перед собой. Пока вертолет трясло, руки Лероя, сложенные на груди, то и дело соскальзывали вниз и со стуком ударяли костяшками пальцев об пол; тогда Светозар осторожно приподымал их и снова складывал на груди, а точнее, на серебристом правильном круге, который выде-

лялся на могучем торсе и делал Лероя похожим на легендарного беглого каторжника.

Гул вездеходов умолк, и теперь только поскрипывала полуоткрытая дверца кабины, которую раскачивал ветер.

— Темрик, будь другом, — попросил Артур, — выведи на середину поля большой грузовик.

Варвара немного удивилась: зачем же большой? Но Теймураз послушно прыгнул на бетон и побежал через всю площадку к полускрытому ангару, где громоздились вертолеты и вездеходы самых различных габаритов и конструкций. Она немного помедлила, тоже выпрыгнула из кабины и пошла следом. Солнце пекло не зло, но жгуче, хотя и не катастрофически, примерно как в летний полдень на Куршской косе, в их нэд'овском лагере. Исполинский зонтичный орешник, росший вплотную к стенке ангара, тянул свои перистые лапы над самой крышей, и в толще этой зеленой массы копошилось что-то крупное. Варвара осторожно приблизилась — на краю крыши сидела, свесив лапы, асфальтовая обезьяна. Она механическими движениями обламывала ветки и бросала их вниз.

Внизу кормилось целое звериное сообщество: чесунчовые белки, распахнув рукава своих кремовых балахончиков, слетали с нижних ветвей, едва завидя лакомый орешек; пегие голоносые псевдомбаты, гибрид морских свинок с перекормленными йоркшир-терьерами, объедали листву, а у них между ног нахально шныряла пара крошечных тенреков с голубыми иглами и непомерным аппетитом — подбирали жуков и гусениц.

И все-то они были очаровательны — большерлазенькие, крутолобенькие, курносенькие... На шорох шагов подняли мордочки и уставились с жадным и доверчивым вниманием — только позови, только приласкай, только позволь прижаться к ногам... И снова непрошено и не прощенно вспыхнул в памяти силуэт короля-оленья, но его тут же заслонила картина яростной, но беззлобной драки на той стороне, которую кто-то по недоразумению назвал «черной». Вероятно, тот же человек, который, умиляясь на этих очаровашек, попросту недомыслил, что здесь налицо опасность стремительного вырождения, потому что у этих зверушек есть и другое название — акромикрики, обладатели куцых мордочек и недоразвитых конечностей. Неудачная боковая ветвь на дереве здешней эволюции. Неужели нужно было родиться нэд'о, чтобы уловить исходящие от них маленькие волны суеты и увядания?

Да, сюда бы хорошо комплексную экспедицию, с опытными систематиками, с ксеноэволюционистами. А то каждый практик, попадая на Степуху, первым делом отправляется на Коровью бухту и уже не может оторваться от стеллеровых телят. Как Кони.

Но мощную комплексную экспедицию посылают только на ту планету, которая требует немедленных спасательных мер и заносится стратегической разведкой в «Красную галактическую книгу». И людей хватает только на двенадцать таких команд — это на всю-то разведанную Вселенную! Так что нечего дожидаться помощи со стороны, надо начинать действовать. Прежде всего выявить уже вымершие виды. Значит, начать раскопки. Затем составить голографические таблицы — так убедительнее — всех акромикриков. Учесть виды, впадающие в необрати-

мую всеядность. И главное, произвести перепись серых горилл: ведь без них все эти врожденно ручные и трех поколений не протянут, вымрут...

В ангаре взревел двигатель, и приземистый грузовик, пятясь, выполз на поле. Асфальтовая обезьяна небрежно обернулась, глянула на него через плечо так, словно он был жуком-навозником, и продолжала свои труды праведные. Теймураз застопорил машину точно в центре поля, вертолет приподнялся и, зависнув над платформой, начал бережно опускаться на нее свое брюхатое тело, одновременно подбирая шасси. Как только винт остановился, эластичные борта платформы вскинулись вверх и сомкнулись вокруг вертолетной кабины, словно взяв ее в ладони.

— Ты где?.. — крикнул Теймураз с водительского места.

Варвара побежала по полю, упруго отталкиваясь от бетона, запрыгнула на высокую подножку, когда грузовик уже мягко трогался с места, и вдруг поняла, что все повторяется точно так же, как было несколько дней назад, когда она ехала с космодрома.

Нет, надо же — всего несколько дней...

Узкая дорога влилась в шоколадно-ониковый каньон, и это была уже ЕЕ дорога, и машина была ЕЕ грузовиком, и впереди был перевал, где разбился ЕЕ олень, а еще дальше высились мегалитические глыбы ворот ЕЕ Пресептории, где все решительно было ЕЕ — и дом, и работа, и море, и немые аполины, и запах сушеных трав с половины Лероя; она уже была владелицей необозримого настоящего, не говоря уже о прошлом, которое вмещало в себя и полуживую золотую шкуру, обреченную на вековой зуд, и водяную бездну под «шпалами», и васильковый венчик ракеты, к которой хищно принюхивалась подкрававшаяся с моря молния.

И были уже Параскив с Кёлликером, которые так же, не задумываясь, вскинули бы свои десинторы и прикрыли ее огненным веером плазменной защиты, как это сделал Лерой.

И главное, у нее уже был настоящий друг, который появился, как вообще возникает все настоящее — сам собой, совершенно естественно и однозначно, раз и на всю жизнь, как приходит к новорожденному ребенку первое дыхание.

Она скосила глаза и посмотрела на Теймураза. Лицо у него было напряженное, чужое, властное. И очень взрослое. И чем дольше она всматривалась в это лицо, тем отчетливее становилось подозрение, что в той полноте жизни, которую она только что для себя открыла, ей все-таки чего-то не хватает...

Как теперь всегда будет не хватать Лероя.

— Тёмка, — поспешно проговорила она, словно старалась отогнать это безрадостное открытие, — Тём, а ведь я только сейчас, в вертолете, увидела, какой он был старый... Ведь иначе у него сердце выдержало бы, да? Ему, наверное, было лет девяносто...

— Теперь это не имеет значения, — отвечал он, помолчав.

— Да, конечно... И как это его только взяли на дальнюю?

— А его никто и не брал. Рассказывали, что он был здесь проездом, да Степуха очень понравилась... В общем, остался он тут, и точка. Сказал, что будет пен-си-онером Степаниды.

— Кем, кем?

— Пенсионером. Это раньше так говорили, когда человек доживал до такого возраста, чтобы делать только то, что хочется.

— И много ему хотелось?..

— А что ему было делать? Ну, подменял метеорологов по ночам, у стариков ведь всегда бессонница; кухню снабжал мясом и рыбой на все сто шестьдесят персон, как заправский траппер, все шкуры в кладовке — его рук дело... Атлас растений начал...

— Понятно, — сказала Варвара.

— Ничего тебе не понятно! Он все время боялся, что станет нам в тягость. Наверное, оттого и шутил, бодрячком прикидывался. И еще он не хотел жалости. Потому и бывал чаще всего один. Не понятно? Странная ты, Варвара, это ж элементарно...

Варвара шевельнула ноздрями, прикусила язык. Ладно. Пусть ее считают бесчувственной деревяшкой. Все с того вечера, свадьбы со снежинками то бишь, когда она воздержалась от восхваления несравненной Степухи. Потому что не будет она объяснять Теймуразу, как это странно и даже утомительно, когда чувствуешь не только те привычные вещи, о которых он говорил, но и миллионы их стенок, и все это — одновременно, и хаос ощущений напоминает гигантский пестрый клубок всех цветов.

А со стороны это, разумеется, выглядит полнейшим бесчувствием. Если смотреть равнодушными глазами.

— А как его звали? — спросила вдруг Варвара.

— Вадим. Только так его не звал никто.

Спросить — почему? И он снова высокомерно ответит: ты не понимаешь простейших вещей. Но в том, что касалось Лероя, вообще не было ничего элементарного. И то, что его вслух никто не называл по имени. И то, почему он, стремившийся к одиночеству, все-таки пошел с их отрядом. И то, как он носил на себе запах трав. И то, зачем произносил он эти нежные, неуместные предсмертные слова: жимолость... марь душистая... таволга...

Была в этих словах какая-то настойчивая тайна, она требовала, чтобы их запомнили и перевели на какой-то другой язык; и непонятнее всего: к кому же они были обращены?

Грузовик, не снижая скорости, миновал ворота Пресептории и не свернул на гаражную площадку, а двинулся по прямой, мимо трапезной, ряда коттеджей, таксидермички, пока не остановился под Майским Дубом. Люди бежали ему навстречу, а впереди всех почему-то была Кони в халатике, изжеванном телятами.

Теймураз соскочил с подножки и бросился к ней.

— Мама... — по-детски всхлипнул он, прижимаясь к ее необъятному округлому плечу.

И тогда все встало на свои места.

На узенькой галечной полоске, возле массивной яшмовой глыбы, часа два назад установленной над свежей могилой Лероя, выжидающе маячила чья-то фигура.

Только бы не Параскив!

— Ну, прощай, Моржик, — сказала Варвара черногубому аполину,

с которым она проплавала эти два часа буквально плечом к плечу. — Не затоскуй тут без меня и не надейся глупостей, как тот олешек... Ну, иди же, вон и девочки твои фыркают — скучают.

Она сильными гребками пошла к берегу, пока не услышала шорох гальки. Тогда вскочила и побежала на пляж, пугливо кося назад: очень уж боялась за своего Моржика, как бы он не ринулся следом, движимый проклятым синдромом. Но на сей раз, кажется, обошлось, или аполины вообще не были подвержены этому злу.

Человек, ожидавший Варвару, оказался сухощавым нигерийцем с противоречащими его облику кудрями врубелевского Демона. На свадьбе она видела его издалека — во главе стола.

— Меня зовут Жан-Филипп, — проговорил он приветливым тоном, каким, наверное, разговаривают с новичками-лаборантами члены Высшего галактического совета.

— Я знаю, — сказала Варвара, залезая мокрыми ногами в подогретые сапожки.

— Мне рассказывали, что у вас... м-м... несколько своеобразный взгляд на природу некоторых феноменов данной планеты, — проговорил он с заминкой, которая, по всей видимости, была для него нехарактерна. — Вот я и решил побеседовать с вами.

Он посторонился, полагая, что она направится в поселок.

— Мне не хотелось бы далеко уходить. — Варвара покачала головой, всматриваясь в темно-кофейную гладь воды.

И в подтверждение ее опасений оттуда торпедой вылетело массивное тело, лихо изогнулось и шлепнулось обратно с невероятным в вечерней тишине грохотом.

Моржик? Или какой-то другой досужий шутник?

— Тогда может быть, перенесем нашу беседу часа на два? — галантно предложил Жан-Филипп.

— Не исключено, что я здесь и заночую, — вздохнула Варвара, провожая глазами разбежавшиеся круги на воде и напавшая ногой какую-то железку — не то гайку, не то скобу. — Минуточку...

Она подошла к самой кромке воды и, размахнувшись изо всех сил, благо сил хватало, забросила свою находку в море.

— Поищи, поищи, — пробормотала она, — отвлекись.

Гайка булькнула, и больше никакого движения в воде не возникало: видно, аполин обиделся.

— А вы ночью-то не замерзнете? — уже другим тоном — обыденным, домашним — забеспокоился Жан-Филипп.

— У меня халат с подогревом, — сказала она, накидывая капюшон на мокрые волосы. — Да поймите же, я с этим аполином два часа нырала. За плавник держалась. И за шею. Вдруг опять...

— Да, — еще тише и мягче ответил он, и она поняла, что ему все про оленя известно. — Да, вы правы — мы в ответе за тех, кого мы приручаем.

Варваре захотелось сморщиться, но она автоматически сдержалась, памятуя, что при этой гримасе усики у нее встают дыбом. Беда вся в том, что мы в ответе еще и за тех, кого приручили не мы. Но говорить этого не стоит.

— Так что же вы наблюдали? — Жан-Филипп снова изменил тон — сейчас это был научный руководитель базы.

— Мираж нельзя назвать даже наблюдением. А сегодня и вообще ничего не было, — вероятно, аполины мешали.

Она промолчала о том, ради чего ныряла сегодня до одури и что возникло так слабенько, так отдаленно — скорее желаемое, чем действительное. Импульс боли, болезни, неблагополучия — те самые конвульсивные волны какой-то беды, которые исходят только от раненого или умирающего животного, испускаемые Золотыми воротами. Но не чудилось ли ей это и здесь, на побережье?..

— Скажите, пожалуйста, — медленно, словно подчеркивая этим всю важность вопроса, проговорил Жан-Филипп, — какова основная компонента того излучения, которое вы принимаете?

Варвара вскинула голову, так что капюшон упал на спину и с шелестом отключился. Ведь она ни словом не обмолвилась о своем чутье, но Жан-Филипп знал и даже не сомневался, что излучение — многокомпонентное, и с ним не нужно было лишних слов.

— Гравитация, — ответила она кратко и уверенно.

— Источник — живая система?

— Врата — система живая. «Шалы» — наполовину. Излучение из глубины моря, экранируемое островами, — чистая механика.

— Где именно расположен излучающий центр?

— На осевой линии между воротами. Расстояние от берега я и пытаюсь уточнить. Использую тень островов.

— Только что ж вы ныряете без гидрокостюма? — перешел он уже на испробованный отеческий тон.

Она безмерно удивилась, что он этого не понимает:

— Без костюма меня явно принимают за аполину... во всяком случае, пока я в их группе. А это — гарантия безопасности. Но вот за кого меня примут в гидрокостюме — не знаю.

— То есть вы полагаете, что гипотетический глубинный центр — назовем его хотя бы так — обладает анализатором?

— Дистанционным. Иначе и быть не может.

— И этот глубинный центр — не природное образование и не придаток живого существа, а некоторое квазимыслящее устройство, установленное здесь пришельцами неизвестной нам планеты и таким образом по возрасту столь же древнее, как Пресеполия?

— Вряд ли стоит допускать, что сюда прилетали представители двух различных цивилизаций...

— Разумно. Тогда мы были бы уже третьими, а это почти невероятно — планета ведь далека от звездных скоплений. Но тогда как объяснить тот факт, что наделенное какими-то исполнительными приспособлениями мыслящее устройство — причем запрограммированное гуманоидами устройство, подчеркиваю! — допустило последовательную гибель трех взрослых людей и создание чрезвычайно опасной ситуации (и хорошо что не хуже) для ребенка?

Варвара зябко поежилась, кутаясь в свой длинный халатик. Длинный и пушистый, как бурнус. Что такое «бурнус»? Откуда всплыло это слово? «Пробирая шерстинки бурнуса...» А, это оттого, что Жан-Филипп померещился ей врубелевским Демоном.

Но дело в том, что ассоциации — штука безошибочная. И стоит подумать, почему это вдруг — «шерстинки бурнуса...»

— По-видимому, — проговорила она, внутренне постанывая от необратимой утраты взаимопонимания и необходимости подбирать слова, — в нас не всегда видят разумных существ.

— Как это — не всегда? — всполошился Жан-Филипп. — Вы, голубушка, таксидермист, а не кибернетик, поэтому только вам позволительно допускать, что мыслящее устройство может действовать по настроению или капризу. Не всегда!..

Он спохватился и восстановил академический тон:

— Гуманное начало — вот первый закон, который в той или иной форме вкладывается в любую машину, не только мыслящую, но и обладающую свободой воли. Как робот, например. Логика и гуманизм — альфа и бета любой подобной программы. Тогда как же ворота Пресептории не пропускают ни одного живого существа, но спокойно впустили всех нас; молния, равнодушная к человеку под парусом, убивает Лероя; «шпалы» топят палатку с Серафиной, но вас, даже на большой глубине, никто не трогает; даже асфальтовые гориллы, которых вы объявили биороботами без всяких на то оснований, кроме неуязвимости их шкуры, они должны бы подчиняться этому управляющему центру как выносные автономно действующие придатки — и вот они опекают всех животных Степаниды, а нас обходят, словно мы — каменные глыбы.

— Вы хотите, чтобы я ответила вам на все эти вопросы? — негромко проговорила Варвара, стараясь вложить в собственные интонации как можно больше смирения.

— Я просто прошу вас пояснить, как все, перечисленное мною, согласуется с вашей моделью сложнейшей кибернетической системы, упрямой на морском дне? Я подчеркиваю: вы имеете право на создание любой модели, но не отказывайте ей в элементарной логике! Как, впрочем, и гуманоидам, ее программировавшим.

Варвара беспомощно пожала плечами, глядя в море, золотящееся вечерними звездами. Ощущение холода, неперiodическими толчками приходящее то ли из-за горизонта, то ли из-под него, настигло ее и здесь. Чувствует ли это Жан-Филипп? Если и чувствует, то себе не верит. Так человек, потерявший слух на девяносто девять процентов, будет уверен, что звон ему только чудится, пока не увидит колокола. И снова всплыло в памяти: «И не слышал колосс, как седеет Кавказ за печалью...»

— Я сама еще не успела в этом разобраться, — честно призналась она. — Вероятно, беда в том, что мы смешиваем понятия «гуманизм» и «земной гуманизм». Или что-нибудь другое.

— Ну знаете!.. — воскликнул Жан-Филипп, несомненно считавший себя исповедником какого-то всегалактического гуманизма.

— Да не знаю я, не знаю! — не выдержала Варвара, попирая всяческую субординацию. — Я только смутно представляю себе, что те древние строители Пресептории, за которыми вы не хотите видеть решительно никаких качеств, кроме способности возводить мегалитические комплексы, — это какая-то космическая элита, в неумном всемогуществе возмнившая себя владыкой всего живого во Вселенной. Понимаете — всего, что под руку попадет! Попалась Земля, не знаю уж

сколько там тысяч лет назад. Но что-то там не приглянулось, шумно, вулканы брызжут, альпийская складка образуется... Покинули. Взяли на память только несколько сотен видов зверюшек — может, живьем, а скорее всего, гены законсервировали. А вот на Степаниде тихо, нехлопотно, вот и возвели усадьбу гостиничного типа. С палисадником. Семена для одного с Земли прихвачены, маргаритки там всякие, нарциссы, гладиолусы. Кибер-садовника поставили, чтобы сорняки вырывал. Одна беда: на земном языке маргаритки называются оленями, нарциссы — носорогами, гладиолусы — медведями. Метла, между прочим, — шаровыми молниями и прочими атмосферными неприятностями.

— А садовник — это ваш глубинный управляющий центр?

— Если бы! Боюсь, что тут гораздо хуже. Видели, как приносят из леса брошенных детенышей? Не слабых, выпавших из гнезда или норы, — нет, наиболее сильных, агрессивных. За это и брошенных. Милых и дружелюбных — мамаше под брюшко, а сильных и активных — на чистый воздух. Как удалось заложить в генную память такой принудительный отбор, перебивающий инстинкт материнства? Не знаю, не знаю. Но садик процветает, очаровашки прыгают, кувыркаются, кланчат подачки у горилл. Умильнo? Вот мы и умиляемся, вместо того чтобы сесть и разобраться, что же за чудовищная селекция здесь процветает. И не за то ли Степка на ту сторону угодил, что какой-то тест на очарование не прошел?

— Так, — сказал Жан-Филипп, словно муху прихлопнул. — Модель, созданная вами, действительно, чудовищна. То, что вы пытаетесь осмыслить происходящее, меня, как руководителя базы, радует. Но меня чрезвычайно огорчает, что у вас отсутствует пусть не человеческая, а хотя бы профессиональная благодарность этой планете, которая нас приютила и, пусть при посредстве пока не разгаданных факторов, позволила нам восстановить хотя бы один утраченный на Большой Земле вид животных.

— Да не восстанавливаем мы его, — устало отозвалась Варвара, — мы ведем себя так, словно этих телят ворует...

— Я допускаю, что вы принимаете некоторые формы излучений, недоступные среднестатистическому организму, — продолжал Жан-Филипп, великодушнейшим образом игнорируя ее реплику. — Такие феномены случаются. Но интерпретируете вы свои ощущения совершенно превратно. Дело в том, что наша разведка далеко не так беспомощна, даже на высоте в одиннадцать километров. Так вот, уважаемая Варвара Норега, я беру на себя смелость утверждать, что ни в полосе шельфа, ни во впадинах, которые здесь не превышают трех километров, нет ни одного сооружения.

Он немного помолчал, глядя на носки своих ботинок, блестящих даже в темноте, и добавил совсем тихо:

— Прямо не знаю, как вы тут будете жить и работать. Ведь вы психологически противостоите ста шестидесяти членам экспедиции, для которых Степанида стала домом и любовью...

Она стояла на поскрипывающей гальке и рассматривала его снизу вверх — прямо и безжалостно. И что, собственно говоря, она приняла его за Демона? Демоны не сидят.

— А если я все-таки окажусь права, — спросила она не без вызова, — как же с ними быть?

— С кем?

— Со ста шестьюдесятью членами экспедиции?

Жан-Филипп сожалительно глянул на нее сверху вниз и зашагал прочь. Но в этот момент трехтонная туша крупного аполина так грохнула по водной поверхности, привлекая человеческое внимание, что даже привычная Варвара вздрогнула.

И Жан-Филипп обернулся.

— Моржик, — с отчаяньем проговорила Варвара, хотя прекрасно понимала, что аполины практически не слышат человеческого голоса, — Моржик, ну хоть ты-то...

Аполин привстал на хвосте, размахнулся своей длинной шеей, которая так отличала его от земного дельфина и делала похожим на плезиозавра, и точным броском швырнул под ноги девушке звонкий, блестящий предмет, покотившийся по гальке.

Варвара догнала, подняла — на ее ладони лежало подобие гайки из легкого золотистого металла.

— Один-один, — пробормотала Варвара.

Сбруя не столько мешала, сколько раздражала, но поддаваться этому чувству было нельзя — аполины и за выражением лица успевали следить, и, похоже, дистанционно улавливали настроение. Она легла на спину, принялась любовно оглаживать сбрую, изображая полное и ничем не замутненное блаженство.

— Переигрываешь, — сказал из лодки Теймураз.

— Не-а, — мотнула головой Варвара, спряхивая со щеки медузу.

Аполины вытягивали шеи, удивлялись.

Из-за острова выпорхнула чужая стая — Варвара за эти полтора месяца перезнакомилась чуть ли не со всеми окрестными аполинами и хорошо знала этого вожака-альбиноса, предводительствовавшего целым молодежным ансамблем, среди которого особенно выделялся Вундеркинд, недавний сосунок-акселерат. Вновь прибывшие корректно приветствовали хозяев бухты и прошли вдоль лодки, швыряя на Теймураза добровольную дань: какие-то там планочки, патрубки, острые наконечники громкоотходного вида, и все из нетускнеющего легкосолотистого металла. Парафиновая бронза, как однажды отозвался о нем Кёлликер. И прижилось.

— Полегче, друзья, полегче! — Теймураз прикрывался локтем. — Зубы же ловышибаете!.. Мерси. Гран мерси. Опять нам нагорит от Сусанина за подводный грабеж чужими руками!

Начальство экспедиции категорически запретило самостоятельный подъем со дна каких-либо экспонатов, но аполины стойко придерживались собственного мнения.

Варвара перевернулась на спину и энергично замахала руками над головой — знак запрета; аполины и ухом не повели, было ясно — завтра наташат еще больше. Все эти сорок два дня, прошедшие с похорон Лероя, Варвара и Теймураз все свободное время возились с этими интеллигентами степухинских морей, вырабатывая общую систему сиг-

налов. Игривые ученики благодаря феноменальным обезьяньим способностям перенимали все на лету.

Вот и сейчас Вундеркинд, раньше других усмотревший на девушке какие-то непонятные ремни и коробки, ткнулся резиновым клювом в кинокамеру и тут же по-лебединому изогнул длинную шею, что должно было означать: «Я тоже хочу!»

— Хочется-перехочется-перетерпится, — сказала Варвара, цитируя что-то из детской классики. — Тут постарше тебя есть.

Постарше тоже захотели.

— Тёмка, — крикнула девушка, — мы пошли на макет!

Она похлопала себя по плечам, что значило: «За мной!» — и сильным толчком послала себя в глубину, где под днищем лодки был подвешен причудливый домик с башенками, колонками и нашлапками, в которых угадывались уникальные экспонаты из «парафиновой бронзы», явно утаенные от начальственного ока.

Варвара медленно и четко, чтобы всей стае было видно, поднесла руку к клавише и включила съемочную камеру. Тотчас же брызнул свет (для первого раза не очень яркий), застрекотал аппарат. Аполины шаркнулись, но ни один не удрал. Про себя девушка отметила, что меньше всего испугался Вундеркинд.

Десять секунд сиял свет, зудела камера. Затем все автоматически выключилось. Можно было всплывать.

— Есть! — крикнула Варвара, вылетая на поверхность. — Фу-у-у. Не перетрусил... А тебе что, Моржик? Еще включить? Нет, здесь нельзя, только вниз. Сейчас отдышусь, и повторим.

— Слушай, а пойду-ка я вместо тебя! — предложил юноша.

— Не стоит, у нас контакт редкостный. Ну, нырнули!..

Она ныряла до изнеможения, и каждый раз стрекочущая камера все больше и больше привлекала любопытных аполин, а уж Вундеркинду хотелось получить эту игрушку просто несказанно.

— Умотали, звери, — еле шевеля языком, проговорила она, в последний раз подымаясь и переваливаясь через борт. — Тяни макет, Тёмка, припрячем его на острове, а то неровен час прознают про нашу самостоятельность...

— Не успеют. Я еще не сказал тебе, что утром была связь: на подходе два звездолета, вероятно, уже легли на орбиту. Глубоководники, плазмозащитники... Словом, сплошные корифеи. Тут не до нас будет и не до самостоятельности.

Варвара приподнялась и глянула за борт, где в тени паруса бесшумно скользили веретенообразные темно-лиловые тела.

— Все равно завтра обряжу в сбрую Вундеркинда... Стащи-ка с меня моноласт... Ага. На все, что мы делаем, земные дельфинологи потратили бы минимум полгода: знакомство с упряжью, привыкание к свету, к шуму. Отработать нажатие клавиши и только тогда приступать к главному — связать включение аппаратуры с подводными сооружениями, и все это последовательно, долго и нудно закрепляя каждый выработанный рефлекс...

— Знали бы аполины, что такое рефлекс! — фыркнул Теймураз.

Это действительно было самым больным местом дрессировки. В отличие от дельфинов — да что там говорить, от любых земных тварей, —

аполины наотрез отказывались воспринимать лакомства как закрепител ь рефлексов. От угощения они не отказывались, это правда, но не связывали его с каким-либо заданием.

— Да, — согласилась девушка, — чересчур уж они умные. Это все равно как если бы знаменитому академику начали объяснять, что обед в перерыве конференции — это вознаграждение за его доклад. Представляешь его академическую реакцию?

Теймураз, наверное, представил, но промолчал.

— А в чем дело? — встрепелась Варвара, садясь и подтягивая колени к груди. — Ты что такой индифферентный?

Он греб короткими, сильными рывками.

— Успокойся, я дифферен ьный на все сто процентов.

Интересно, кто бы успокоился после столь дурацкой реплики? И вообще, за последний месяц он из ящерицы живой превратился в рептилию сублимированную.

— Послушай, Тёмка, — решительно проговорила она, — я же вижу, как ты усыхаешь с каждым днем. Жан-Филипп прав, это очень трудно — быть против всех. Даже если не в одиночку, а вдвоем.

— Глухая ты все-таки, — печально проговорил Теймураз. — Или просто еще маленькая. Когда ты прав, это совсем нетрудно, но только в том случае, если знаешь, что от твоей правоты кому-нибудь и хотя бы через тысячу лет станет чуточку легче...

Лодка ткнулась в берег, по инерции выползла на гальку. Они прошли мимо могилы Лероя — громадный монолит из лиловато-коричневой яшмы казался теплым и чуть ли не живым. Они привычно коснулись его кончиками пальцев. Это был их маленький обычай, их обряд. У них уже очень многое было на двоих, вплоть до подводного заговора с участием аполин; еще на большее они были готовы друг для друга — и тем не менее Теймураз был для Варвары, что глубь морская: на столько-то метров она тебе принадлежит, а вот что дальше — только догадывайся, лови всякие смутные и не для всех существующие тревожные волны.

— До завтра, — сказала она. — Легкой тебе бани.

Теймураз кивнул: ему сейчас предстояло сдавать Жану-Филиппу очередные аполины трофеи и головомойка была обеспечена.

Варвара проводила его взглядом, потом как-то невольно оглянулась на Лероев камень. Парчовая яшма казалась отсюда однотонной, сглаженные углы и странные пропорции монолита создавали впечатление нечеловеческой тяжести и усталости. Вот так устало и тягостно думает Теймураз о своем, о чем-то неизвестном ей и очень далеком. Не о Лерое, иначе его пальцы не коснулись бы камня так легко и бездумно. Он ничегошеньки не понял, этот мальчик, он до сих пор считал появление Лероя на этой планете случайным, а ведь для старика весь смысл оставшейся жизни заключился в одно: быть на одной земле с прекрасной Кони.

Не дошло это до ее сына.

Старик заслонил его — это угнетало Тёмку. Но существовал еще какой-то невидимый груз, который давил на Теймураза с каждым днем все тяжелее и тяжелее.

Лероя похоронили на том месте, где он любил стоять, глядя на море. Может, и он не просто смотрел, а чувствовал странные импульсы, рож-

денные в кофейной глубине, и заставлял себя не верить в их реальность? Камень этот притащили от самых ворот Пресептории, там было несколько таких монолитов, но яшмовый — только один. «Уцелела плита за оградой грузинского храма».

Да что за наваждение — одно и то же стихотворение, и на том же самом месте, и так уже полтора месяца! Мало она хороших стихов знает, что ли? Она рассердилась на себя и побежала к себе в лабораторию, прыгая с одного камешка на другой. Слишком много камней, вот и вирусный возбудитель всех ассоциаций. Отсюда и Кавказ, и плита у ограды; и седина — соль на них.

Встряхиваясь на бегу, как рассерженная рысь, Варвара одним прыжком влетела в тамбур своего экспериментального корпуса. Сублимационный зал встретил ее двадцатиголосым ворчаньем форвакуумных насосов, запахом перегретого машинного масла и неожиданным после полуденного пляжа морозом.

У крайних, самых вместительных, камер, куда можно было бы поместить крупного носорога, возился Пегас. Полтора месяца назад кибы принесли его с «дикой» стороны буквально по кусочкам, столь доблестно выполнял он Варварин приказ снимать каждое животное, что его назойливость превысила меру звериного терпения. Теймураз кое-как спаял бранные останки воедино, Варвара вживила новые щупальца, но вот речевой аппарат был необратимо поврежден. Пегас страшно стеснялся своей немоты.

Сейчас у него в корыте лежал только что вынутый экспонат — серебристый овцеволк. На Большой Земле эти несчастные создания по всей вероятности вымерли бы в третьем поколении; здесь же каждую стаю опекали несколько асфальтовых горилл, снабжавших этих горехищников различной падалью. К счастью, они не приобрели мерзкой внешности гиен, а по традициям Степухи превратились в очаровательных барашков на сильных собачьих ногах, и только мощные зубы, способные загрызть быка, если бы только здесь водились быки, выдавали в них хищников. Варвара подсунула руки под курчавое мерлушковое брюхо и легко, словно это была плюшевая игрушка, вынула чучело из корыта. Собственно говоря, это было не чучело, а мумия — легкая, совершенно обезвоженная ткань. Это со шкурами всяческая возня — выделка, лепка модели, строительство каркаса... Просто удивительно, сколько сил отнимало все это у таксидермистов, пока не был изобретен метод сублимационной сушки. А теперь, в сущности, и человек не нужен, разве что всякими проволочками да пружинками придать мертвому достаточно правдоподобную позу.

А затем — уже работа для Пегаса: ни шкуры не снимать, ни всякими снадобьями не нашпиговывать, как делали это в прошлые времена. Просто сунуть тушку на пару часов в жидкий азот, а потом на простой морозец градусов под тридцать. И насос включить помощнее. Вода из организма прямо так мельчайшими кристалликами льда и будет уходить. Сублимироваться. Вот и вся процедура. Примерно через триста — четыреста часов — вот такая невесомая игрушка, и правдоподобие полное: зверь как живой.

Настолько все просто, что и делать ей тут нечего.

Она повернулась и пошла наверх, в двухсветную скульптурную ма-

стерскую. Здесь будет посложнее, ведь на кухне нашлось несколько таких шкур, что от этих зверюг жутко становится — приводит в ужас убогость собственной фантазии. А фотографий нет, не говоря уже о голограммах. Как тут изобразишь каркас? Она задвинула овцеволка в уголок, пошла к рабочему столу и сняла с недавно начатой глиняной фигурки мокрую тряпку. Модель в десятую долю натуральной величины должна была изображать сумчатую длинношерстную жабу. Варвара дошла до пределов своего воображения, но кошмарное создание не выглядело живым. Каких-то деталей не хватало. Может, достоверности позы?..

Варвара вздохнула и накинула тряпку на модель. Придется ждать, пока кто-нибудь не запечатлеет этого красавца на пленку. Она засучила рукава и занялась консольной экспозицией «Утро в лесу». Овцеволка очень кстати, без него картина была бы чересчур идиллической. Мха и лишайников маловато, завтра придется сгонять Пегаса к Ящеричному хребту. Ведь со дня на день могут нагрянуть прибывающие гости, с ними предстоит очень серьезный разговор, и для пущей убедительности стоит продемонстрировать несколько готовых работ. И для установления доверия к ее способностям. Не первокурсница же она, в самом деле.

Стены мастерской пожелтели — над Степухой ронял луковичную шелуху закатных облаков традиционный вечер. Спину уже поламывало от усталости, как-никак, а каждый день она не знала отдыха с шести утра и до самой темноты.

Прошаркал Пегас и безмолвно замер за спиной.

Она этого страшно не любила, и Пегас должен был бы об этом помнить. Одернуть его неловко: калека. Да и работа все равно не клеится — вдохновения ни на волос. Жабий. Сумчатый.

— Послушай, Пегасина, — сказала она, стоя на коленках в пересохшем ягеле. — Над моделью — полка, на полке — колпак от экскаватора. Достань, будь другом, только в целом виде.

Она не оборачивалась, торопясь закончить хотя бы нижний ярус экспозиции, но по звукам за спиной догадывалась, что дотянуться до высокой полки Пегасу как-то не удастся. Плоховато склеил его Тёмка. Сюда пришли два корабля, так неужели на них не найдется ни одного приличного робомеханика?

— Ладно, я сама... — начала она и осеклась: Пегас, поднявшийся было на дыбы, неловко покачнулся и всеми опорными копытами и оперативными щупальцами, приданными вычислительным бурдюкам, обрушился на злополучную модель.

— Куда ты, старый осел! — крикнула, не сдержавшись, Варвара и тут же пожалела: на крик мгновенно явилась Пегги.

Ситуацию она оценила с порога.

— Старый осел! — завопила она, повышая тональность на каждом слоге и в результате переходя на ультразвук. — Старыйстарыйстарыйстарыйстарыйстарый осел!!!

Варвара поднялась с колен. В свое время она вложила немало труда в то, чтобы запрограммировать своих роботов на дружески-юмористические отношения. Но с юмором у роботов оказалось туговато...

— Пошла вон, — не повышая голоса, велела она Пегги. — А ты, Пегасина, прости нас. Завтра я ее перепрограммирую.

Она села обратно на мох, положила подбородок на колени. Старый, старый, старый осел...

И еще старый, очень старый управляющий центр.

Теперь стало ясно, что крутилось в подсознании, выбрасывая на поверхность ассоциативного водоворота то стихи Пастернака с седеющим Кавказом и ночными ледниками, то образ Лероя, уходившего к морю, чтобы его глубокая старость поменьше контрастировала с кипучестью молодых. Ведь даже перед смертью он говорил совсем не то, что переполняло его душу, — видно, боялся, что слова любви на старческих губах будут просто смешны... Застарелая боль дряхлых Золотых ворот. Даже сам Жан-Филипп, поседевший демон... Старость. Нет, изношенность механизма — этот ключ давно был под рукой, только само слово не приходило на ум, ведь так трудно думать о старости в девятнадцать лет!

Она поднялась одним толчком, побежала в маленький холл, где имелся экран связи. «Теймураз! Теймураз! Тёмка!» Она стучала кулачком по номерной клавише, но экран не включался, значит, в своем коттедже Теймураза не было. Она вызвала аккумуляторную — тоже нет. Подумав, осторожно нажала клавишу с шифром Кони — и там никого. Трапезная? Пусто. Да что происходит в Пресентории, если и здесь вечером нет ни одного человека?

Она включила Главную (сиречь единственную) улицу. Первый квартал — никого. Второй — никого. Поворот к Майской поляне — бегут. У самого Майского Дуба — столпотворение.

Та-ак.

Она выскочила на улицу в халатике, перемазанном глиной.

Побежала.

Те, кто стоял вокруг дерева, были высоки и плечисты, Варваре не сразу удалось просунуть нос между их локтями. Ничего особенного она не увидела — просто под нижними ветвями стоял автоприцеп со здоровенным экраном, на котором мелькало множество лиц. Все до единого были незнакомы и заполняли пространство так плотно, что не видно было, откуда ведется передача. Хотя вестись она могла только с космодрома.

Итак, они уже приземлились. Оперативно! И сразу же сцепились с первопоселенцами — перед самым экраном, расставив по-боцмански ноги и заложив руки за нагрудник клеенчатого передника, стоял Сусанин. И он, и те, что с экрана, говорили разом.

— Да вы представляете, что значит свернуть работы? — рычал Сусанин. — У нас тут сосунки, их в глубь материка не вывезешь!

— Ничего, ничего, — весело и категорично отвечали с экрана. — Половину завтра отгрузите на корабль, половину начнете готовить к возврату в естественные условия. Людей оставите минимум, остальных — пока на космодром, а площадку для запасного поселка мы вам приглядели километра в шестидесяти.

— Позвольте, позвольте, — не выдержал такого напора Жан-Филипп и стал плечом к плечу с Сусаниным. — Кто распоряжается на Земле Тамерлана Степанищева?

— Мы, — сказали жизнерадостные диктаторы с экрана. — С момента нашего приземления — мы. И вы это знаете.

Варвара попятилась и выбралась из плотного ряда молчаливых свидетелей перепалки.

Огляделась.

Сзади все комбинезоны были одинаковы, но Теймураза нетрудно было найти по габаритам.

— Тём, Тёмка! — Она дергала его за хлястик, пока он не вышел из оцепенения (а тут почти все пребывали в оцепенении) и не обернулся. — Это кто еще на нашу голову? Ревизоры?

— Стратегическая разведка. Если подсчитать, то вызвал их сюда наш старик, я имею в виду Жана-Филиппа, немногим более месяца тому назад... Да, сразу после похорон Лероя. С чего бы? Они имеют право занести Степуху в КГК, со всеми вытекающими.

КГК — «Красная галактическая книга». Это был список земель, где необходимы чрезвычайные меры. Инженерное воплощение этих мер сильно смахивало на легенды о титанах.

Варвара ощутила холодок в пищеводе. Вот и дождалась. Рада? — Что, два корабля — и сплошь разведчики?

— Нет, конечно. Прибыл их Голубой отряд — океанологи.

Голубой отряд. Ничего голубого в них не было, кроме васильковых буковок на рукаве. Да еще головы, одинаково бритые до голубизны. Вот почему она не могла сразу сориентироваться, сколько же их на экране, — все они фантастически походили друг на друга, худощавые и неистощимо энергичные. Они все время находились в движении, как ртутные шарики.

— Мы тут в дороге проглядели все ваши материалы, — говорил один, которого отличали от других пушистые девичьи ресницы, резко контрастирующие с бритым черепом, и легкий нервный тик, пробегающий по правой щеке. — Не исключено, что когда мы вплотную займемся вашим шельфом, янтарной пеной и морскими змеями, может последовать спровоцированный ответный удар...

— Пока не жалеемся, — неубедительно возразил Сусанин.

— Пока, — спокойно согласился тот, с ресницами, — похоже, он был там главный. — И если не считать троих.

— Но это имело место вне Пресептории! — торопливо возразил Жан-Филипп.

— Да, — так же спокойно согласились с ним. — Пока — вне.

Варвара хлопала глазами, как мультипликационная зверюшка, глядя на это чудо: как, не тратя ни малейших усилий, ставили на место самого Жана-Филиппа! И потребовалось для этого всего восемь — десять человек, обладающих даром мгновенной и безошибочной оценки происходящего.

— Да вы хотя бы представляете себе, в каком кошмарном режиме нам приходится работать? — чуть ли не бросался с кулаками на экран неистовый Сусанин. — В режиме страха. Постоянного страха. Думаете, перед змеями и смерчевыми молниями? Как бы не так! Перед тем, что в один прекрасный день на нас могут свалиться с неба так называемые хозяева и очень вежливо сказать: «Мы бы вас попросили...» — и мы очень вежливо ответим: «Да, да, пожалуйста!» — и будем в бешеном

темпе убираться отсюда во славу галактического права. А здесь, между прочим, кроме стеллеровых коров еще и сумчатые... А «дикая» сторона! Так что свергивать работы — это даже не абсурд, это преступление!

— По грубым прикидкам, последний раз «хозяева» появлялись здесь не меньше тридцати тысяч лет назад. Так что их визит...

— Наименее желаемое — наиболее вероятно!

— Ну, Евгений Иланович, в этом случае мы постараемся как-нибудь с ними договориться. Тем более что выявление закономерностей их логики входит в нашу первоочередную программу.

Варвара получала несказанное удовольствие от этого разговора. Молодцы, голубая разведка! Умницы, стратеги! Сегодня все равно потерянный вечер, поэтому они решили стравить весь эмоциональный пар. Ночью пресепторианское начальство успокоится, снизит содержание адреналина в крови и утром будет способно на спокойный, конструктивный разговор.

И начнется работа. Настоящая, умная работа.

— Мы скрупулезно исследовали все аномальные явления, — настаивал Жан-Филипп, — как имевшие место при нас, так и оставившие безальтернативно интерпретируемые следы воздействия...

Варвара фыркнула, и громко.

— Мы ознакомились, — кротко заметил главный на экране, припуская над тирадой Жана-Филиппа скорбный флаг своих черных ресниц. — Вы все сводите к природным факторам, а природа имеет свои законы, но не логику. Которой, кстати, вы не обнаружили.

Только тут Варвара вспомнила, зачем она бежала сюда.

— И все-таки логика имеет место!.. — невольно вырвалось у нее, и тут же она осеклась.

Сусанин и Жан-Филипп, как по команде, полуобернулись к ней и замерли этакими атлантами у входа в Эрмитаж. В обрамлении этих корифеев ее маленькая фигурка в перепачканном глиной халатике выглядела, вероятно, препотешно.

— А это еще кто? — спросили, в довершение всего, с экрана. — Женька, твое воспитание?

— Это наш новый оператор-таксидермист, — отчеканил Сусанин.

Ох, провалиться бы сквозь землю!

— Таксидермист? А мы в этот сектор начальника привезли и пару младших научных... Э-э, на ловердеке, вернитесь!

Теймураз поймал девушку за плечи и вернул обратно.

— Закончите свою мысль, — попросили вежливо и проникновенно, — пожалуйста.

Варвара вздохнула, пошевелила ногой немнущиеся травинки Майской поляны.

— Здесь дело даже не в логике, а в ее клиническом нарушении.

— То есть вы хотите сказать, что логика все-таки отсутствует? — попытывались у нее в высшей степени заинтересованно.

Варвара упрямо жала кулачки. Неужели и эти не поймут?..

— Отсутствие и нарушение — совершенно разные вещи. Здесь искали логику в чистом виде, пытаясь разобраться в работе искусственного мозга, в существование которого не верили, но заведомо считали его вечным и здоровым...

На экране опять произошло перемещение — как при едва ощутимом потряхивании калейдоскопа.

— Послушай, Гюрг, а девочка мыслит конструктивно, — небезразлично прокомментировали из левого нижнего угла экрана. — Продолжайте, пожалуйста.

— По всей вероятности, координирующий центр, спрятанный на дне моря, долгое время четко работал по программе: распознавались образы, благо классы были заданы: механизмы, животные, биороботы, гуманоиды; одних надо было лелеять, других не возбранялось топить. В сомнительном случае имелось великое множество тестов — от северных сияний до янтарных зерен, которые складывались хоть в замок Юрате, хоть в морского змея. Но прошло как минимум тридцать тысяч лет. И наступила старость.

Она этого ждала — за спиной мгновенно возник возмущенный гул. И имя — то самое имя, которое не могли не вспомнить...

— Только не надо про Лероя! — крикнула она, круто оборачиваясь назад. — Да, старость священна, когда это — старость человека. Да, человек становится стократ добрее и мудрее. Но не разваливающаяся на части машина. Так неужели вам не страшно, что во власти этого разваливающегося управляющегося центра, этого квазимозга, оказалось сейчас все побережье вместе со всеми теми зверюшками, которых приручили не мы?..

На экране снова зашевелились, вынырнули две-три посторонние головы, бородатые и обильноволосые.

Но их вытеснили.

— До сих пор вас беспокоил принцип навязанного отбора по избыточной агрессивности. Или нет?

Однако они досконально знакомы со всеми мыслями!

— До некоторых пор — да. Но судьба побережья в целом...

— А почему вы говорите только о прибрежном районе?

— Аномальных явлений в глубине материка практически не наблюдается. А побережье... Где же было развернуться этим пришельцам, как не здесь, — они же были амфибогуманоидами.

— Вы абсолютно убеждены?

— Да. Они даже собак себе завели не на суше, а в море — аполин. Координационно-управляющий центр, это развалюха, лежит в основании одного из рыжих островов, со спутников его не просмотреть, но аполины его знают. Дайте нам с Теймуразом неделю, и мы положим на стол снимки этого центра.

— Бред! — сказал Сусанин. — Аполины натаскали тут всяких штук-дрючек, но это — детали летательных аппаратов пришельцев, они уничтожены молниями тридцать тысяч лет назад!

Ни одна бритая голова даже не повернулась в его сторону.

Невероятность ситуации заключалась в том, что весь знаменитый Голубой отряд битых четверть часа занимался исключительно какой-то пигащей, таксидермисткой без университетского образования и мохнатой коброй — по характеру; а вокруг стояли сто шестьдесят экспедиционников Пресептории и слушали молча.

— И последний вопрос: значит ли все вышесказанное, что вы имеете собственную, то есть отличающуюся от общепринятой, концепцию ноо-

сферы Земли Тамерлана Степанищева, более или менее полную и непротворчивую?

Варвара снова пошевелила ногой упругие травинки, серебрящиеся в отвесах экрана:

— По-видимому, да.

На экране снова возник озорной всплеск активности, и вдруг в нечаянном просвете между мужскими лицами появилась, как волшебное видение, белокурая головка со всеми атрибутами кукольной красоты — губки бантиком, бровки стрелочкой, остального пока не видно, но чувствуется — не то Ника Милосская, не то Венера Самофракийская. В довершение всего эта воплощенная мисс Галактика кивнула с экрана, и даже благосклонно.

Варвара недоуменно оглянулась, отыскивая того, кому бы мог адресоваться столь царственный кивок, — и вдруг прямо перед собой увидела лицо Теймураза. Обуженное ночными тенями и освещенное только голубоватым светом экрана, это лицо сияло, точно серебряный факел, и голос, жалкий от счастья, повторял: «Она прилетела, Варька, ты понимаешь, она прилетела, она прилетела, Варька, дружище, она...»

Она попятилась, отступая от этого светящегося лица, и двигалась назад до тех пор, пока не наткнулась на экран заведенными за спину руками. Под пальцами разбежались крохотные искорки, холодок стекла подействовал отрезвляюще. Она замерла.

С экрана смотрели дружелюбные, интеллигентные и совершенно чужие лица. Кукольной красавицы уже не было.

— Послушай, Гюрг, а ведь девочка нам подходит, — снова подали реплику из левого нижнего угла. — Девушка, пойдете к нам в Голубой отряд?

Чужие лица дружно и одинаково улыбались — как аполины.

И все кругом засмеялись.

Варвара засунула руки в карманы, оттопырила нижнюю губу.

— Боюсь, что нет, — проговорила она с расстановкой, — ведь если я обреюсь, как вы, то буду выглядеть со своими усами чересчур экстравагантно.

— Кобра, — с отчетливым уважением произнес у нее за спиной голос Сусанина.

Она тихонечко вздохнула и пошла прочь, огибая прицеп с экраном, и пушистые соцветья Майского Дуба осыпались ей за шиворот. За спиной пчелиным гулом разрастался хор голосов — интермедия кончилась, снова обсуждались судьбы планеты.

«Мы еще посмотрим, как вы к этому центру подберетесь!» — «Можем сверху, на аполинах верхом, можем снизу, тоннелем под морским дном. Не в том же проблема». — «Да знаем мы вас, всё вам не проблема, и до центра вы доберетесь, и не взорвете его по крайнему гуманизму своему, а бережно отключите. Только в результате Золотые ворота благополучно сдохнут вкуче с Оловянными, и все зверье с «дикой» стороны хлынет на побережье сюда. И начнется вселенский жор, и останутся от уникальнейшего биоценоза рожки и ножки в самом прямом смысле...» — «Ну-ну, Евгений, не передергивай, уж ты-то знаешь, что ничего мы не отключаем и не включаем, наше дело — только разведка и рекомендации Галактическому совету, вот он-то и решать будет. А об-

новить генофонд ваших плюшевых зверюшек просто необходимо, иначе вымрут!» — «Если они постепенно вымирать будут, то от них вышеупомянутые рога еще, может быть, и останутся. Ну, воссоздадут еще пару-другую методом клонирования в заповедных реликтотеках. Но вот если ворота порушить и стороны соединить, то оттуда нагрянут такие хищнозавры — ни костей, ни рогов не соберешь. Таксидермичку закрывать придется. А те из наших курносеньких, что уцелеют, попадут под такой шоковый прессинг, что из ручных превратятся в пещерных и забудут про то, что такое солнечный свет. И это будет похуже вымирания, потому что виды в их современном состоянии исчезнут и следа не оставят...»

Сусанинский голос, рисующий катастрофические картины, терялся и глохнул в густолиственной чащобе парка. Он оставался за спиной вместе со всеми этими проблемами, которые кажутся такими значительными самим спорщикам и чуть ли не детскими, если послушать со стороны. Ну, соединят обе стороны, но ведь не за счет же убийства ворот! Уж их-то придется охранять бережнее, чем все остальное, вместе взятое. Еще бы, уникальнейший симбиоз, только вот не понятно, чего с чем... Со зверьем проще, элементарнейшая задачка на совмещение «быть» и «не быть». Искусственные биобарьеры, передвижные, самое осторожное смыкание зон. Несколько контрольных участков. Начать объединение животных в самой узкой полосе, а самые широкие, тыловые резервации оставить для чистых популяций, не затронутых всей этой кампанией. И все это в естественных условиях и предельно просто, нужно только не умиляться и не возмущаться, а вызвать несколько тысяч добровольцев с Большой Земли — для контроля. Но голубая разведка, наверное, сумеет этого добиться.

Она развела в стороны ветви игольчатой крушины и вышла на пляж. Море светилось сазаньей чешуей звезд, но галечная полоска была темна, и справа, где начинались крутые скалы, отыскать Лероев камень можно было только по памяти. Память, как всегда, не подвела, и Варвара присела на теплый каменный бортик, ограждавший яшмовый монолит. Между бортиком и массивной глыбой оставалось небольшое пространство — в ладонь, от силы — полторы; сюда она приносила камешки, окатанные морем, самые красивые, какие только выносила волна: опалово-молочные, крапчатые, яблочно-зеленые, — они грели ей руки и были удивительно неизменны и верны своей изначальной сущности. Море могло обглодать их до превращения в крошечные песчинки, но и тогда каждая осталась бы самой собой — молочно-белой. Крапчатой. Яблочно-зеленой. И, опуская их в каменную канавку, Варвара каждый раз тихонечко повторяла то шепотом, то беззвучно, лишь шевеля губами и мысленно произнося, как заклинание: «Марь душистая... зизифора... вишня тянь-шаньская... таволга...»

Такие вот цветы были на могиле Лероя, от которого, в сущности, она не слышала ни одного обращенного к ней человеческого слова, кроме случайно придуманной им дразнилки — перечня трав, предпочитаемых крошечными серебристыми лакомками с горных отрогов Памира. Зачем с первой же минуты их знакомства он громоздил между ними непроницаемую стену беззлобных, но и бескомпромиссных насмешек?

Да затем, что угадал он в ней ведьму морскую со всей причитающейся ей дивьей зоркостью и испугался, что распознает она его тайну, которую он берег пуще жизни.

Не ошибся Лерой, она эту тайну разгадала. Да поздно.

И вообще, что было толку от ее вещего чутья? Кого она спасла, кому помогла, от чего заслонила?..

Барбара привычно провела кончиками пальцев по чуть шероховатой поверхности камня, обработанного неизвестно сколько тысяч лет назад. Как ни печально, но руки, касавшиеся его в дремучей древности, принадлежали отнюдь не венцам творения. Хомо аквитус инопланетный — она не представляла себе, как он выглядел, но зато отчетливым и брезгливым нюхом души распознала в нем неумный дух владычества, помноженный на барскую снисходительность ко всему остальному живому во Вселенной, и еще опасное всемогущество, которое в сочетании с иллюзорно-прекрасным лозунгом: «Всё для человека!» позволило ему превратить это сказочное побережье чужой планеты в громадную резервацию для живых игрушек — наследственно-ручных животных. И позабыть о такой мелочи — на чудовищную машину, управляющую этим загоном, поставить выключатель. А то аппетит к посещениям далеких планет прошел, а несчастное зверье десятки тысяч лет изнывает от неутоленной любви к неведомому, приручившему его хозяину...

Она потерла яшмовую глыбу пальцами, попробовала отколупнуть чешуйку — камень не поддался. А может, его обрабатывали вовсе и не руки обретших разум земноводных существ, а холодные перепончатые, суставчатые биоманипуляторы? Нет. Яшма отозвалась, и не теплом — нет, руки тех неведомых существ, может быть, и имели температуру около тридцати шести по Цельсию, но человеческого тепла не несли. А ведь именно эти существа, ксенантропы, побывавшие и на нашей планете, на сотни тысяч лет опередили в развитии людей Большой Земли. И вернулись к морю, начали вживаться в него гораздо раньше нас. И наверное, поголовно рождались в воде, как дельфинята. И что проку?..

Куда же подевалась у них чуткость и врожденная доброта, которую дарит море? А может, это только она по своей молодости и недомыслию так высоко ставит врожденные качества? Ведь и щенок может родиться с идеальным слухом, но он никогда не сочинит элементарного музыкального этюда...

Нет, нет, нет! Море у ее ног тихонечко заворчал, собирая волну, словно рассердилось на эту невысказанную вслух измену. Нет. Хомо аквитус — это ведь не просто человек, ныряющий подольше и поглубже, получивший в подарок, как в древности дарили серебряную ложку, и выносливость, и приспособляемость, и раннее развитие. И вообще, это не биологическое определение, а состояние, когда все внутри словно промыто проточной морской водой, и чисто, и звонко, и натянуто, как хрустальная нить, и тысячезвучный резонанс чужой боли или восторга, неправды или красоты так переполняет тебя всю, что в ушах звенит и хочется рот разинуть на манер глубоководной рыбы, выброшенной на берег. И воспринимаешь действительность не только оком, ухом и нюхом, а еще и этим душевным резонатором, и тогда суть происходящего обнажается для тебя.

И тебя перестают понимать.

И день не понимают, и два, и десять, и наконец наступает предел этому противостоянию всем и каждому. И остается вот так бежать к своему морю и чужому могильному камню.

Море, за неимением луны никогда не знавшее ни приливов, ни отливов, сонно всхрапнуло где-то под ногами. И в темноте, за парком возник упругий, стрекочущий звук прогреваемого мотора. Несомненно, в Пресептории существовало правило, категорически запрещающее одиночные выезды в ночное время; тем не менее Варвара отчетливо слышала, как маленький скоростной вездеход лихо взял с места, взревел на повороте и пошел на подъем. Строчечная стежка непрерывных выхлопов удалялась, словно ее стремительно уносила в клюве ночная птица. И пусть где-то здесь, на Майской поляне, строились грандиознейшие планы тотального перелопачивания тверди и хляби целой планеты — если только эти дебаты не ушли и дальше, в космос, — но такие перспективы могли и увлечь, и восхитить, и ошеломить... И только.

Но вот ночной кузнечик, уносимый ширококрылой невидимой птицей не куда-нибудь, а на космодром — это не ошеломляло.

Это ее попросту с ног сбilo.

Далекий перфорированный звук вознесся на перевал и заглох в многократных отражениях ониксового каньона. И свирепые свары под Майским Дубом постепенно стихали, истекая прощальными эмоциями. «Проклятущая весна, — севшим голосом проговорил Сусанин, сдвигая через голову заскоружный фартук. — И ведь все беды начались с приезда этой... этой...» — «Я тебя утешу, — заверил командир Голубого отряда, — чем все началось, тем все и кончится: то есть ты поедешь в глубь материка, осваивать новую площадку для базы, а вот она, с которой беды начались, останется с нами, на побережье. Если, конечно, передумает и согласится». — «Ишь, какие вы прыткие! — возмутился Сусанин, и непонятно было, что звучит в его голосе: обида, начальственное собственничество или обыкновенная ревность. — Обрадовались, что нашли себе ведьму морскую со сверхчувственным восприятием, и думаете — отдадим даром? Не выйдет, она мне самому нужна». — «А эта задиристая действительно нэд'о? — искренне удивился Гюрг. — Вот бы не подумал... Нет, Женька, дело не в том. Сверхчувственное восприятие с общечеловеческой точки зрения — это у любой кошки, у каждой мышки, и ты это знаешь. А у этой юной особы — своя собственная концепция. Чувствуешь? У тебя же, между прочим, только одна стошестидесятая от общепринятой...»

Экран погас, и все торопливо побрели по своим коттеджам — складываться; и только Варвара, в полном неведении сидевшая на берегу под глыбой уже остывшего камня, никуда не двинулась. Ноги не шли домой, потому что завтра ей на голову должно было свалиться непрощенное начальство вкупе с парой младших научных и — прощай, самостоятельность; да еще приказ уходить от моря, без которого она жить не могла, не говоря уже о Моржике, Вундеркинде и остальных; и небрежно-веселые интеллектуалы из стратегической разведки, выставившие ее на посмешище, как ей казалось, перед всей Пресепторией, как будто ей и без того сладко жилось; и, наконец, предательство Теймураза, о ко-

тором он и не подозревал, потому что ведь он ей никогда и ничего не обещал...

Впору было зареветь, но она с детства считала, что слезы на некрасивом лице — зрелище непотребное. Даже если на тебя глядит всего лишь неодушевленное создание — до смерти надоевший морской змей.

Пришлось сдержаться.

Так она и сидела возле растворившегося в ночной темноте камня, покрывавшего могилу человека, который, боясь быть разгаданным в такой поздней и такой незащищенной своей любви, запирался от всех на семь замков заклятых, на семь запоров заговоренных и все же оказался единственным, к которому ей захотелось прийти в тяжкий час. Почему так было, Варвара еще не знала, а это объяснялось просто: этот человек умел любить по-настоящему, а это во все времена — редкость; и хранил он свои чувства, как никто другой. Не знала она и того, что у нее самой все это совсем-совсем близко: от самой сумасшедшей, самой переполненной, самой невероятной поры жизни ее отделяла одна ночь.

Но сейчас она сидела, поджав озябшие ноги, и, как это бывает в сказочную пору — в девятнадцать лет — ей казалось, что для нее все на свете решительно кончено...

Дорогие читатели!

Автор, художник и редакция ждут отзывов о прочитанной книге.

Сообщите свой точный адрес и возраст.

Пишите по адресу:

191187, Ленинград, наб. Кутузова, д. 6

*Дом детской книги Ленинградского отделения издательства
«Детская литература».*

ДЛЯ СРЕДНЕГО И СТАРШЕГО ШКОЛЬНОГО
ВОЗРАСТА

Ларионова Ольга Николаевна

СОНАТА МОРЯ

Ответственный редактор Н. Г. Фефелова.

Художественный редактор А. В. Карпов.

Технический редактор Т. Д. Раткевич.

Корректоры Н. Н. Жукова и Л. А. Бочкарева.

ИБ 1084

Сдано в набор 31.10.84. Подписано к печати 05.03.85. Формат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная № 2. Шрифт школьный. Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,4. Уч.-изд. л. 9,74. Усл. кр.-отт. 22,75. Тираж 100 000 экз. М-20759. Заказ № 732. Цена 60 коп. Ленинградское отделение орденов Трудового Красного Знамени и Дружбы народов издательства «Детская литература» Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 191187, Ленинград, наб. Кутузова, 6. Фабрика «Детская книга» № 2 Росглавполиграфпрома Государственного комитета РСФСР по делам издательств, полиграфии и книжной торговли. 193036, Ленинград, 2-я Советская, 7.

Ларионова О. Н.
Л 25 Соната моря: Научно-фантастическая повесть/
Рис. и оформл. Ю. Смольникова. — Л.: Дет. лит.,
1985. — 124 с., ил.

В пер.: 60 коп.

Научно-фантастическая повесть посвящена актуальным экологическим проблемам, людям будущего, их духовному облику и заботе о жизни Земли, зависящей и от нас, нынешних ее жителей.

Р 2

4803010102—141
Л—283—85
М101(03)—85

Дорогие ребята!
Читайте книги издательства
«Детская литература»

БУЛЫЧЕВ К. В.
Миллион приключений.

Фантастическая повесть.
Рис. В. Сергеева.
М., 1982, 256 с.

БРЕДБЕРИ РЭИ.
Р — значит ракета.

Фантастические рассказы.
М., 1973, 190 с.

ОБРУЧЕВ В. А.
Плутония.

Науч.-фантаст. роман.
Рис. Г. Никольского.
М., 1981, 302 с. (Б-ка приключений и науч. фантастики.)

СНЕГОВ С. Л.
Посол без верительных грамот.

Науч.-фантаст. рассказы и повесть.
М., 1977, 383 с. (Б-ка приключений и науч. фантастики.)

ШАЛИМОВ А. И.
Окно в бесконечность.

Науч.-фантаст. рассказы и повесть.
Рис. Е. Войшвилло и Г. Ковенчука.
Л., 1980, 220 с.

ЩЕРБАКОВ А. А.
Сдвиг.

Науч.-фантаст. повести.
Рис. Ю. Смольникова.
Л., 1982, 144 с.

